

Олег Механик

система

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Олег Механик

Система

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Механик О.

Система / О. Механик — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Действие романа происходит в 90-е годы в одной из воинских частей. Главный герой – мелкий жулик, аферист и прожженный романтик попадает на срочную службу. В периметре части он создаёт уникальную коррупционную схему, прототипом которой является карточная игра. Роман написан в авантюрно-приключенческом стиле. Главный герой, заблудившийся в жизни, пытается доказать себе и другим, что нет таких устоявшихся законов и систем, которые было бы нельзя поменять, и нет таких ситуаций, из которых невозможно выйти победителем. Содержит нецензурную брань.

ПРОЛОГ НАЗАД В НАСТОЯЩЕЕ

– Смотри, куда мой уже уплыл! – Мишка бежит впереди, догоняя свой кораблик-спичку, который успешно преодолев все препятствия, состоящие из мусора, сучков и маленьких камушков лихо устремился вниз, крутясь в бурлящем русле ручейка.

Мой кораблик менее поворотлив, потому что, в отличие от Мишкиного, сделан из спичечного коробка. Сейчас он уперся в булыжник, торчащий над водой, как огромная скала, и крутится на месте, не в силах обогнуть препятствие.

Солнце палит как летом, и я расстегнул своё серое в клетку пальто, но голова всё равно потеет под кроличьей шапкой. Мишка одет по-весеннему. Он всегда одевается хорошо и по погоде. На нём красная дутая болоньевая куртка, синий петушок с надписью «Биатлон» и резиновые сапоги. Ему хорошо, а вот мои ноги насквозь промокли в зимних сапогах с мехом.

Я наклоняюсь и подталкиваю пальцем свой кораблик-коробок, который, проплыв ещё немного, застревает под нависшей сверху льдинкой. Мне представляется, как внутри корабля резко стало темно, там началась паника. Матросы, набранные из бывших пиратов, захватили оружие, перебили весь экипаж, а капитана захватили в плен. Только трём офицерам из всей команды удалось спрятаться в трюме, и сейчас, они будут противостоять всей этой ватаге вооруженных до зубов головорезов.

– Ну ты чё, ещё здесь? А мой уже в колодец упал. Сейчас новый запускать буду.

Щёки Мишки горят румянцем. Под носом как всегда мокро, две прозрачные ниточки свисают до самой верхней губы.

– Возьми тоже спичку! Смотри, как она быстро плывёт, – он снова бежит вниз по ручью. Его синие школьные брюки, заправленные в резиновые сапоги, забрызганы рыжей грязью. Мишка никогда не следит за своим внешним видом. Всё на нём одето как-то набок и наперекось. Мятая рубашка выправлена из брюк, и торчит из под пиджака, который вечно чем-то уляпан. Чаще всего, это остатки еды. Но, иногда, на нём бывают следы зубной пасты, и тогда мне кажется, что Мишка спит прямо так, в школьном костюме, и утром ему остаётся только встать, почистить зубы и бежать в школу. Сегодня на его костюме нет следов каши и зубной пасты, зато прямо над октябрятской звёздочкой висит засохшая сопля. Я никогда не делаю Мишке замечаний, всё равно он отмахнётся и может даже обидеться.

Наши с ним игры различаются, хоть вроде бы играем в одно и то же. Вот и сейчас его больше интересует техническая сторона. Он смотрит, как быстро его кораблик преодолевает препятствия и достигает цели, потом запускает другой и сравнивает результаты. Дальше он будет запускать две спички наперегонки.

Мои игры всегда отличаются от игр сверстников, и их редко кто понимает. Во что бы я не играл, в кораблики ли, в машинки, в солдатиков, я всегда представляю какую то историю.

В моей игре всегда присутствуют поиски сокровищ.

В моей игре всегда присутствует тайна.

В моей игре всегда есть война и смерть.

В моей игре всегда есть красивая принцесса.

Не знаю, может со мною что-то не так, но без всего этого мне не интересна любая игра, и любая игра, в какую бы я не играл, всегда будет содержать эти вещи.

На проталине я нахожу несколько маленьких камушков. Сейчас моих героев ждут новые испытания. Как только корабль выйдет из льдов, он будет обстрелян неизвестной третьей стороной. Вот он боком выбирается из ледяного ущелья. Я прицеливаюсь и бросаю первый камень. Он падает сбоку, подняв небольшой фонтанчик грязной воды. Кораблик уворачивается и про-

должает неторопливое движение, но второй камень попадает прямо в него, и он, перевернувшись, утыкается в отмель.

Вот и конец всей Вашей истории. Пока Вы там жили своей жизнью, конфликтовали, строили планы, кто-то большой готовил для Вас снаряды. Хлоп, и всем Вам крышка.

– Смотри Женя идёт! – Мишка показывает на другую сторону дороги и, вложив пальцы в рот, пронзительно свистит.

Женька замечает нас и переходит дорогу, оглядываясь по сторонам. Бледное его лицо угрюмо сосредоточено. Он чем-то озадачен. Наверное, выдумывает, где он был час назад, когда мы стучались к нему в квартиру. Мы-то знаем, что он был дома, просто не хотел открывать. За Женькой иногда такое водится. Он любит, когда я прихожу один, а в этот раз мы в компании с Мишкой, хотели зайти в гости. Сначала мы не планировали, да и на улице так хорошо, но нам вдруг захотелось есть, а лучшего места, чтобы перекусить нельзя и придумать.

В холодильнике у Женьки есть всё, от копчёной колбасы до стужённого молока. Мамка у него врач, а отец работает на стройке и получает много денег. Это у нас с Мишкой отцы простые инженеры и работают на одном заводе, хотя у Мишки дома тоже всегда есть вкусная еда. Просто его родители запрещают водить друзей домой. Недавно у него ограбили квартиру и своровали большую сумму денег.

Я часто задумываюсь, почему наши отцы такие разные, хотя и работают в одной должности и в одном месте. У Мишкиного отца есть всё: машина, дача, домашний телефон, и сам Мишка всегда одет в новую модную одежду. У моего отца ничего этого нет, и в холодильнике нашем шаром покати. Этот вопрос, похоже, мучает и мою мать. Она часто ругается с отцом, приводя в пример Мишкиного.

«Потому что я не лижу жопы и не ворую!» – обычно отвечает на все её доводы отец, и я снова задумываюсь: неужели все у кого есть машины и домашние телефоны лижут кому то жопы? Тогда лучше пусть наша семья ходит пешком.

– Ну и где ты был? – Мишка уткнул руки в бока и стоит, воинственно расставив ноги.

– За картошкой ходил в погреб, – Женька отвечает сходу, видимо заранее заготовил ответ.

– Не ври, мы знаем, что ты дома был. – Напирает Мишка, шагая на Женьку.

– Да не было меня! – громко оправдывается Женька.

– Божись! – напирает Мишка.

Тут в разговор вмешиваюсь я.

– Да ладно Миша, не было его дома, я верю. – Поворачиваюсь к Женьке. – Слушай Женя, ты по математике сделал? Дашь списать?

Женька мнётся. Он не любит давать списывать, но сейчас я его спас, и ему приходится согласиться. В отличие от нас, на его шее повязан красный пионерский галстук. Он был принят в пионеры одним из первых, а мы с Мишкой не попали даже во вторую очередь, но рано или поздно нам повяжут эти галстуки, поэтому мы сильно не переживаем.

– Ну чё, идём в школу? – спрашивает Женька.

Мы учимся со второй смены и до уроков ещё целый час, хотя можно побеситься и в школе.

Я наклоняюсь, чтобы взять мой коричневый ранец, который стоит рядом с Мишкиным на газоне. Огромная черная тень подкрадывается сзади и накрывает меня сверху, словно гигантское чудовище подошло сзади и хочет меня схватить. Я сжимаюсь от страха и боюсь обернуться назад. Всё погружается во тьму, как будто наступила ночь, и земля подо мной начинает дрожать.

БАХ! – неведомая сила сбивает меня с ног.

БАХ! – темнота вокруг.

БАХ! – огненная вспышка и снова темнота.

БАХ! БАХ! БАХ!

– Эй, сучёнок, ты чё, слохнуть собрался? Погоди, тебе ещё рано. – Кружащиеся как в калейдоскопе разноцветные кружочки сливаются в одну точку, образуя яйцевидный вытянутый овал лица. Кир не может разглядеть его сквозь пелену, залепившую глаза, но по голосу понимает, что это Нос. Несмотря на то, что он выключился всего на мгновение, как ему показалось, всё вокруг когда-то успело погрузиться в сумерки.

– Вставай давай, сука, я с тобой ещё не закончил. Цепкие сильные пальцы сгребают воротник афганки, затягивая его в узел под кадыком. Рывок, и Кир оказывается в положении сидя. Ещё одним рывком Нос пытается поставить Кира на ноги, но тот, приподнявшись на полусогнутых ногах, снова заваливается на бок.

– Встать падла! – Кир чувствует болезненный удар ботинка чуть выше копчика. Он стоит, скорчившись от боли, переворачивается на живот и утыкается носом в землю. Тупая боль перерастает в острую, и он, задыхаясь, хватается ртом землю вперемишку с сосновыми иголками, которыми она обильно усыпана.

«Больше не встану! Пусть лежачего добивают...» – ноющая мысль проскакивает сквозь боль.

Сейчас будет ещё один удар. Он чувствует, как Нос, изготавившись, заносит ногу.

– Витя, хорош... – рядом слышится шум возни. Кто-то, судя по голосу, Томилов оттааскивает Носа в сторону, поэтому нога летит мимо, слегка чиркнув Кира по затылку.

– Пойдём, выпьем лучше, и решим, что дальше делать...

– А я уже знаю, что с ними делать... – голос Носа слышится теперь на безопасном расстоянии, а вскоре совсем удаляется.

Кир продолжает лежать, уткнувшись носом в иголки. В лёгкий сосновый аромат подмешивается металлический запах крови. Разбитые губы и нос саднят, а всё тело ноет от долгой пытки. Первый раз за несколько часов они немного успокоились, и есть время подумать. Где то справа бьют Емелю. Слышатся глухие удары, мат и его стоны.

Избивают серьёзно, не опасаясь поставить синяки, значит дело-труба.

«Они продолжают напиваться, поэтому для нас это ничем хорошим не кончится. Интересно, как они собираются объяснить пропажу трёх солдат? – Кир глубоко вздыхает, вдруг осознав страшное. – Заявления! Мы же сами написали заявления о переводе. Мы отписаны из этой части, а в другую просто не попадём. А что, спишут всё на побег. Поначалу и искать никто не будет. Мы ведь никуда не приписаны. Как я сразу не понял, что это была подстава?».

Теперь, когда он понимает, что точка невозврата для них пройдена, страх куда-то уходит. Его сменяет спокойная рассудительность. Голова становится совершенно лёгкой и ясной, как после хорошего глубокого сна.

«Скоро в любом случае, всё будет кончено, поэтому времени в обрез. Сейчас у них короткая передышка и ей нужно воспользоваться. Сейчас, или уже никогда».

Кир приподнимает голову. В ста метрах перед ним горит костёр, отбрасывая блики на сосны и кучку активно жестикулирующих людей. – «Выпивают, болтают. Сейчас очередная порция алкоголя даст в башку, и они снова примутся за нас. Вот бы сейчас чухнуть, от костра-то они ничего не видят».

Кир пытается пошевелить руками, но они, как и ноги крепко стянуты матерчатыми ремнями. В таком виде далеко не убежишь. Можно, как заяц, проскакать метров сто, до первого пенёка. Всё равно догонят, но так ждать конца тоже не вариант.

Иногда, в самых опасных ситуациях, действия опережают мысль. Кир поворачивает голову вправо и в нескольких метрах от себя, видит покаты́й спуск. Он приподнимается и, сделав несколько мощных прыжков, достигает спуска, падает и кубарем катится вниз. Он прижал

связанные руки к спине, а ноги вытянул так, чтобы не мешать телу перекатываться подобно полону. Его тело быстро катится вниз по мягким иголкам, которые забиваются за шиворот в уши и нос. Боль от быстрого падения и ударов о кочки где-то далеко на заднем плане. Теперь им полностью овладевает инстинкт самосохранения. «Нужно оказаться как можно дальше от них!».

Прокатившись несколько десятков метров, он падает с небольшого выступа и спиной врезается в маленькую берёзку. В любое другое время от болевого шока у него перехватило бы дыхание, но только не сейчас.

Приподнявшись, он крутит головой, озираясь по сторонам. В сумерках почти ничего не видно, только огромной горой перед ним чернеет холм, с которого он только что скатился. Где то за ним красные отблески костра. Там опасность. Он поворачивается в противоположную сторону. Справа от него кусты и мелкая поросль берёз. Он перекатывается туда и врезается в гущу крапивы и репейника. Нужно как можно дальше забраться в эти заросли. Страшными усилиями, рыча, он продирается всё дальше. Заросли дикой малины рвут афганку, раздрают шею и лицо. Вот она. Он видит канаву, густо заросшую крапивой, и скатывается в неё. Канавка оказывается глубокой, и он делает ещё несколько перекатов, пока не достигает бугристого дна. Бурные хлысты крапивы, густо облепившие края канавы, и примятые телом Кира, неторопливо возвращаются в своё прежнее положение, тем самым частично перекрывая видимость. Всё. Теперь лежать тихо и не двигаться, сколько бы не потребовалось.

Сбитое сорвавшееся дыхание постепенно успокаивается и теперь он лежит в полной темноте. Но эта темнота живая; она облепляет лицо, шею, грудь, руки насекомыми; она шевелится, дышит, свистит, стонет. Но сейчас опаснее не эта темнота, а та, освещённая костром часть леса, откуда уже доносятся обрывки криков. Он не различает слов и голосов, но ясно чувствует панические нотки. Они его хватились. Сейчас вся надежда на удачу. Он слышит шорох, потом отчётливый глухой звук шагов. Кто-то быстро спускается по холму. Шаги приближаются и слышатся всё громче и отчётливее, как будто, кто-то точно знает, где находится беглец и идёт прямо к нему. Слышится хруст ломающихся веток, он удаляется куда то в сторону. Разговора не слышно, значит, преследователь спустился сюда один. Постепенно звук удаляется и всё опять стихает. Проходит какое-то время, и Кир уже начинает отвлекаться на муравьев. Он пытается елозить спиной и шевелить ногами, чтобы муравьи знали, что это недохлое тело, которое можно просто так взять и сожрать.

– Серёга, ты где? – отдалённый крик заставляет его замереть и насторожиться.

– Да здесь я, – отвечает голос Томилова, где то совсем рядом. – Не видно ни черта.

– Он где то здесь, не должен далеко уйти, у него ноги спутаны. – Второй голос приближается, и Кир узнаёт в нём Носа.

– Значит распутался. Со спутанными он бы и трёх шагов не сделал. Посвети сюда.

Сквозь темноту пробиваются розовые блики. Ходят с факелом.

– Говорил я тебе, что это хуёвая затея. Чё теперь делать?

– Ты лучше не ной, а смотри внимательно. Найдём, никуда не денется!

– А если не найдём?

– Я даже думать об этом не хочу. Вон в тех кустах смотрел?

– Да смотрел и там тоже всё облазил. – Голос Томилова стал неуверенным, бабьим.

– Вот чую я, где то здесь он, рядом в кустах, или в яме спрятался. Эй, падла, а ну ка выходи, пока я сам тебя не нашёл! – Крик Носа отдаётся в лесу гулким эхом.

– Да не ори ты, – шипит голос Томилова, – так мы его точно не найдём, лучше иди там справа в низине посмотри.

Опять всё затихло. Теперь Кир уже не чувствует муравьёв и холода. Всё его тело горит, как будто его жарят на вертеле. Нос забит засохшей кровью, и он пытается дышать ртом, то и дело сплёвывая заползающих туда муравьёв. Шаги возвращаются, и он слышит хруст веток уже

с противоположной стороны. Шум нарастает, и уже совсем где то близко шуршат раздвигаемые кусты.

Звук ломающихся сучьев и хрустящих под подошвами ломающихся игл отчётливо слышен прямо над головой. Сучки, иголки, комки грязи сыплются на лицо Кира.

«Всё, теперь всё», – он с силой зажмуривает глаза. Движение замирает и наступает тишина. Эта тишина почему-то тревожно звенит у Кира в ушах. Он открывает глаза. Сквозь склонившиеся над канавой заросли крапивы виднеется белое овальное пятно. Замершее пятно неподвижно и напоминает неодушевлённый предмет. Постепенно пятно превращается в бледное вытянутое лицо с тонким прямым носом и маленькими усиками. Большие, широко расставленные глаза горят в темноте, как у кошки. Они смотрят. Они смотрят прямо на него. Кир не шевелясь и не моргая, смотрит в эти глаза.

«Ну всё, ты выиграл. Туки туки тук. Ты меня застукал, как в детской игре. Но галить наверное не придётся. Игра сейчас закончится. Делай что собираешься. Зови своих головорезов, только не жди, что я отведу взгляд». – Этот молчаливый крик Кир адресует застывшему, наставленному на него взгляду. Бегут секунды, проходят минуты, а они продолжают, не моргая смотреть друг-другу в глаза.

– Серёга, ты куда пропал? – Крик Носа разрывает тишину. Этот крик заставляет одновременно вздрогнуть и Кира и капитана.

«Всё!»

Капитан преодолел оцепенение. Он отводит взгляд от Кира и оборачивается на крик Носа.

– Серёга, чё там? – повторно орёт Нос

– Да ничё! Бесполезно его в этих чигирях искать. – Лицо капитана вдруг пропадает, и Кир слышит, как удаляется хруст его шагов.

– Надо ждать пока не рассветёт, – слышится голос Носа.

– Пока не рассветёт? Ты чё, с дуба рухнул. Если ещё хотя бы час промурыжимся, нас прямо здесь и накроют. Надо забирать этих двоих и уходить. – Кир слышит, как голос Томилова удаляется.

– Уходить без него? Да он же тебя первого сдаст! – голос Носа удаляется всё дальше.

– Сдаст, не сдаст, надо быстрее валить. Он уже в любом случае далеко. – Последняя фраза уже еле слышна.

Тишина!

Кир с облегчением выдыхает. Похоже, он временно спасён, а вместе с ним спасены и друзья. Теперь они с них пылинки будут сдувать, пока Кир не даст знать о себе.

Но пока нужно терпеть и лежать, не двигаясь, как можно дольше, пока он не убедится, что они ушли. От усталости и изнеможения его накрывает дрёма.

Открыв глаза, он долго не может понять, где он, потом долго, как страшный фильм в памяти прокручивает события минувшей ночи, пока не доходит до момента, когда он оказался в этой яме.

«Сколько я здесь лежу?».– Он прислушивается. Лес наполнен звенящей тишиной. Кажется, что даже муравьи и те уснули. Стало холодно, и его дыхание превращается в лёгкий дымок.

«Пора выбираться». – Он пытается пошевелиться, но не чувствует своего тела. Усилиями воли, он заставляет пошевелить себя пальцами ног, потом рук. Пальцы ног оказываются более послушными, а руки лежат под телом, как инородная ватная подложка.

«Вот и приехали. Так я, похоже, и останусь здесь лежать» – Кир, почему то думает о себе как-то отстранённо, как о постороннем человеке. Кровь в перетянутых ремнями руках и ногах застыла, и он тщетно пытается разбудить своё тело, ставшее ватным.

На помощь приходит муравей, внезапно заползший ему в ухо. Он чувствует дикую боль и скрежет в перепонке, словно кто-то ковыряется ржавым гвоздём прямо в его мозгах. Он истошно орёт, не в силах сдержаться, но даже не слышит своего крика. Эта пытка оказалась самой изощрённой за эту ночь, но именно она сотворила чудо. Боль отступила так же мгновенно как и пришла, видимо муравей, не найдя в ухе Кира ничего интересного его покинул. Кир обнаруживает себя в положении сидя, причём правая нога почти вылезла из сапога. Он активно крутит ступней, чтобы окончательно вытащить её из тесной колодки. Наконец, ступня освободилась, и он, продолжая активно ею работать, вытаскивает её из голенища. Ремень, стягивающий ноги на щиколотках, ослаб и Кир, продолжая двигать ступней, освобождает ноги. Перевалившись на бок, он пытается встать, но это удаётся ему не с первого раза. Деревянные ноги не хотят слушаться, а связанные руки висят сзади как плети. Наконец, ему удаётся встать. Пытаясь выбраться из канавы, он теряет равновесие и снова падает назад. Боль снова крепко обнимает всё его тело. В отчаянье он кричит, орёт что есть силы, и запёкшиеся раны на разбитых губах и носу снова открываются и начинают кровоточить. Порыв отчаянья и сопровождающий его дикий крик помогают Киру в считанные секунды выбраться из ямы и подняться на холм. Он не замечает, как сосновые иголки и шишки больно ранят правую босую ногу. Теперь ему нужно только одно – освободить руки. С этой целью он и возвращается на поляну, где их инквизиторы пили водку между пытками. Здесь должны быть бутылки, а бутылки это стекло.

Уже светает, и поляна не кажется такой страшной. Она словно сбросила с себя кошмар прошедшей ночи, оставив только пепелище от костра и примятую, покрытую инеем траву. Бутылки из-под финской водки хаотично валяются вокруг кострища, но Кир не может найти ни одной разбитой. На глаза ему попадаете банка тушёнки, открытая наполовину, так что изогнутая жестяная крышка торчит острым краем вверх. С помощью ног он выравнивает положение банки, делая его более устойчивым, а потом, повернувшись к ней спиной, присаживается и ложится на неё, так чтобы связанные руки оказались над ней. Выгнувшись мостиком, что причиняет сильную боль в отбитой спине, он прижимает связанные руки к острию банки и пытается делать ими поступательные движения. Несколько раз банка падает, и ему с трудом связанными руками удаётся возвращать её на место. Наконец, он находит самое удобное положение, и пытается движением за движением разрезать ремень. Самое неприятное то, что он не видит, как продвигается дело, и продвигается ли оно вообще. Остаётся только стиснуть зубы и работать. Работать до победного конца. Другого выхода у него нет.

Прошло очень много времени, по его меркам целая вечность, пока он не стал ощущать, что ремень начинает растягиваться и рваться. Наконец-то руки освободились, и он в изнеможении падает на спину и снова отключается.

Очнувшись в очередной раз, он чувствует тупую боль в спине от впившейся в неё острой крышки. Кир с трудом перекачивается на бок, затем на живот. Застывшие, онемевшие руки продолжают оставаться за спиной. «Надо двигаться, надо срочно вставать. Сейчас совсем не время разлёживаться» – он пытается мысленно подбодрить своё тело, но похоже оно отдало свои последние силы борьбе с верёвкой на руках. Белая корка инея начинает темнеть от его частого дыхания и вырастает в большое бурое пятно.

«А-а-а... а-а-а!» – дикий вопль подбрасывает его тело и переворачивает на спину. Он видит ровный круг мрачного серого неба, обрамлённого покачивающимися верхушками сосен. В ушах продолжает стоять его собственный крик. Он не в силах пошевелить ни одной частью тела. Оно ему больше не принадлежит. Круг неба начинает медленно вращаться, и он чувствует небывалый экстаз, эйфорию. Ему больше не нужно это тело, эта обуза. Без него так легко и свободно. Вот та свобода, о которой он всегда мечтал. Он летит ей навстречу, растворяется в этом волшебном пространстве. Единственное, что ещё подчиняется ему в этом теле, это глаза и губы, которые сами по себе растягиваются в широкой улыбке. Засохшая на губах кровь снова

оживает и ручейками течёт по щекам. Вместо неба в его стеклянных глазах отражается золотистое свечение.

«Это всё?» – спрашивает он кого-то, находящегося там, высоко в небе. Наверное, этот кто-то кивнул со вздохом сожаления, поэтому Кир задаёт ему следующий вопрос.

– Если это конец, то по всем правилам, сейчас у меня перед глазами должна пронестись вся моя жизнь.

– По каким таким правилам? – спрашивает голос, один в один похожий на его собственный.

– По Вашим... по небесным.

– Учítывая, сколько тебе осталось времени, вся твоя жизнь пронесётся мимо тебя, как скорый поезд. Ты только почувствуешь, как тебя обдаст ветерком, и увидишь мелькание света в окнах, проносящихся мимо. Зачем тебе это?

– Так... не знаю... положено. – Блаженная во весь рот улыбка не сходит с лица Кира, когда он ведёт мысленный диалог. – Раз положено, давай, показывай... наколоть хочешь? Со мной не прокатит...

– Нет, не хочу. Просто, за то время, что тебе осталось, ты мог бы увидеть самые яркие моменты. По сути это и есть твоя жизнь. Даже в проносящемся поезде, ты видишь только светящиеся окна.

– Согласен... давай хотя бы так... – Кир продолжает улыбаться.

– Говори, чтобы ты хотел увидеть, я тебе покажу...

– Много чего. Детство, свой двор, пацанов, наши приключения, Алёнку, Безумного, даже Ботаника. Ещё хочу пересмотреть всё, что было связано с «Системой» и с моими друзьями.

– Определись, с чего начнём, – спрашивает голос.

– С начала и начнём...

– С какого начала?

– С начала конца. Если сейчас конец, я хочу увидеть всё, что ему предшествовало, всю цепочку событий которые к нему вели.

– Хорошо, выбирай то, с которого считаешь, что всё началось.

– Знаю, на что намекаешь... – веселится Кир, – скажешь, всё и началось с самого твоего рождения. Согласен, но если так изда́лека смотреть, то, пожалуй, времени и вправду не хватит. Мы начнём откуда-то поближе. Найдём отправное событие, результатом которого явилась «Система» и то, что я в итоге валяюсь в этом лесу.

Наверное, больше к такому событию подходит история, которая случилась на полигоне. Пожалуй, с неё и начнём. Если бы не эта чёртова иголка, я бы не попал в лазарет, не встретил там Медного и эта дьявольская карусель под названием «Система» так и не пришла бы в движение. Давай небесный механик, крути свою киноленту.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЗНА

Глава 1. ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

3 марта 1994 г.

Очередной подъём. Очередное утро, не предвещающее ничего хорошего, интересного и нового.

Всё как обычно: зарядка, тупое выравнивание кроватей по нитке, завтрак и развод.

На разводе, кроме Томилова присутствует капитан Габриэль. Этот длинный огненно-рыжий мужик с каким-то озорным детским веснушчатым лицом, постоянно веселится, шутит и производит впечатление наиболее добродушного из всех шакалов. Но никто из духов, вклю-

чая Кира, почему-то не рад его появлению. Его присутствие на разводе означает, что сегодня, скорее всего, будет строевая.

На плацу рыжий Габриэль проявляет себя как изощренный садист. Он просто изматывает солдат многочасовыми маршами, построениями, перестроениями. Иногда случается часами стоять на морозе по стойке смирно, пока ноги не станут деревянными. Говорят, что Габриэль служил в Кремлевском полку, этим и объясняется его детальное знание муштры.

Как оказалось, на этот раз он появился в роте с другой миссией.

– Солдаты! – Габриэль добродушно улыбается. – Сегодня для Вас очень важный день, возможно самый важный за всю Вашу службу. Ведь быть в армии и не пострелять из боевого оружия это совсем стрёмно. По правде говоря, Вам и лопату страшно в руки давать, но таковы требования. Поэтому запомните этот день, что бы было о чём рассказать своим подружкам и откосившим друзьям.

«Ну вот, хоть какое то развлечение!» – радуется про себя Кир. Он готов уже к любому кипишу, лишь бы не тереть полы в казарме.

Получив в оружейке автоматы, дүхи, в сопровождении двух сержантов Монтаны и Кекса, загружаются в раздолбанный КАВЗик, который надрывно завывая мчит их на полегон.

Автобус тесен для тридцати с лишним человек, поэтому все сидят плотно прижавшись друг к другу по три человека на двухместных сидениях.

Кир, вытесняемый толстой задницей хохла Ляшенко, все же пытается удержаться хотя бы одной ягодичей на сидении скраю.

Он смотрит на сидящего напротив Аширбая. Зрелище не самое приятное, учитывая мрачный облик татарина, но смотреть всё равно больше некуда.

Его взгляд спускается сверху вниз с нелепой синей шапки, к страшному, словно вырубленному топором на коленке, лицу; скользит ниже по безразмерной серой шинели с красными погонами; упирается в руку в нелепой однопалой рукавице, которая держит автомат. Он видит в этом худом, нелепо одетом татарине, самого себя, будто смотрится в зеркало и представляет, что они едут на реальное боевое задание. Только это не может происходить сейчас, в девяностые годы двадцатого столетия. Судя по их одежде и серым сталинским пятиэтажкам, проносящимся за окном автобуса, это сороковые годы, не позднее того.

Наверное их везут для заброски в немецкий тыл. «Нет, пожалуй на разведчиков даже сороковых мы не тянем, – фантазирует Кир, рассматривая Аширбая. – Мы больше походим на штрафбатовцев, которых везут на передовую».

Ретроградную картину, нарисованную в глазах Кира, портят какие то совсем уж игрушечные автоматы. Любивший с детства и интересующийся оружием и всем, что с ним связано, он не находит в этих безделушках ни красоты, ни мощи. По сравнению с прежними моделями «Калашей», цевье и приклад у этих из пластика и калибр меньше. Если это и оружие, то оно больше походит на инструмент, тем самым превращая войну в рутину, а солдат в простых работяг. Кир представляет, как они идут в атаку, путаясь в длинных полах шинелей, и держат наперевес автоматы, больше похожие на палки. Он не может понять, кому могло прийти в голову одевать солдат в такую нелепую форму. Почему шапка должна быть синей, а шинель серой; зачем нужна эта глупая бляха на ремне; почему сапоги должны быть громоздкими и тяжёлыми. Может быть человек, одетый как полное ЧМО, становится более отчаянным в бою, чтобы поскорее быть убитым и не терпеть этот позор. А может, цель такой одежды насмешить противника и тем самым обескуражить его? Все эти вопросы мучают и в то же время отвлекают его от тряски в переполненном автобусе. Сейчас он даже не предполагает чем для него может закончиться эта поездка, и какая череда событий будет запущена, благодаря одному нелепому случаю.

Они выгружаются на заснеженном поле, утыканном ростовыми мишенями и флажками. Навес из досок, обтянутый сверху брезентухой служит огневой точкой. Под ним наспех расстилают три плащ-палатки. Построив всех в одну шеренгу, Габриэль демонстрирует свои ораторские и педагогические навыки. Он рассказывает об устройстве автомата, дальности стрельбы и прочей хренотени, которую все уже и так прекрасно знают из теории, которую проводит Томилов раз в неделю.

Далее Габриэль переходит к демонстрации самой стрельбы. Он ложится на плащ-палатку, и отклячивает в сторону правую ногу, как будто мостится на бабу.

– Взводите! – он лязгает затвором – Снимаете с предохранителя! – щёлкает чёрным металлическим влажком, – кричите «Рядовой Пупкин к стрельбе готов», прицеливаетесь и стреляете. У вас десять патронов. Вы делаете пять коротких очередей по два патрона. Три очереди по мишеням и две очереди по ростовым фигурам. После того, как отстрелялись, кричите «Рядовой Пупкин стрельбу закончил». Вопросы солдаты!

Общее настороженное молчание говорит о том, что вопросов вроде нет, но и понято далеко не всё.

Их выстраивают в шеренги по трое, и первая тройка сразу же начинает готовиться к стрельбе. Благодаря маленькому росту, Кир оказывается в самом конце строя, и имеет счастливую возможность наблюдать и анализировать действия своих товарищей. Они по очереди ложатся, выкрикивают глупое заклинание, стреляют и бегут снимать свои мишени и вешать новые. Сухие и негромкие выстрелы походят на хлопки китайских питард, и это добавляет Киру еще больше разочарования в новом оружии. После пятой, или седьмой тройки он теряет интерес к зрелищу и представляет, как занимается любовью с Аленкой. Из одежды на нем только синяя шапка, сапоги и ремень. В момент оргазма он кричит: «Рядовой Кирсанов к стрельбе готов!».

– Солдат, хватит спать, к барьеру! – крик Габриэля обрывает его эротическое видение.

Встрепенувшись, он с ходу плюхается на плащ-палатку. Справа угрюмо готовится к стрельбе Кэмэл. Слева Емеля, с задумчивым серьёзным видом, зачем то рассматривает затвор автомата. Кир клацает затвором, переводит предохранитель на автоматическую стрельбу, прицеливается в белый кружок напротив, в голос кричит с Емелей и Кэмэлом, что готов и нажимает на курок.

После раздавшегося залпа, он не может понять, стрелял ли его автомат, или он слышал стрельбу соседей. Он снова прицеливается и жмёт на курок повторно. Короткая и невнятная очередь все же убеждает Кира в том, что сейчас стреляет именно он. Он приготовился дать третью очередь, но после очередного нажатия курка затвор звонко щёлкает вхолостую.

– Ты чё творишь долбонос! – раздаётся за спиной голос Габриэля. – Тебе ясно сказано было, пять очередей по два патрона, а ты в два приема все десять выпустил!

Кир пытается оправдаться, мол не слышал, но очередной крик Габриэля : «Бегом за мишенью, солдат!» подбрасывает его вверх, и он бежит по расчищенной тропинке к своей мишени.

Порывы ветра загибают горсти колючего лежалого снега и то и дело кидают их ему в лицо.

Почти добежав до мишени, он чувствует странные болевые ощущения в правом боку. Появившаяся внезапно боль, сначала невнятная и тупая, быстро перерастает в острую и пронзает низ живота, словно раскаленный шампур. Кир пробегает по инерции несколько шагов и останавливается у мишени. Он замечает, что боль исчезла так же внезапно, как и появилась. Ему некогда делать анализ случившемуся, так как нужно быстро снимать мишень и рвать назад. К его приятному удивлению все десять пуль легли кучно, правда чуть ниже и правее черного кружка. Он отцепляет свою мишень, закрепляет другую и бежит в обратном направлении. Боль возвращается, снова обжигает низ живота, и быстро распространяется по всей правой

половине тела. Острая и жгучая она заполняет его, как кипяток наполняет пустой стакан. Кир делает несколько пьяных шагов, его ноги подламываются и он валится в снег.

«ДА ЭТО Ж ПУЛЯ, МАТЬ ЕЁ! МЕНЯ ПОДСТРЕЛИЛИ!» – неприятная догадка заставляет всё его тело покрыться холодной испариной.

– Боец! Ты там не вовремя прилёт! А ну быстро на позицию! – голос Габриэля раздаётся где-то вдалеке, но Кир лежит в сугробе, парализованный страхом и болью.

Не проходит минуты, как над ним склоняются Кекс и Монтана.

– Эй чё с тобой? – спрашивает запыхавшийся Кекс

– Меня подстрелили! – обреченно отвечает Кир.

– Ты чё солдат охуел? – за спиной Кекса вдруг вырастает Габриэль. При этом он, почему то оглядывается вокруг, словно осматривая поле.

– Где болит? – уже спокойнее спрашивает он, наклоняясь к Киру.

– Живот внизу – жалобно стонет он.

Габриэль, сев на корточки, быстро срывает с него ремень, и нервными движениями расстегивает шинель. Потом, двумя рывками, распахивает гимнастерку, оторвав при этом все пуговицы. Не увидев на белухе крови, начинает злорадно ухмыляться, но задрал её, замирает, глядя застывшими глазами на живот Кира. Тот садится и медленно опускается взглядом с пупка к низу живота. Справа, над брючным ремнем виднеется маленькое отверстие, или впадина, как на пупке, только меньшая по размерам.

– Я же говорил! – шепчет он, обречённо глядя Габриэлю в глаза.

Габриэль, не отводя глаз от Кира, истощно орёт: – Кожевников! Быстро аптечку сюда! – а потом уже ласково, как к ребёнку обращается к нему.

– Тебя как звать то?

– Игорь – жалобно скулит Кир.

– Слушай Игорек, мы тебя сейчас перевяжем и отвезем к нам в лазарет. Ещё не понятно, что там у тебя. Ты главное не паникуй. Хорошо Игорек? – Габриэль переходит на тон воспитательницы из детского сада.

Он туго бинтует живот Кира, положив на рану тампон со спиртом.

– Давайте берите аккуратно и к УАЗику! – командует он Кексу и Монтане. Они хватают обмякшего Кира под мышки и волокут к машине. Он даже немного помогает им, перебирая ногами, потому что опять перестаёт чувствовать боль. Он слышал, что во время шока, серьезно раненный человек подолгу не чувствует боли и от этого становится еще муторнее. Он видит бледные лица товарищей, которые стоят в строю и смотрят, как его волокут к машине.

«*Жертва несчастного случая на стрельбищах!*» – газетный заголовок внезапно появляется перед глазами. «Я жертва! Но почему именно я? Почему так нелепо? Схлопотать пулю не в бою, не в Афгане, а в роте обеспечения учебного процесса может только конченный неудачник».

Его кладут на заднее сидение УАЗика. Габриэль прыгает за руль.

– Кожевников, соберите оружие и в роту! Медведев со мной, – распоряжается он.

Дорога кажется муторной и бесконечной. Кроме гудения заднего моста и скрежета переключаемых передач в машине не раздаётся ни звука. Габриэль и Монтана молчат, не разговаривают даже между собой. Такое молчание бывает в траурном катафалке, который везёт покойника на кладбище.

Глядя на грязно серую обшивку потолка салона, Кир крутит в голове события своей короткой жизни и находит во всем какую-то несуразность незаконченность. «Ну не должно же все так закончиться!» – думает он – Во всем должна быть хоть какая-то логика, а то, что происходит сейчас выходит за ее пределы. Что я сделал такого, чтобы заслужить такую нелепую смерть. Я готов погибнуть как герой, но только не так».

Сейчас ему кажется несвоевременным и неуместным искать ответ на вопрос, который наверное мучает сейчас Габриэля и Монтану: «КАК ЭТО МОГЛО ПРОИЗОЙТИ?».

Наконец то, свистя тормозами, УАЗик останавливается у ворот училища.

– Сидеть здесь! – командует Габриэль, конечно же, обращаясь к Монтане, и забегает в будку КПП. Он возвращается где-то через пять минут, угрюмо хлопает дверью, посигналив, заезжает в раздвигающиеся ворота. Проехав мимо плаца, вдоль главного корпуса он сворачивает в арку и въезжает во внутренний двор учебного корпуса со стороны черного входа. Вход этот не то чтобы совсем черный, и обладает высоким крыльцом и роскошными деревянными резными дверями, но пользуются им гораздо реже, чем парадным. Кир видит у подъезда двух курсантов в коричневых больничных пижамах, держащих носилки.

Габриэль тормозит возле крыльца, выбегает из машины, по воровски оглядывается по сторонам.

– Давайте в темпе вальса! – рывкает он курсантам, открывая заднюю дверь. Те помогают Киру выбраться и лечь на носилки. Затем, натужно кряхтя, они поднимают носилки с его телом на крыльцо. Габриэль забегает вперед и открывает перед ними двери. Носилки с Киром проносят по пустому коридору и поднимают на второй этаж. Там, в конце левого крыла находится местный лазарет.

«А почему сюда, а не в нормальный госпиталь? – только сейчас осеняет Кира. – Тут же и докторов то нормальных нет. Только этот жирный боров, который только и может, что потчевать больных красными колёсами».

Жирный боров, это необъятный во всех размерах доктор с большими тараканными усищами, которого в простонародье прозвали Мичманом. Никакого отношения к морской службе этот хитрый и алчный проныра не имеет, а погоняло получилось, как производная от его имени Миша. У Мичмана существует единственная и безупречная панацея от всех болезней. Известно, какое лечебное вещество содержат таблетки, покрытые красной оболочкой, но любая болезнь, будь то бронхит или триппер, лечится здесь только этими таблетками. Врачебное искусство Мичмана заключается в выборе правильной дозировки лекарства. Например: если к нему приходят с головной болью, он выдаёт всего одну красную пилюлю, а если это кашель, или ангина, то это уже две, или три пилюли, в зависимости от тяжести заболевания. В лазарет, где есть надежда отлежаться и получить, хоть какое-то альтернативное лечение, попасть практически невозможно. А сейчас Кира доставляют туда целым эскортом, во главе с Габриэлем, но он почему-то совсем не рад этому.

Мичман видимо уже введён в курс и стоит у дверей лазарета, щипая кончик уса.

– Заносите ко мне – басит он, открывая дверь кабинета, который находится сразу за входом в лазарет. Вспотевшие, запыхавшиеся курсанты кладут Кира на кушетку.

– Всё исчезли! – злобно рычит Мичман и курсанты мгновенно пропадают за дверью.

– А тебе что особое приглашение нужно? – обращается Мичман уже к Монтане и тот выходит вслед за курсантами.

В кабинете остаются только Мичман, Габриэль и Кир.

– Ну ты скажи Лёша, чё мне с ним делать? – Мичман закуривает и долго трясёт спичкой, которая давно потухла, – на хрена ты его сюда припёр? Нужно было туда неотложку вызвать.

– Миша, ты сначала посмотри, а потом решим что делать. Подумать надо – Габриэль прикуривает у Мичмана и косится на кушетку, где лежит Кир.

Они разговаривают так, как будто на кушетке лежит не человек, а неодушевленный предмет. Мол «На хрена ты эту гадость сюда притащил?».

Докурив, Мичман наспех моет руки, задирает белуху на Кире и кривыми ножницами разрезает бинт на животе. Страх переходящий в ужас начинает переполнять Кира. В голове у него рисуется картинка, в которой Мичман, обреченно смотря на рану, говорит: – «Ну и на хрена ты его сюда припёр? Он же теперь и до скорой не дотянет!».

Но вот Мичман расправляется с бинтом и близоруко щурится, склоняясь над животом пациента. В его глазах Кир видит непонятное удивление. Мичман быстро подходит к шкафу напротив, бренчит железками в лотке и, наконец, достаёт оттуда длиннющий железный пинцет.

– Нет! Неужели он прямо сейчас достанет пулю! – паника накрывает Кира, и он начинает мелко дрожать.

Снова склонившись над его телом, Мичман уверенным движением запускает губки пинцета в рану.

– А-А-А – осторожно стонет Кир, чувствуя нарастающую боль и готовясь заорать от дикой.

– Тихо, тихо, тихо, уже всё – , тоном мамыши, успокаивающей малыша, шепчет Мичман, заканчивая манипуляцию. – Лёша, иди сюда! – вдруг уже громко и весело кричит он.

– Смотри! – он подносит пинцет прямо к носу подбежавшего Габриэля.

– Что это? – удивленно спрашивает тот, рассматривая содержимое, находящееся в стальных клювиках.

– Игла!

– Какая игла?

– Обыкновенная швейная с ушком – хохочет Мичман. – Хорошо, что вся не вошла. Ушко кожу оттянуло, поэтому смотрелось точь-в-точь как пулевое.

– Откуда у него там игла? – голос Габриэля заметно веселеет, и жизнь, вместе с приливом крови, возвращается в его бледное лицо.

– А это ты у него спроси – Два лица пухлое и веснушчатое поворачиваются к Киру. Они словно только что увидели как куча навоза превратилась в кудрявого пацанчика совсем не плохой наружности.

– Солдат! – Расслабленным пьяным голосом произносит Габриэль – Ты не хочешь нам ничего сказать?

«Так это всего лишь игла!» – от счастливого известия Кира подбрасывает, так, что он оказывается сидящем на кушетке, с довольной расплывшейся в улыбке физиономией

– Я понял это из ремня! – его голос радостно дрожит.

– Из какого блядь ремня? Я тебя сейчас убью! – ласково почти шепчет Габриэль, глядя на Кира влюбленными глазами.

– Не надо товарищ капитан, я только воскрес, – Кир словно плавает в волнах эйфории. – Мы вставляем иголку в брючный ремень, чтоб не потерялась. Видимо, когда я стрелял она в меня и воткнулась.

– Солдат, ты даже не представляешь, какой ты дибил! Я ж с тебя теперь три шкуры спущу! Ты ж у меня сучёнок в нарядах сгниешь! – радостно нараспев мычит Габриэль.

– Я знаю! – Воскресший Кир улыбается во весь рот.

Глава2. НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Иногда, случаются встречи, важность которых нельзя переоценить. Бывает так, словно ты, долго плутая по болотам, вдруг выходишь к огромному чистому озеру. Ты понимаешь, что в нем точно есть рыба, но у тебя нет с собой удочки, ведь ты не собирался рыбачить. Можно уйти с чувством, что упускаешь что-то важное, можно хотя бы искупаться, а можно подумать, как сделать так, чтобы это озеро поделилось с тобой своей рыбой.

3 марта 1994 г.

– Это твоя койка. – Мичман тычет пальцем на аккуратно застеленную кровать, возле окна. – Переоденешь пижаму, а форму сдашь мне. – Он суёт в руки Киру синий тряпичный сверток и выходит из палаты.

Кир переодевается в коричневую с синей оторочкой пижаму и попутно осматривает палату. Она небольшая, всего на десять коек, большинство из которых пустует, так как лазарет и его персонал в виде Мичмана, не рассчитан на лечение серьезных болезней. А с несерьезными сюда попасть очень сложно. Лазарет, это скорее, место отдыха блатных курсантов и дедов, которые каким то образом внушают Мичману необходимость своей госпитализации.

Кир оказался здесь только потому, что Мичмана попросил об этом Габриэль, который испугался огласки случая с иголкой. Сама по себе ситуация выглядит забавно, но то как повёл себя в ней капитан может вызвать много вопросов.

– Пусть полежит у тебя пару дней, чтобы вопросов лишних не было, – уговаривал он Мичмана, во время фуршета, состоящего из разведённого спирта и организованного в честь чудесного воскрешения Кира. Самому виновнику торжества в просьбе налить сто грамм вежливо отказали, сказав «обойдётся».

– А ты об этом случае забудь, так для тебя же лучше будет. – Сказал Киру Габриэль. – Скажешь всем, что у тебя понос или ещё что, в общем, Миша сам что-нибудь придумает.

Так Кир стал обладателем счастливой возможности провести два дня в тишине и покое.

В палате находится всего три человека. Сначала Кир обращает внимание на двух курсантов, кровати которых расположены рядом. Губастый розовощёкий толстяк играет на гитаре. Бабьим переливающимся, как у Людмилы Зыкиной голосом, не соответствующим его телосложению толстяк выводит:

«Я на тебе-е-е как на войне-е-е
А на войн-е-е как на тебе-е,
Но я устал, закончен бо-ой,
Беру портве-ейн, иду домо-ой...»

Он поёт вроде бы мелодично, но совершенно мимо нот оригинала. Его бездарное мычание усиливает не менее бездарный аккомпанимент. Он так лупит по струнам, словно проверяет их на прочность.

Прыщавый худой товарищ с видом искушенного ценителя, подперев подбородок кулаком, слушает этот кошмар.

– Эй, музыкант, ты сегодня заткнешься, или тебе помочь? – раздаётся до боли знакомый голос с кровати в дальнем углу. – Я тебе точно гитару на башку одену, а гриф запихаю в жопу, чтобы ты наконец-то понял, что пение это не твоё!

Раскритикованный недовольным слушателем толстяк краснеет и покорно откладывает гитару в сторону.

Хозяином недовольного голоса является черпак Андрей Медягин, имеющий в роте погоны Медный. Белобрысый, небольшого роста, коренастый, Медный обладает чудовищно непропорциональным телом. Его могучему торсу и косой сажени в плечах позавидовал бы любой двухметровый атлет. Но то, что находится у Медного ниже пояса, сильно контрастирует с верхней частью. Могучий торс внезапно переходит в жидкие как макароны и коротенькие ножки. Создаётся впечатление, что его собрали из двух разных людей.

В отличие от других черпаков, Медный не входит ни в одну из их каст. По определению он не подходит ни к высшей касте, где состоят Монтана, Жулик и Ник, ни к средней, куда входят такие люди как Поваренок, Айзер и другие, и уж точно не к низшей, состоящей из Ваучера, Мыша и им подобным. Медный сльвёт одиночкой. Но его судьба здесь отлична от судеб большинства затравленных одиночек. Он расставил все точки над «И» в самые первые дни своего пребывания на службе.

В тот момент, когда в роте появился Медный, изменилась судьба ещё одного человека. Этим человеком был Кума. То есть на тот момент его ещё звали Кум, и он был одним из самых жестоких и подающих надежды сержантов.

Кира зацепила передававшаяся из уст в уста история, которая произошла между Кумой и Медным, и он очень часто прокручивает её в своем воображении.

Он ясно видит Кума, тогда ещё опрятного и следящего за собой высокомерного красавчика, только что произведенного в сержанты. В отутюженной строгим квадратом синей шапке, свисающем на бедра кожаном ремне, в скрипящих начищенных яловых сапожках и красной повязкой дежурного на рукаве Кум вышагивает по паркету. Жизнь удалась, теперь он сержант и рота пополнилась новобранцами. Как он мечтал об этом времени, когда сможет насладиться своей властью. И вот оно настало. Наконец-то он воплотит в реальность свои фантазии, в которых изощренно издевается над этими тупыми животными. Начать можно прямо сейчас. У духов свободный час перед отбоем и все сидят в Ленинской комнате и смотрят телек.

– Духи строиться! – истошно орёт Кум.

Духи неохотно выползают из Ленинской комнаты и выстраиваются в шеренгу.

– Упор лёжа принять! – орёт Кум. – Отжимаемся на два счёта! Ра-аз! Два-а....

Духи в белухах, согнув локти, лежат перед ним на полу. «Ах, это неземное наслаждение».

Но что-то вдруг заставляет его насторожиться. Что-то здесь не так. Почему в Ленинской комнате продолжает орать телевизор? Обычно последний выходящий его выключает. Кум заходит в комнату. Он видит какого-то недомерка, стоящего к нему спиной и уставившегося в телевизор в котором Марайя Керри выводит мелодичным низким голосом

«Can li-ive, can live without you...»

«Ну вот ты и доигрался» – думает Кум. «Спасибо тебе за шанс!» . Он неслышно подкрадывается сзади к коротышке. Он подошел на необходимое расстояние и готов нанести болезненный удар сапогом между ног. Кум замирает ещё на одну секунду, чтобы растянуть удовольствие и...

Вспышка, темнота, невесомость, космос и быстро падающие звезды. Какой-то шум, крики, прорывающиеся издалека. И все это на фоне бархатного голоса Марайи Керри: «Can live without you».

Кум выныривает на поверхность. Он видит склонившиеся над ним лица, но не слышит, что они говорят. Кум даже не понимает, что это акушеры и что он только что родился.

А до этого он умер. Только умер Кум, а родилась уже Кума. Какое-то время он ещё будет сопротивляться, говорить

– Я все тот же, я мальчик!.

– Нет. Мы что мальчика от девочки не отличим? Все беги к девчонкам!

После того, как Медный отправил Кума в глубокий нокаут, его уже никто не трогал, а Кум потерял авторитет, потом уважение, а потом его и вовсе опустили ниже плинтуса. И, всё таки, Кир никак не может понять, почему друзья так быстро отказались от Кума, ведь на его месте мог оказаться любой из них.

Таким образом, Медный избежал всех тяжестей «духанки». Он словно сразу же поступил на второй курс учебного заведения, в то время как его товарищи ещё год должны были мучиться на первом. Так получилось, что у Медного не стало товарищей из своего призыва. Черепам и дедам товарищем он тоже не стал, поэтому и слывёт одиночкой. Большую роль в его отстранённости играет ещё тот факт, что он единственный человек в роте с высшим образованием, соответственно и самый старший по возрасту.

Медный нашёл общий язык с Мичманом, поэтому часто отлеживается в лазарете. Сейчас он сидит на кровати скрестив по турецки маленькие ножки и держит в руках толстую книгу. Приглядевшись к обложке, Кир увидел название книги «Маленькая хозяйка большого дома» Джека Лондона. Ему кажется странным, что Медный читает такую литературу.

4 марта 1994 г.

За прошлый вечер Киру так и не удалось наладить контакт с Медным, не смотря на то, что он несколько раз подкатывал к нему с глупыми вопросами типа «Интересная книга?..» или «А когда здесь ужин?». Медный никак не реагировал на его вопросы, он сидел уткнувшись в книгу, как будто перед ним было пустое место.

Этим утром всё изменилось. Кир первый раз за несколько месяцев хорошо выспался и проснулся, когда на улице уже было светло. Первое, что он видит, открыв глаза, довольное лицо Медного, который смотрит на него в упор.

– Ну как спалось инвалиду войны? – спрашивает он с издевкой.

Кир понимает, что прогон о событиях вчерашнего дня каким то образом дошёл до Медного.

– Отлично! – он улыбается, с иронией встречая выпад Медного.

Медный чинно прохаживается по палате, похлопывая себя книгой по ляжке, садится на соседнюю с Киром кровать, закидывает на неё ноги и скрещивает их по турецки.

– Слушай, – он, пристально глядит в глаза Кира, как будто изучая его. – Я никак не могу понять, ты на самом деле придурок, или просто прикидываешься?

– Не понимаю, о чём ты... – смущается Кир.

– Да я всё о том же. Ты постоянно оказываешься в каких то нелепых ситуациях, вроде вчерашней, и можно подумать, что ты жертва обстоятельств.

– Ну почему можно, так оно и есть. Вчера во всяком случае.

– Значит действительно придурок! – разочарованно вздыхает Медный. – Только не пойму, чему ты всё время улыбаешься. Тут ведь плакать впору.

– А чего горевать то? – наивно улыбается Кир. – Если родился таким, уже ничего не изменишь. Меня радует, что я не один такой. Нас большинство...

– Да уж, по крайней мере в этой роте. – смеётся Медный, оценивший шутку.

Кир замечает, что в палате их двое. Сегодня суббота и, скорее всего, «больные» курсанты ушли в увольнение.

– Ты проспал свой завтрак. – говорит Медный. – Я решил не нарушать твой сладкий сон и съел его за тебя. Ты ведь не против?

– Да на здоровье! – Кир с трудом скрывает негативное чувство. Последние три месяца он чувствует себя вечно голодным. Еду из столовой приносят прямо в лазарет и больные едят в соседней маленькой комнатке, больше похожей на туалет.

– А ты кто вообще по жизни? – Медный, неожиданно переходит на холодный серьёзный тон.

– В смысле?... – мнётся Кир, – я... человек, простой обычный парень... – он понимает, что говорит словами из старой песенки.

– Простой советский человек, но все зовут меня генсек. Так что ли?

– Так точно, – смеётся Кир.

– А со своими общаешься как жулик. Вот поэтому я и не могу понять, кто ты?

– Просто, на гражданке вращался в соответствующих кругах, – решает признаться Кир.

– А чего же ты здесь-то забыл?

– Как это... призвали.

– Ты мне горбатого не лепи! – Медный впивается в него острыми серыми глазами. – Сейчас от армии откосить раз плюнуть. Сюда либо профессионалы идут, либо недокосившие дибилы.

Кир думает о том, к какой категории причисляет себя сам Медный, но решает, что задавать такой вопрос опасно.

– Мне просто стало скучно. Захотелось поменять что-то в жизни... – сейчас он говорит чистую правду.

– А теперь, я вижу, тебе не скучно. Ершик для говна и швабра помогают тебе познать мир во всех его красках. – Медный говорит с заметным сарказмом.

– Ну это временное явление...

– Почему? – удивляется Медный.

– Что почему?

– Почему ты решил, что оно временное?

– Скоро придут новые духи и...

– И что? – хмыкает Медный. – В лучшем случае ты сменишь тряпку на тумбочку. При любом раскладе, из всех цветов жизни ты увидишь здесь только зеленый и серый. Да, ещё коричневый. Это цвет говна. Сейчас я говорю про говно человеческой натуры, если ты понял. Я вижу, что ты пришёл сюда веселым и жизнерадостным парнем, но уйдешь отсюда другим.

– Каким?

– В лучшем случае унылой серой мышью, а в худшем – унылым говном.

– Время покажет, – Кир хочет свернуть тему.

– Оно покажет тебе всю низость человеческой натуры и всю глубину, на которую она может опуститься.

– Неужели всё так мрачно? – улыбается Кир, в попытке вывести Медного из этого ступора.

– Всё не так мрачно на словах, но гораздо мрачнее в реальности. Ты думаешь, почему я с тобой об этом говорю? Ты просто кажешься мне неплохим парнем. По крайней мере, лучше большинства и мне не понятно за каким хреном ты здесь оказался. Здесь крайняя степень несвободы, которую можно себе представить. В тюремной камере человек гораздо свободней...

– Ну уж нет! – Кир бесцеремонно вклинивается в монолог Медного, забыв о всякой осторожности. – Моёй свободы у меня никто не отнимет...

– Солдат, лося... – негромко произносит Медный, глядя куда-то в сторону.

– Не понял? – Кир с недоумением смотрит на собеседника.

– Лося! – кричит Медный, в один миг наливаясь краской.

Кир подставляет ко лбу скрещенные запястья ладонями от себя. Он всё ещё растерянно улыбается.

Незаметный без замаха удар высекает из головы Кира целый сноп искр.

Через розовую дымку, застелившую глаза, постепенно начинает прорисовываться лицо Медного, словно на бинокле наводят резкость.

– Ты ещё по прежнему думаешь, что свободен, или повторить эксперимент?

– Не надо. Просто это не метод... – обиженно бурчит Кир.

– Это метод и ещё какой. – Медный потирает большой кулак. – Эффективнее его пока нет. Все эти «бла, бла, бла» чушь по сравнению с ним.

– И этим методом можно добиться свободы? – спрашивает раздражённый Кир.

– Нет, но им можно сделать несвободными других. Вернее сделать их более несвободными, чем ты. Человек изначально несвободен. Вся разница, лишь в степени его несвободы. Сейчас ты находишься в таком месте, где это проявляется в большей степени. Армия, это уменьшенная модель человеческой жизни, где всё сведено к примитивному уровню, но принципы точно те же.

– Это что же, вся цель жизни состоит в том, чтобы сделать себя чуточку свободнее за счёт несвободы других?

– А ты действительно не такой тупой, каким кажешься. Быстро схватываешь. Но от этого ты будешь только больше страдать.

– Да почему я должен страдать? Ты же сам сказал что я не хуже других здесь. – Кир чувствует, что начинает заводиться.

– Да потому, что даже если ты умнее и интереснее кого-то, у тебя нет главного аргумента. – Медный подносит огромный синий кулак к самому носу Кира. – Этим аргументом, обходясь без тысячи слов и поступков, я в одно мгновение могу объяснить большому количеству людей, что со мной лучше не связываться. А при желании, с помощью этого же аргумента, я могу заставить делать этих людей, то что я захочу.

Философия Медного настолько пряма и топорна, что просто не укладывается в голове у Кира.

– Я знаю многих людей, которые достигли успеха в жизни, не имея этого аргумента.

– Ты опять упал в моих глазах. Все таки первое мнение, что ты тупой, было правильным, – уныло констатирует Медный. – Я же не говорю, что ты должен физически обладать большими кулаками. Если ты обладаешь моральной силой, которая заставит парней с большими кулаками работать на тебя это ещё лучше. Конечно Наполеон, Гитлер и Ленин были дрищами, но они с помощью своей моральной силы смогли поднять целые армии.

– На сколько я знаю, у них были ещё и деньги, – никак не унимается Кир.

– На самом деле, это одни и те же вещи. Финансы эта та же сила, что и большие кулаки. Но сейчас мы говорим о тебе. У тебя нет ни кулаков, ни финансов ни морального духа....

– Ну по поводу морального духа я не согласен, – кипит Кир. – Ты меня ещё не знаешь достаточно..

– Мне хватает того, что я вижу. Посмотри на себя. Ты находишься в хреновом месте, постоянно попадаешь в хреновые ситуации и вокруг тебя хреновые люди. Какие тут ещё могут быть аргументы.

Кир вдруг понимает, как ему выпутаться и выйти победителем из этого диалога.

– Андрей, с чего ты взял, что я нахожусь в хреновом месте? – Улыбаясь он оглядывается вокруг. – Эта, как ты говоришь, хреновая ситуация, привела меня в это место. Стало быть, ситуация не такая уж хреновая. А на счёт хреновых людей, – он делает паузу, – я бы такого не сказал за себя, а за тебя уж точно.

– Ах ты гад! Выкрутился всё таки! – Медный зажимает голову Кира под мышкой, как в железные тиски. Но сейчас это уже не проявление злобы. Лёд начал ломаться.

Потом они играли в карты, взятые с тумбочки сурков, на шелбаны. Кир, имея опыт в карточных играх сливал Медному партию за партией. «Лучше проиграть, чем дрожащей рукой пытаться поставить безболезненный шелбан» – решил он.

Зато фофаны Медного были отнюдь не безболезненными. Удар с отяжки двумя мясистыми пальцами в лоб отдавался под черепной коробкой продолжительной вибрацией, как в колоколе после утренней службы. От трещины в черепе Кира спас призыв обедать.

Когда они уже заканчивают набивать желудок несочетаемыми продуктами манкой, рыбной котлетой и чаем, в палату входит Мичман.

– Солдатики, у меня тут дела нарисовались, поэтому я вас до утра закрою. Медягин, ты как всегда за старшего. Жратвы я вам двойную порцию заказал, поэтому поужинаете тем же, чем пообедали. – Выходя за дверь он оборачивается.

– И чтобы ни писку тут... Медягин, ты в курсе.

– Домой бухать пошёл – говорит Медный. – Он по выходным всегда так делает.

– И он что оставляет больных на ночь одних? А если что случится? – недоумевает Кир.

– А где ты тут больных видел? Да этому коновалу настоящих больных никто и не доверит. Он только красные колёса может раздавать и завхоза ебать, – смеётся Медный.

Киру нравится, что они остались совсем одни. Это напоминает какую-то домашнюю обстановку. Ему кажется, что теперь они с Медным смогут поговорить по душам, и он задаёт вопрос, который не решился задать в начале:

– Андрей, скажи, а сам-то ты почему здесь?

– Ну уж во всяком случае не от скуки. У меня семейные проблемы. Пока отсижусь здесь, может всё утрясётся – Медный не собирается откровенничать.

– Я хочу вернуться к прошлой теме. Почему ты так уверен, что меня здесь раздавят? – спрашивает Кир.

– Потому что ты не в системе. Вернее, ты та часть системы, которая находится в самом низу.

– Какой ещё системы?

– Система – это механизм, в котором всё работает чётко и каждый винтик находится на своем месте. Система существует в обществе, в государстве, в армии и даже в маленькой роте обеспечения учебного процесса.

– Но почему я низшее звено этой системы и как она работает? – возмущается Кир.

– Ты знаешь как устроен двигатель внутреннего сгорания? Есть крупные и важные детали, такие как маховик, коленвал, поршни, клапана. Эти детали отвечают за непосредственную работу двигателя. Они должны быть мощными и очень качественными. Есть еще различные передаточные шестерни, болтики, винтики и так далее. Так вот, роли поршней, маховика и клапанов исполняют дисциплинированные парни с большими кулаками. А все остальные детали легко меняются и их роли могут играть более слабые или менее ответственные люди. Твой случай это то, что ты ненадежный и безответственный. Ты неважная деталь. Шестеренку никто не поставит на место поршня.

– Ну хорошо – соглашается Кир – цель двигателя, создать движение. Какая цель у системы?

– Цель системы заработать бобла, точнее постоянная и стабильная его выработка.

– Я сейчас не о государственной системе спрашиваю. А о системе которая в роте обеспечения.

– А какая разница? Цель та же. Я же говорил тебе, что армия это уменьшенная модель государства.

– Стоп! Я совсем запутался – Кир растирает ладонью лоб. – Какой заработок бобла может быть здесь, в военном училище?

– Птенчик! – широко улыбается Медный, – ты просто неразумный птенчик. Ты думаешь, что здоровые тридцатилетние мужики ходят сюда на службу и вытирают жопы курсантам ради жалких грошей, которые им платят, или ради престижа армии, которую обосрали и развалили?

– Подожди, Андрей! – Кир пытается загнать Медного в тупик. – Каждый двигатель на чём то работает. Это или бензин, или соляра. На чем работает эта система? Что здесь может быть источником денег?

– А здесь их несколько. Да я всех и не знаю. Мне хватает и того, что я знаю, что они есть.

– Ну назови хоть один, – умоляет Кир.

– Это лучше поймут твои сослуживцы, у которых в отличие от тебя, руки не из жопы растут. Те твои сослуживцы, которые работают в столярке, в художке, в механическом цеху. Те сослуживцы, которые ездят на работы, что-то строят, кого-то перевозят.

– Ты хочешь сказать, что все они зарабатывают деньги?

– Не для себя. Да они их по большому счету не видят и не знают, так же как и ты, хотя являются более активной и значимой частью системы. Да и это ещё самая малая часть.

– А что ещё?

– Есть более крупный и стабильный источник дохода.

– Какой?

– Догадайся сам. Что в этом балагане есть такого, что представляет ценность?

– Да что тут может быть? Не формой же военной они банкуют. Оружием? – насторожился Кир.

– Нет! Не оружием и не формой. – Медный наклоняется ближе к Кир. – Ты был когда-нибудь на продуктовом складе? Видел сколько здесь продуктов? – он переходит на шепот.

– Продукты воруют? – скептически морщится Кир.

– А ты что думал? В наше время обратить продукты в деньги ничего не стоит.

– Но как они это делают?

– Не важно как, главное что делают. Или как Бажин с Томиловым напрямую, или как Нос по бумагам, но это происходит регулярно.

– Постой, но такие люди как Монтана, Жулик или деды, тоже участвуют в доле?

– Не уверен, что в доле. Скорее всего они имеют особые привелегии.

По возбужденному взгляду Кира, Медный понимает, что наговорил много лишнего.

– Ну ладно, сворачиваем тему, – показательно зевая, говорит он – Забей! А то спать плохо будешь.

Но Кир не собирается останавливаться. В момент, когда он слышит интересную для него информацию, в его голове включается особый тумблер, который зажигает его глаза и заставляет сердце учащенно биться.

– Значит все они, и Монтана и Жулик и деды являются всего лишь частью системы, которой управляет кто-то из шакалов? – осеняет его внезапная догадка.

Медный, игнорирует этот вопрос. Он ложится на свою кровать и раскрывает книгу.

Кир пытается продолжить разговор на интересующую его тему, но Медный становится неприступным.

– Будешь мешать мне читать, заставлю «крокодила сушить»! – говорит он, окончательно давая понять, что тема закрыта.

Он заговаривает снова, только во время небогатого ужина, который состоит из того, что осталось после обеда.

– Дерьмо, в рот не лезет! – сокрушается он, ковыряя алюминиевой ложкой холодную кашу.

– Да! Я бы сейчас картошечки жареной с молочком не отказался отведать. – мечтательно вздыхает Кир.

– А жрёшь кашу! И ещё год будешь жрать! – сокрушается Медный. – Я бы.. Я бы..! Я смогу.. Только и умеете болтать. А факт вот он на лицо. Сидит передо мной жалкий дух и жрёт кашу. И то, пока я ему позволяю.

– Сейчас мы в таких условиях, которые невозможно изменить.

– Если не можешь ничего изменить и сделать, тогда нечего и ныть. Прими смиренно свою участь и мечтай молча. – Медный к вечеру стал совсем угрюмым.

– Андрей, я не понимаю, что я тебе такого сделал – недоумевает Кир.

– В том то и дело, что ты ничего не можешь сделать, только говорить. А у меня нет интереса говорить в такой обстановке. Вот если бы тут бутылка водки стояла, и закуска здоровая была, я бы с тобой поговорил.

После ужина они покурили в окно, потом Медный скомандовал «Отбой» и почти тут же заснул, издавая оглушительный храп.

Кир, который последние месяцы мечтал отоспаться, не может сомкнуть глаз. Его возбудил этот разговор с Медным. Он чувствует себя как ребёнок, которому показали конфету, а потом спрятали её в карман.

«Что это за система такая? Почему мне в ней нет места? А если это так, то эта система меня не устраивает! В конце концов, любую систему можно сломать, если знать, как она устроена. И сейчас есть шанс узнать о ней больше, но Медный почему то закрылся» – Кир напряженно думает, лежа на кровати и широко открыв глаза.

«Вот если бы сейчас сюда водки и хорошей закуси, он бы мне всё рассказал. Но я не волшебник, чтобы достать её в закрытом помещении, которое находится в закрытой воинской части. Если только...».

Шальная мысль молнией стреляет в голову Кира, заставляя его подскочить на койке. «Если её нет в самом этом помещении. Спирт! Он по любому есть у Мичмана в кабинете. Я даже видел, как они принимали с Габриэлем! Да, но мы закрыты в палате, а кабинет Мичмана, который находится рядом, наверняка тоже закрыт на ключ». – Кир на цыпочках подходит к двери. Замок простой цилиндрический, под плоский ключ, но в палате нет ничего, с чем можно работать. Кир окидывает взглядом пустые тумбочки. Замок на двери кабинета Мичмана наверняка серьёзный, поэтому замысел неосуществим.

Раздосадованный и по-прежнему возбуждённый он курит, свесившись в открытое окно. Предмет обладания, находится совсем где-то рядом и посылает пульсирующие сигналы в голову Кира, как на радар.

Пик... Пик... Пи-ик... Пи-и-и-ик..... Пи-и-и-и-и..... – «Цель рядом» – говорят эти пищание сигналы.

Под лазаретом находится пристрой, и окно выходит прямо на его крышу. Окно кабинета Мичмана рядом, но Кир не может его видеть отсюда. Уже весна, помещения хорошо отапливаются, и окна часто открывают, чтобы не было душно. А что если...

Кир встаёт на подоконник, а с него мягко по-кошачьи спрыгивает на крышу. Сделав несколько шагов, по жестяной ребристой кровле, он смотрит на окно Мичмана. Оно находится дальше пристроя, как раз в метре от обреза крыши. То, что видит Кир, едва не заставляет его сердце выпрыгнуть наружу. Окно приоткрыто!

Кир смотрит вниз. Под ним два этажа высокого сталинского здания, то есть пятнадцать двадцать метров свободного полёта. Этого достаточно чтобы разбиться в лепёшку. Для того чтобы попасть к окну Мичмана, нужно сделать один шаг с крыши на карниз, который под окном. Фишка состоит в том, что нужно сразу же уцепиться за подоконник, или раму иначе падения не избежать.

Решение созрело быстро. Кир снимает тапочки и его босые ноги обжигает лёд металлического настила. Он подходит к краю крыши, и на секунду замешкавшись, делает широкий шаг левой ногой на бетонный карниз. Какое-то время он стоит на раскоряку. Убедившись, что нога стоит надёжно, а левая рука крепко держится за деревянную раму окна, он переносит на карниз правую ногу. Створка окна высокая и узкая, но худосочный Кир без проблем в неё протискивается. Он спрыгивает с подоконника на пол, уложенный кафельной белой плиткой и оглядывается. Вот кушетка, на которой он лежал, а вот и шкаф, из которого Мичман доставал инструменты, а потом и огненную жидкость для себя и Габриэля.

Кир тянет на себя стеклянную дверцу шкафа. Она поддаётся с заметным брэнчанием. В шкафу три полки. На верхней стоит железная бикса с инструментами, средняя плотно уставлена ампулами и коробками с таблетками, а всю нижнюю полку занимают три коробки с находящимися в них стеклянными двухсотграммовыми флаконами с черными резиновыми пробками. Кир достаёт один флакон и читает надпись на этикетке: «Спирт этиловый медицинский 97%».

Есть! Это то, что нужно! Он берёт из початой коробки сразу два флакона и рассовывает их по карманам пижамы. Потом передвигает несколько флаконов к открытому краю коробки, чтобы не было заметно и закрывает шкаф. Запрыгнув на подоконник, он еще раз внимательно осматривает кабинет, не осталось ли в нем следов его пребывания.

Обратный путь оказывается немного сложнее. Здесь уже нужно отталкиваться от узкого карниза и прыгать на крышу, но всё получилось удачно и быстро. Палата встречает его приятным теплом и мирным храпом Медного.

– Андрей проснись! – Медный открывает глаза и видит улыбающуюся физиономию Кира.
– Водку будешь?

– Солдат, если это шутка, то она будет последней в твоей жизни! – бледное лицо Медного наливается краской.

– Вуаля! – Кир отходит в сторону, открывая за собой стоящий на тумбочке графин с прозрачной жидкостью.

– Это что? Медный садится на кровати.

– Водка, как ты и просил.

– В натуре водка! – удивляется Медный понюхав жидкость в графине. – Ты где это взял? – его тон становится намного теплее.

– Там где взял, уже нет! Ты просил я сделал. Ну что? Теперь будем разговаривать?

– Где ты её взял? Медный удивленно обводит глазами палату.

– Давай выпьем сначала, потом расскажу! – Кир разливает жидкость в гранёные стаканы.

Первая порция разведенного спирта падает в желудки и обдаёт их жаром. Приятное тепло расплзается по телам и на лицах Кира и Медного появляются блаженные улыбки.

Кир рассказал Медному о деталях операции по добыче спирта, чем вызвал его восторг. Потом, выпив по второй и третьей, они какое-то время предавались душевным сентиментальным разговорам. Но Кир, несмотря на нахлынувшую эйфорию, старается удерживать в голове ту тему, ради которой он всё это затеял. Посчитав, что подходящий момент настал, он переходит к атаке.

– Андрей, а какое место в системе занимаешь ты?

– Я? В системе? – Медный опешил от неожиданного поворота беседы. – Да никакого... Я не в системе.

– Ну как же? Ты же сам говорил, если система существует, значит все являются её активными или пассивными участниками.

– Но я вне системы... – по голосу Медного слышно, что он начинает пьянеть.

– Ты же сам говорил, что нет полностью свободных людей?

– Говорил. Нет свободных людей от какой-либо системы. Одна система является частью другой более крупной. Та система, о которой мы говорим мелкая и примитивная и её частью я не являюсь.

– А я могу быть вне системы?

– Ты нет. И я тебе объяснял почему. Хочешь не хочешь ты будешь являться её частью.

– Но я хотя бы могу стать её более значимой частью? Сейчас-то ты изменил ко мне отношение? – напирает Кир.

– Нет – не сдаёт позиции Медный.

– Да почему?

– Какой же ты... – Медный больно стучит костяшками сжатых пальцев по лбу Кира. – Ты неформат, как ты не понимаешь. В твоём случае, чтобы изменить ситуацию нужно уйти, или убежать от системы, или...

– Создать свою... – Кир заканчивает фразу за Медного ещё полностью не осознав, что сказал.

– Ха– ха – ха ! Ну ты насмешил! Ты у нас кто Ленин или Троцкий? – Медный отваливается к стенке.

– Создать свою! А почему бы и нет? – не унимается опьяневший Кир.

– Почему? – Медный снова наклоняется к импровизированному столу в упор уставившись на собеседника. – Потому что кишка тонка! У тебя нет ни сил ни денег ни нормальных людей рядом.

– А ты? – Кир не отводит взгляда от глаз Медного.

– Я? – Медный, тычет себя в грудь пальцем. – Ты серьёзно? – Он плескает себе в стакан водки, выпивает, занюхивает рукавом. – Я не представляю, что ты мне можешь предложить такого, чтобы я пошёл с тобой, – говорит он, резко осипшим от спирта голосом.

– Андрей, я понимаю, что у тебя другая ситуация и ты просто проводишь здесь время. Но разве не интересней быть вершителем событий, чем их сторонним наблюдателем? Разве так не правильней... – Кир не успевает закончить, так как Медный хватает его за ворот пижамы так, что он передавливает шею.

– Ты чё меня лечишь сосунок? Берега не путай! Ты меня этой философией не купишь. Всё равно дельного ничего предложить не сможешь. – Он отпускает ворот, видя что Кир побледнел и закашлялся и продолжает уже мягче – Я повторяю тебе: чтобы повести людей за собой, нужен весомый аргумент. Это сильная идея, большой кулак или финансы. Лучше всего если всё вместе.

Кир кашляет и трёт шею, а Медный, видя, что переборщил пытается хоть как-то разговорить его вновь.

– Хочешь я тебя приколю сейчас? Ты Лильку блондинку знаешь, которая шакалам пайки выдаёт?

– Ну... – угрюмо бурчит обиженный Кир, глядя в сторону.

– Её ещё Шакамал ебёт, «дед» твой.

– Ну знаю, и чего?

– Так этот Шакамал по пьяни рассказывал, что недавно был у неё на хате. А там всё по последнему слову: видик, шмидик, стереосистема, сантехника итальянская. Так вот, она ему сказала, что на всё это заработала здесь.

– Как? – Кир снова оживился.

– Хуй знает! Что-то они там с Носом с продуктами мутят. Он списывает в два раза больше, чем реально потребляют, а потом продаёт всё оптовикам.

– Вот крыса! – возмущается Кир. – А Лилька причём?

– Не знаю точно, но она тоже ответственное лицо, как и некоторые прапора. Короче командная игра. Главное, что вторую зарплату Лилька получает у него. Так вот, один раз, он при ней открыл сейф в своём кабинете, а он вот-вот треснет от бобла. А ты говоришь...

– Он что там деньги держит? – настороженно спрашивает Кир.

– Ну не в банк же их нести. Дома тоже сейчас небезопасно, а тут за семью замками...

– Это кабинет, который там, в продуктовом складе? – тихо спрашивает Кир, чувствуя, как откуда-то изнутри поднимается тёплая приятная волна. Он знает в каких случаях это бывает.

– Да какая раз... – тут Медный замечает выражение лица Кира. – Ты это выбрось из головы!

– Что? – спрашивает Кир, загадочно улыбаясь.

– То, о чем ты щас подумал. Забудь об этом!

– Не могу – продолжает улыбаться Кир, плавая в волнах эйфории. «Вот оно. Есть. Я же знал, что здесь что-то должно быть»

– Я сказал, забудь! – Медный в очередной раз жалеет, что разоткровенничался и говорит уже с угрозой.

– Нужно его взять! – словно находясь в трансе, смотря как будто сквозь Медного говорит Кир.

– Что ты собрался взять?

– Сейф. Нужно его взять, и тогда у нас будет очень весомый аргумент.

– Ещё одно слово про сейф и я дам тебе в лоб!

– Андрей, это же шанс. Бабки прямо под боком, нужно попробовать. – По возбужденному виду Кира видно, что сейчас его не остановит даже удар в лоб.

– Прямо под боком? – смеётся Медный. – Да банк легче ограбить. Склад под замком, в нем кабинет под замком, а в нем сейф под тремя замками. Ты сказку про Кашея помнишь?

– Помню, там всё хорошо закончилось.

– На то она и сказка! Ты подумай, дурная твоя голова. Да если даже допустить, что ты каким-то чудом бомбанешь этот сейф, тебя поймают на следующий же день. Это всё равно, что в тюремной камере стырить сигареты у соседа. Ты хоть представляешь, что будет, если ты хотя бы попытаешься это сделать? Менты, федералы, допросы. И ты хочешь, чтобы я под этим подписался? – Медный переходит на крик.

– Андрей, успокойся! Уж кого-кого, а ментов точно не будет, – спокойно говорит Кир. – Ты сам-то подумай, если Нос – крыса, будет он вызывать ментов? Вообще большой вопрос, будет ли он предавать это дело огласке? Наверняка о его махинациях знает ограниченный круг людей и остальные навряд ли ему посочувствуют, если что-то вскроется.

– Тебе хватит и этого ограниченного круга, чтобы вытрясти из тебя душу. Ты наверное часто слышал истории, как мальчиков привозят из военных частей в цинковых гробах. Хочешь стать одним из них?

– А ты не думаешь, что этот «узкий круг» первым падёт под подозрение. То, что известно нам, известно и шакалам. Только шакалы не знают, что это известно нам. Кроме этого есть ещё «деды», «сурки» и прочие залетные. А может случиться и так, что Нос сам попадет под подозрение. Как тебе этот вариант? – Кир доволен умело построенной логической цепочкой. – Если бы у главного казначея пропал общак, на кого бы ты в первую очередь подумал?

– На казначея – Медный сдаётся под напором железной логики. – Всё равно тебе его не взять, это всё детские фантазии. – Он снова наливает себе, заметив, что начинает трезветь.

– А если бы это было просто как дважды два, и ты был бы уверен, что мы бомбанём этот сейф, ты бы согласился? – задаёт Кир провокационный вопрос.

– Если бы да кабы.... Согласился бы на долю, а сам бы конечно никуда не полез.

Кир видит, что Медный потёк и его нужно дожимать.

– Лезть тебе никто и не предлагает, просто скажи, ты с нами, или нет?

– Что значит или? Ты думаешь, если я скажу нет, у тебя есть ещё какие-то варианты? – говорит Медный, пытаясь накапать себе в стакан из опустевшего графина.

– Айн момент! – Кир выдёргивает графин из руки Медного. Через минуту полный графин, снова красуется на тумбочке.

– Умеешь порадовать! – не скрывая довольной улыбки говорит Медный.

– Ну так что? – Кир, разливая водку. – Ты с нами?

– Что значит с нами?

– Ну ты же знаешь, что один я это дело не проверну.

– В этом-то вся и проблема. У тебя и людей то нормальных нету, кроме этих сказочных героев, но и они так себе.

Кир замечает, что Медный стал обсуждать детали, значит гипотетически он уже в деле.

– Ну почему, Афоня и Емеля вполне нормальные пацаны. Не подведут. Конечно, если сами согласятся.

– Только Мокрого не вздумай посвящать, а то вся рота на следующий день узнает.

– Да я и не собирался – Кир вдруг чувствует, что всё начинает собираться в ёлочку.

Глава3. ИМЕЮЩИЙ УШИ

– Я иду домой! – Свою коронную фразу Кот произнёс по южному, растягивая слова. Она, чаще всего, звучала неожиданно, и могла быть произнесена в любой момент вечеринки, или прогулки, и была просто констатацией факта. Кот был ленив, аморфен и всегда себе на уме, благодаря чему и получил своё прозвище. Он всегда исчезал внезапно, как только пожелает и все уговоры и доводы были бесполезны.

В летнем кафе не было никого, кроме Кира, Кота и Безумного. Пить холодное пиво под порывами ледяного ветра, который вот-вот готов был вырвать тряпичные зонты, расположенные над столами, было сомнительным удовольствием.

На улице тоже было пусто, и та операция, на которую друзья обычно брали с собой Кота, срывалась. Имя этой операции: «Съём телок». Проводили её от случая к случаю, когда у кого-нибудь была свободная хата из-за отъезда родителей на дачу, или на кармане были деньги. В этот раз ни денег, ни хаты не было. Было только желание и надежда на удачу, которые к концу вечера почти растаяли.

Кот, который являлся гвоздем операции, уже собирался домой. Фишкой, из-за которой он был востребован, являлось его природное обаяние. При съеме телок он был просто незаменим. И, хотя в большинстве случаев воспользоваться добычей мог только сам Кот, с ним у друзей были хоть какие-то шансы. Он был не по годам развит, и выглядел как вполне симпатичный высокий молодой человек с ровными белыми зубами и розовыми пухлыми губками.

Кир в этом плане сильно проигрывал Коту. Из-за маленького роста и худощавости он ещё выглядел как школьник. На лицо Кир был вполне привлекательным и нравился многим девочкам, но в нем не было ещё той мужественности и сексуальности, которые источал Кот. Так же, кроме внешнего обаяния, Кот уже мог галантно подкатить к дамам и завести разговор.

Безумный тоже был симпатичным парнем и выглядел вполне зрело и брутально, но два фактора перечеркивали все его внешние достоинства.

Во-первых: Безумный совершенно не умел общаться со слабым полом. В те редкие моменты, когда ему приходилось это делать, он начинал нести полный маразм.

Ещё в самом начале знакомства с девочками, он мог запросто спросить, какие позы в сексе им больше нравятся, или обнародовать размер своего члена, который он по видимому регулярно измерял, благодаря чему тот постоянно менял свой размер в большую сторону. Объяснялось это скорее всего тем, что при встрече со слабым полом у Безумного настолько начинал разыгрываться гормон, что напрочь отшибал верхнюю голову, и все его речи и поступки исходили только из головы нижней.

А второй фактор в совокупности с первым, мог, а чаще всего и приводил к катастрофическим последствиям. Безумному совершенно нельзя было пить. Не просто пить, а пить много и в компаниях с милыми дамами. Кир уже сбился со счета тем ситуациям и опасным моментам, в которые они попадали благодаря пьяным провокациям Безумного. Чего только стоил случай в кафе, где он ни с того ни с сего, начал палить из газового пистолета в чеченов за соседним столиком. Друзья чудом унесли тогда ноги.

Был ещё случай, когда Кир, Безумный и Женя Болт шли подогретые на дискотеку в танцзал. Навстречу им попала компания из трех здоровых мужиков и двух баб. Когда две компании разминулись шагов на сто, Безумный крикнул: «Мужики, Вы козлы!». Мужики естественно развернулись и быстро их нагнали.

– Эй, это кто щас орал! – запыхавшись, кричал первый подбежавший с бешеными и красными, как у быка глазами.

Кир тут же пришел на помощь:

– Мужики, Вы просто не так поняли! Это недоразумение! Наш друг кричал это не Вам, а нам. Он бухой и орет всегда, как будто все глухие, а мы рамснули только что.

Мужики сделали вид, что поверили. У них видимо просто не было настроения бить малолеток.

– Следи щегол за базаром, или говори тише, когда на улице, – угрожающе пробасил бычий глаз. С этим мужики развернулись и пошли к своим бабам.

– Ты чё, совсем ёбнулся?– заорал Кир на Безумного, но тот только молча улыбался; но когда мужики отошли подальше, он заорал снова.

– Мужики! – здесь Безумный выдержал паузу, смотря, как мужики остановились и обернулись. – А все-таки Вы козлы!

Здесь пришлось тикать в рассыпную, и дискотека была сорвана, так как уставшему и протрезвевшему Киру было уже не до танцев. Таких случаев было великое множество, и Кир уже не раз зарекался не пить с Безумным. Но Безумный это друг и было в нем что-то притягивающее, поднимающее настроение, словом всё плохое быстро забывается.

– Я иду домой! – Произнес Кот свою коронную фразу.

– Давай хотя бы пиво допьем, – грустно сказал Кир, которому не хотелось идти домой.

– Да я больше ссать бегаю, чем пью на таком холоде. У меня уже ноги болят. – Пожаловался Кот.

Действительно, туалета в кафе не было, и по нужде приходилось бегать почти за квартал в гаражи.

И вот, как раз в тот момент, когда друзья собрались было расходиться, в кафешку зашли две дамы. Они были довольно взрослые, в районе тридцати, но Кот сразу же ухватил наживку.

– Девушки! Не хотите ли разделить с нами скудную трапезу? – пропел он, растягивая слова южным молдавским акцентом.

Одна из девушек в джинсовом костюме и с большой кожаной сумкой через плечо презрительно окинула взглядом столик и всех сидящих.

– Да, действительно скудная. Мы не пьем пиво.

– Таки купите себе, шо Вы пьете и угостите нас, – пошёл Кот Ва-банк.

Дамы переглянулись. Видимо они по достоинству оценили напористость и внешний вид Кота.

– А что, нам не слабо и угостить – сказала та, что в джинсовке и они сели за столик.

– Ну, вот и отлично! – Довольный Кот потирал лапки как муха, сидящая на сахаре. – Давайте знакомиться. Я Серж это мои друзья Игорь и Макс.

– Я Ира, а это Таня, – как то грубовато и без улыбки сказала джинсовка.

Оказалось, что барышни любят шампанское, и что гусары не прочь угоститься за их счёт.

Сначала разговор срастался не очень, но после второй бутылки шампанского языки у всех развязались. Кир быстро понял, что блондинка в джинсовке замужняя дама, и что её «муж объелся груш» (она сама так сказала). Она была, как новогодняя ёлка увешана желтым турецким золотом. Огромные цыганские серьги, толстая в палец цепь, кольца и перстни на каждом пальце говорили о её любви к благородному металлу. Но когда она улыбнулась, обнаружив во рту добрый десяток золотых фикс, Киру показалось, что это уже перебор.

Вторая дама была полной противоположностью первой. Скромно одетая, коротко стриженная под пацана брюнетка, на которой не было ни одной цацки. На лицо она была не то чтобы не привлекательная, но слишком уж обыкновенная.

Подружка обладала более яркой внешностью, но золотые фиксы старили её лет на пятнадцать. Со временем фиксатая разошлась, и рот у неё почти не закрывался. Она рассказывала про всё: что работает в продуктовом; что живёт в Пентагоне; что знает Зуба и Коржа; что муж у неё рецедивист и щас на СИЗО, поэтому хата свободна.

Брюнетка почти всё время молчала. Кир пытался заговорить с ней, но его дежурные вопросы «как жизнь?» и «чем занимаешься?» были просто проигнорированы. Он понял, что пролетает мимо кассы, и что брюнетка с большим увлечением смотрит, ну конечно же, на Кота.

Блондинка же перестреливалась взглядами с Безумным, и Кир, в очередной раз стал понимать, что он здесь лишний.

Но дело продвигалось в сторону хаты Фиксатой, где был видеоманитофон и полный холодильник закуси и бухла. Киру осталось выбирать из двух зол: или идти домой, куда он так не хотел, или быть изгоем, пятым лишним, но в веселой компании. Конечно же, он выбрал второе, тем более он знал, что в жизни всегда есть место шансу.

Они впятером утрамбовались в тачку. Игнорируя явный намёк от Фиксатой, что тачка возьмет только четверых и кто-то здесь лишний, Кир первый прыгнул на переднее сидение, предоставив влюбленным возможность привыкнуть друг к другу в тесном контакте.

Хата оказалась вполне приличная с большой кухней, двумя комнатами и свежим ремонтом. Только цвет обоев голубенький в спальне, ярко розовый в зале и бардовый в коридоре, по мнению Кира, не слишком подходил для квартиры рецидивиста. Ему не хотелось думать о том, что будет, если в разгар вечеринки на пороге появится внезапно откинувшийся хозяин квартиры. Тем не менее, яркая картинка тут же нарисовалась в его голове.

Одетый в грязно-серую майку, вытянутые на коленях треники, весь синий от портаков, наголо бритый арестант стоит в дверях залы, мастерски крутя в руках нож-бабочку.

– Это чё за кипиш в моей блат-хате! – хриплым голосом произносит он и рассекает Коту горло от уха до уха. На этом моменте, Кир усилием воли оборвал поток кошмарных видений.

Фиксатая метнула на стол литровую бутылку финской водки, соленые помидоры, маринованные перцы и банку корнишонов. Кир хотел спросить на счёт горячего, но постеснялся. Он был и так в достаточно зыбком положении.

Потом дамы удалились в спальню, видимо наводить марафет.

– Чур, беленькая моя, – возбужденно шептал Безумный.

– Да подавись! – отвечал довольный Кот, – Нам с Киром и черненькой хватит. – Говоря это, он, скорее всего, просто не хотел обижать кореша, так как прекрасно понимал расклад. Безумный с блондинкой, Кот с брюнеткой, Кир сам с собой.

Дамы появились в зале в вечерних нарядах, которые не оставляли сомнений о том, чем должна закончиться эта вечеринка. Фиксатая осталась в одной джинсовой рубашке до колен, из под которой виднелись пухлые и непропорционально короткие ножки.

«Да, в джинсах она выглядела лучше», – подумал Кир.

Зато брюнетка больше впечатляла, как раз своей фигурой, чем лицом. На ней была белая футболка, которая только-только закрывала ее «прелести», и стройные точеные ножки с гладкой атласной кожей были выставлены на всеобщее обозрение. Все трое слотнули слюну: Безумный и Кот в предвкушении, а Кир просто, в диком желании чего-то недостижимого.

Определившиеся парочки так и сели рядом на кожаный диван перед журнальным столиком с поляной. Киру пришлось сидеть одному напротив них на табуретке. От этого, положение непрошенного гостя вырисовывалось более наглядно. Но пока Кир косил под дурака и делал вид, что ничего не понимает. Несколько раз он пытался пошутить, или рассказать старый анекдот, но его никто и не думал слушать. Было ощущение, что его просто не видят и не слышат, как героя фильма «Привидение» с Патриком Суэйзи. Он представил, что сейчас потянется к бутылке, и рука просто пройдет сквозь неё. Но рука уверенно хватала бутылку и разливала водку. Несмотря на всю щекотливость ситуации, внутреннее предчувствие подсказывало Киргизу, что сидеть нужно до последнего. Он чувствовал, что может произойти что-то более интересное, чем просто ночь любви, тем более, что здесь был Безумный.

Все пили под неумолкающую болтовню Фиксатой, у которой с каждой выпитой рюмкой в обороте становилось все меньше и меньше цензурных слов. В конечном счете, все фразы начинались со слов «Сука, бля» и заканчивались странным выражением «Ебачьи уши». Складывалось впечатление, что у нее в голове находился проигрыватель с очень маленькой пластинкой, та в какой-то момент заела, и игла, проходя дорожку, вдруг спотыкается и возвращается на исходную позицию. Кир подумал, что, наверное, Эллочка Людоедочка была по сравнению с Фиксатой профессором филологии. Безумный молча внимал словесному поносу Фиксатой, глядя на неё влюбленными глазами.

Кот с брюнеткой сидели молча, и уже стали переходить к эротическим ласкам. Она положила локоть на плечо Коту и нежно водила ему по уху длинным красивым пальцем. Кот в свою очередь гладил глянцевую коленку, которую она закинула на диван, сидя по-турецки.

Кир чувствовал, как все в нем начинает кипеть от неумного желания, как вдруг заметил на внутренней стороне ляжки брюнетки наколку. Он пригляделся: это был кленовый лист и под ним надпись крупными буквами «КЛЁН». Кир знал, что это воровайский портак, и что просто так человек, не сидевший на зоне, его не набивает.

– А ты чё, чалилась? – спросил Кир, наконец-то найдя возможность привлечь к себе внимание.

– Не чалилась, а отбивала, сынок – ответила она снисходительно. – А ты, если не блатной лучше по фене не ботай.

– Спасибо за совет, мамаша! – ответил Кир, отметив про себя неожиданный поворот.

Но вот, после очередной рюмки, словарный запас Фиксатой закольцевался на фразе: «Сука, блядь, ебачьи уши» и стало понятно, что ей уже хватит, а Безумному нужно поспешить. Безумный тут же «срубил фишку», и, нежно поддерживая даму, которую болтало, как после девятого вала, повел её в спальню.

«Ну вот и настал момент истины» – подумал Кир. – Сейчас меня откровенно начнут просить удалиться, так как в хате всего две комнаты, а заниматься групповым сексом они явно не планируют».

– Ну что, мальчик, пора уже на посошок, – сказала брюнетка, протягивая Киру рюмку.

Он выпил молча. Выпил и Кот, явно не возражая такому повороту. Разомлевши и в предвкушении приближающего экстаза, он спросил, скорее всего, так, чтобы сгладить неловкую ситуацию с другом:

– Так ты за что сидела то?

– Сто вторая, фраерка одного почикерила, – неожиданным тоном, как будто перейдя на иностранный язык, сказала она.

– Почти... что сделала? – удивленно переспросил Кот

– Пописала, вальнула на глушняк, – объясняла она, как мать объясняет маленькому сынишке значение неизвестного понятия. Но Кот уже и так всё понял.

– А как... как это произошло? – каким то сорвавшимся сиплым голосом спросил он.

И тут брюнетка превратилась в рыбу, которая долго лежала в ведре у рыбака, но, наконец, была отпущена в родное озеро. Её речь, приправленная блатным жаргоном, полилась, как из рога изобилия. История была про двух подруг, которых пытались изнасиловать звери в общаге у кого-то на дне рождения. Одна подруга, она же брюнетка, схватила кухонный нож и три раза ударила одного зверя, который скончался на месте. Судьи классифицировали это, как превышение допустимой самообороны и впаяли девочке восемь лет.

Во время рассказа Кир смотрел попеременно, то на брюнетку, то на Кота. По настороженному взгляду и бледному лицу Кота, он чувствовал, что тот находится в состоянии шока и теперь в нем преобладают либо страх, либо брезгливость. Во всяком случае, было видно, что Кот начинает остывать и отстраняться от своей пассивности. Она же, тщетно пытаясь поймать его взгляд во время рассказа, что так необходимо рассказчику, вынуждена была найти внимание и сочувствие в глазах Кира, который практически не отводил от нее взгляда.

«Вот, новый поворот, – думал Кир, участливо реагируя кивками на каждое слово брюнетки. – Теперь есть все шансы остаться здесь до утра. Либи́до у Кота упало ниже плинтуса, а очко сжалось. Теперь он будет уговаривать меня посидеть еще, лишь бы не оставаться с ней вдвоем. Мало ли чего может выкинуть эта мокрушница. Но теперь я хозяин ситуации и поиграю у него на нервах».

– Ну ладно, счастливо Вам оставаться! – сказал Кир, вставая с дивана, сразу после того как брюнетка закончила рассказ.

– Куда ты намылился? Давай ещё бухнем, – подтвердил Кот все расчеты Кира.

– Так закончилось всё, – поднимая пустую бутылку, ответил Кир.

– А мы сбегает сейчас! Где здесь ларьки поблизости? – По всему виду Кота было заметно, что он ищет любую возможность, чтобы оставить Кира на хате.

– Там в холодильнике ещё одна есть, – с досадой сказала брюнетка.

– Ну вот и отлично! Тащи! – обрадовался Кот.

«Выпью рюмку и внезапно чухну, как это всегда делает Кот, – подумал Кир. – Нужно же его когда-нибудь проучить». Но теперь в его голове были другие сомнения: что безопаснее, идти одному по ночному городу, или сидеть в квартире с бухой мокрушницей.

Внезапно, в дверном проеме появился Безумный. Он был взлохмачен и недовольно щурился от яркого света. Рубаха на нем была расстегнута, и щетинистые, как у борова грудь и живот были выставлены на показ.

– Там твоей подруге плохо. Иди, помоги, – сказал он недовольно и устало.

– А сам то чё, ухажер хренов, – проворчала брюнетка и, виляя бедрами, чинно вышла из комнаты.

– Так и не смог расшевелить это бревно, – зло сказал обессиленный Безумный. Он налил сам себе, выпил, и устало плюхнулся на диван, как грузчик, пришедший со смены.

– Таки шо, совсем облом вышел? – злорадно улыбался Кот

– Да с резиновой бабой, наверное, интереснее. Я её раздел, а она храпака давит, – обиженно сетовал Безумный

– Резиновая баба денег стоит, а тут халява полная, – веселился Кот

– Резиновая баба не храпит, не матерится и не блюёт – сказал Безумный и этим вызвал дружный смех.

– А у меня тоже облом, – пожаловался в ответ Кот. – Прикинь, она только с зоны откинулась. Сидела за мокруху, хача какого-то порезала. По фене ботает, на чем свет стоит. Меня как бабка отшептала!

Кир подумал, что это наверное не та информация, которую Безумный должен знать именно сейчас и в этом состоянии. Но появившаяся дьяволинка и озорной блеск в глазах Безумного подтвердили опасения Кира. «Да сейчас что-то будет» – думал он.

Как только брюнетка появилась в комнате, Безумный, искривив рот, хрипло запел : «Голуби летят над нашей зоной...»

– Заткни пасть, чушок! – громко скомандовала брюнетка

– А то чё, зарэжешь? Боюсь, боюсь, боюсь! – и Безумный закрыл лицо руками, как ребенок, испугавшийся кошмара.

– Серж, уйми своего друга, а то я это сделаю сама, – сказала брюнетка, сев на подлокотник дивана рядом с Котом.

– Макс, ну хорош, – как то невнятно, для галочки промямлил Кот.

Но Безумный не унимался: «Сколько я зарезал, сколько перерезал...».

Он зарычал, рванув на себе рубаху, как Леонов в «Джентельменах удачи».

«Нужно срочно что-то делать!» – напряженно думал Кир. Он много раз слышал истории, как освободившиеся Зэка просто убивали своих собутыльников за неосторожно сказанное слово, и получалось это у них автоматически, неосознанно как защитная реакция на оскорбление.

«Что же делать? Что же делать?» – Он переводил взгляд с Безумного, который продолжал паясничать на брюнетку, которая сжав губы и прищулив глаза, молча доходила до точки кипения, а с брюнетки на стол, на котором могли находиться орудия будущей расправы.

К счастью ножа на столе Кир не обнаружил, но зато там было достаточное количество вилок.

«Хорошая вещь вилка, один удар – четыре дырки, – вспомнил Кир глупую присказку. – Одна бутылка чего стоит. Ей можно и голову проломить и розочку из неё сделать».

– Так! – по видимому, дошла до кипения брюнетка. – Слушай сюда, фраер! Ещё одно слово и я тебя успокою! – Её лицо стало белым, как мел, и говорила она словно человек, который вот-вот готов сделать серьёзный шаг.

Но Кир, зная Безумного, понимал, что слово-детонатор будет произнесено рано или поздно, поэтому пора вступать в игру.

– Да забей ты на него Танюха! Не стоит он того! – напористо и резко произнёс он. – Лучше расскажи, где лучше сидеть было, на СИЗО, или на зоне?

– На зоне конечно, – ещё с агрессией, но быстро успокаиваясь, отвечала она. – На крытке режим строже, а на зоне уже как дома.

– А зона красная была? Где находилась? – Кир пытался задать вопрос, на который нельзя ответить одним словом. Нужно её как то отвлечь.

И да! Попадание было в точку! Рыбка снова очутилась в своем озере. За вопросом последовал задушевный рассказ о хмурой зоне под Владимиром, о злых вертухаях, продажных красных, и доблестных борцах с режимом, которые шли в отказ.

Кир слушал участливо, не отрывая от неё глаз, и старался пропустить все через свое воображение. Поэтому, когда он задавал уточняющие вопросы, они получались как нельзя кстати и давали рассказчице почву для новых воспоминаний.

Безумный и Кот, тем временем вели громкую дискуссию о том, как обмануть мандатную комиссию и откосить от армии. Получилось так, что Безумный сидел напротив Кота, а Кир напротив брюнетки и собеседники общались через стол. В какой-то момент брюнетка решила исправить это недоразумение.

– Вы голубки садились бы рядом и ворковали, а – и она замялась, щелкая пальцами в направлении Кира.

– Игорёк, – напомнил ей Кир своё имя, которое она поначалу и не думала запоминать

– А Игорёк пусть садится со мной – и она подтолкнула в бок Кота, придав ему ускорение.

И вот, теперь они сидели рядом Кир и брюнетка. Она не переставала рассказывать, а он не переставал слушать. Глядя в её черные, светящиеся азартом глаза, и впитывая, как губка все сказанное, он проваливался в нее и познавал её внутренний мир.

В какой то момент, он начал замечать, что брюнетка сбивается в своем рассказе, начинает забывать о том, что только что сказала, голос становится тише, глубже и нежнее и смотрит она как-то по другому. Что-то новое появилось в её взгляде, как будто она, перестав смотреть внутрь себя, внезапно увидела Кира. Он вдруг перестал быть привидением и материализовался.

Кир ощутил эту перемену и почувствовал, как через него проходят разряды тока, исходящего из её горящих, как у кошки глаз. Миссия, целью которой было, просто спасение товарища, приобретала теперь другое значение.

– Ребятки, Вы бы брали пузырь с собой и шли на кухню, – вдруг обратилась она к парням. Там телик есть, кабельный канал, по нему всю ночь боевики и порнушку гоняют. Хотя, порнушка Вам ни к чему, – как бы оценивая парней добавила она.

– Это тема! – Безумный с Котом радостно собрали водку и закуску со стола и удалились.

Как только дверь в комнату закрылась, брюнетка придвинулась вплотную к Киру.

– Знаешь, а ты мне нравишься. Я поцеловать тебя хочу. Ты не против? – тихим нежным голосом сказала она.

– Нет, – ответил он, думая про себя «Вот и ещё поворот! Да сколько же их сегодня будет?»

Она обняла его за шею и стала нежно целовать в засос, изящно играя язычком у него во рту. Постепенно, поцелуи из нежных, начали становиться более страстными. Она начала стонать извиваясь, сидя верхом на Кире и целовать нервно и хаотично все его лицо, залезая проворным языком даже в ухо. Кир был вне себя, от внезапно обрушившегося на него кайфа.

Она нервными движениями срывала с него рубаху, брюки, трусы, она целовала и ласкала, его как будто хочет облизать каждый сантиметр тела.

Кир чувствовал себя кроликом в пасти удава, олешком в когтях у грациозной пумы. Первый раз он взорвался очень быстро, но это не помешало ему приступить снова. И так второй, третий, четвертый. Это была прекрасная ночь!

Несколько раз в комнату заглядывали Кот с Безумным, намекая на смену состава.

– Пошли на хуй! – кричала она, не переставая трудиться над Киром – Я Вам не переходящее красное знамя!

За окнами уже давно рассвело. Изможденный, только что совершивший очередной, седьмой по счету акт Кир валялся на полу возле дивана. Брюнетка, лежа на диване, свесив руку вниз, гладила его волосы.

– Игорь, мне кажется, я влюбилась! Ты разрешаешь мне в тебя влюбиться? – от вчерашней блатной девки не осталось и следа. Она словно сияла вся изнутри.

– Нет, это невозможно, – закуривая отвечал Киргиз. – Невозможно полюбить человека, которого несколько часов назад ты просто не замечала.

– Я знаю, что говорю. Поверь, если я говорю то это так. – Я не заметила тебя сначала это правда. Сначала мы смотрим только на оболочки. Но потом я увидела тебя и полюбила всего, понимаешь?

Кир молчал, курил и думал. – «Как Вам такой поворот? Несколько часов назад у меня не было не единого шанса. И если бы я ушел ещё тогда, перед рамсом Безумного, она меня бы уже не помнила. Почему же я вдруг стал любимым? Может потому, что просто слушал её, как, возможно не слушал её никто и никогда в жизни.

А потом проснулась Фиксатая, будили Безумного и Кота, которые спали на кухне вольтом; пожарили фарш с луком; заварили чай. Протрезвев, все смеялись, вспоминая вчерашнюю ночь. Как будто это были не они, а актеры из веселой комедии.

Не смеялась только брюнетка. Она так и не смогла протрезветь, и все смотрела блестящими глазами на веселящегося со всеми Кира.

А когда пришла пора уходить, она прижалась к нему в коридоре, глядя в упор, как будто зная, что больше никогда его не увидит.

– Позвони мне, это телефон на вахте, меня позовут. – Она вложила ему в руку скомканную бумажку. – Я так и живу в общежитии, работаю на комбинате мотальщицей. – Почему то она решила сказать это Киру именно сейчас. – Позвонишь и спросишь Таню Климову из триста шестой комнаты, – с какой то слабой надеждой в голосе говорила она.

– Позвоню на днях – ответил Кир, но по её взгляду он видел, что она все поняла: «Не позвонит!»

Троица с хохотом выпала из лифта на первом этаже.

– Ты смотри, – обращался Безумный к Коту. – Всех наебал, Казанова!

– Да у них там любовь, – хохотал Кот. – Она ему адресок вручила.

– Да какой там адресок, телефон, – Кир, скомкав бумажку, швырнул её на землю.

– Эх, разбил ты сердце Мурки-Урки! – вздохнул, улыбаясь Безумный и громко запел, так что эхо прокатилось по двору

«Мурка, ты мой мурё-ёночек,

Мурка ты мой котё-ёночек...»

А Кир прибавил ходу, оставив позади веселящихся друзей. Ему, почему то стало грустно. Он почувствовал, что она сейчас смотрит на него из окна и плачет.

Слеза потекла по щеке Киргиза. На минуту его накрыло.

Глава4. ЗНАКОМСТВО

20 ноября 1993 г.

Он смотрит вокруг и чувствует, как моментально улечиваются пары алкоголя. Сказка, нарисованная воображением, на глазах превращается в суровую действительность.

«Быстро всем строиться суки!» – Истеричным голосом верещит «Покупатель». Его поведение изменилось с того момента, когда все вышли из поезда. Он начал орать уже тогда. Но парни еще не воспринимали его всерьез, вокруг была та самая «гражданка», большой неизвестный город и ощущение свободы; свободы от рутины, от предков, от учебы.

Там «Покупатель» кричал не так, в его голосе было больше неуверенности перед кучкой пьяных раздолбаев, которые неизвестно еще что могут выкинуть. Один день в поезде чего стоит.

Здесь в казарме его голос становится властным, а выражения более откровенными.

– По ранжиру, суки! Ты длинный, че тупишь? Вставай в начало. Я Вам суки устрою райское наслаждение! Будет Вам толстый слой шоколада по всей роже! Представляешь, Саша, все бухие!

Он обращается к лысому краснорожему мужику в форме, который стоит, как гестаповец, держа руки за спиной и покачиваясь с пятки на мысок. Его морда набирает краску с каждой секундой и кажется, что сейчас из носа пойдет дым, и он засвистит как чайник. Но, стоит ему только открыть рот, Киру становится понятно, что сравнение с чайником было слишком мягким. Это не чайник, а огнедышащий дракон, извергающий сквернословия.

– Вы че мартыски бяе...е, фуки, проститутки бяе...» Ругательства со слюнями вылезают из его рта. Наверное, если бы он просто подходил и плевал каждому из них в лицо, было бы гораздо легче. Этот тип кроме того, что обладает огромным багажом словесного поноса, еще и сильно шепелявит. Это придаёт некую комичность его образу. Он точь-в-точь тот тупой прапорщик из анекдотов, которые сейчас так популярны.

Кир переводит взгляд с покупателя на краснорожее чудовище и думает, – «Ну вот оно начинается». Еще в Тюмени, когда они сумбурной мрачной кучей тащились от военкомата к вокзалу, он думал, почему этого типа называют «Покупателем». Он что, купил их за деньги? Интересно сколько заплатил и кому? Какое-то рабовладельческое общество. Покупают живых людей, везут куда-то и вуаля: Вот Ваш новый хозяин – это красномордое чудовище.

А «Покупатель» уже вошел в раж. Теперь он у себя дома.

– Начальник! Шаг вперед! – орёт он, и тонкие губы под усиками растягиваются в садистской улыбке.

Тот, к кому он обращается, либо не слышит, либо не понимает, о ком идёт речь. Но Кир уже понял всё, и мысль о том, что расправа неминуема, ещё быстрее вытесняет из его организма паленое бухло.

А покупатель уже выдергивает кого-то за шкуру из конца строя. Этот «кто-то» не совсем хорошо выдергивается, потому что покупатель едва не теряет равновесие. Сделав большое усилие, рывком, он, все таки, выдергивает из строя маленькое тельце Емели, который тщетно пытался спрятаться за спинами пацанов. Емеля, скользя по паркету, делает несколько пируэтов и выкатывается, в центральную часть полета.

Он всё еще пьяный, и глупая улыбка «зайца во хмелю» выдаёт его полностью. Он еще неадекватно воспринимает действительность, и наверное, напряженно думает над очередной шуткой, которой надо улыбнуться пацанов, но резкая пощечина красномордого, а следом за ней другая, быстро приводят его в чувство. Его взгляд становится более осмысленным. Теперь все выражение его лица говорит «Где я?».

– Представляешь... – орёт развеселившийся покупатель, – я у них водку не успевал отбирать. А этот бандерлог подходит ко мне и говорит: «Начальник, не мешай нам последний день на гражданке отмечать!». Рассказывая эту веселую историю, захлебывающимся от восторга

голосом, Покупатель периодически пинает Емеле под коленку и тот оседает на пол. Но ему не дают приземлиться заботливые руки красномордого, который держит его за ворот куртки. А возбужденный взгляд покупателя уже снова бежит по неровному строю.

– Начальники, давайте все сюда! Вам что персональное приглашение нужно? – переходит он на ласковый тон, как будто приглашает всех поиграть в веселую игру.

Кир не успевает понять, что произошло, но добрая половина парней выходит из строя и становится рядом с Емелей.

«Вот долбоёбы! Кто их просил?» – Кир и не думает двигаться с места. Он замечает, что Афоня тоже остался стоять, хотя вокруг него остались одни тела, которые даже не пили вместе с ними.

К удивлению Кира, их с Афоней так и оставили без внимания. Видимо Покупателю и Красномордому и так достаточно жертв вышедших из строя.

В экзекуции присутствует больше словесных унижений, чем физического насилия. Красномордый гоняет по кругу свой скудный словарный запас, состоящий из десятка животных, видимо оставивших неизгладимый след в его воспаленном воображении еще с детства.

Наблюдая, как прапорщик, брызгая слюнями, парафинит очередного новобранца, Кир думает: «Что это? Психологическая травма полученная в цирке, или неудачный поход в зоопарк?» Он представляет красномордого лысого пупсика с мороженым в руке, гуляющего вдоль клетки с мартышками. Одна из них, самая маленькая и хитрая, забирается на самый верх клетки и начинает мочиться ему на голову. Лысый карапуз пятится назад, но упирается в клетку с носорогом, который бодает его прямо промеж ягодиц. Во всяком случае, мартышки и носороги являются основными животными в его лексиконе. Иногда проскальзывают: «Жаба ёбанная», дикобраз и еще несколько экзотических зверьков. Всё это зрелище, где Покупатель выборочно даёт затрещины и подзатыльники, то одному, то другому, а красномордый демонстрирует знание фауны и душевных ругательств, кажется Киру слишком забавным для начала службы в армии.

Он обводит взглядом небольшую казарму. Несколько рядов двух-ярусных кроватей, аккуратно заправленных синими одеялами; желтый лакированный паркет; тумбочки и деревянные стульчики; идеальная чистота; придают атмосферу больше пионерского лагеря, чем военного расположения. А где же эти грозные «Деды», которыми нас все время пугают, думает Кир, глядя на пустые кровати. Его взгляд скользит вдоль шкафов с шинелями, которые висят так аккуратно и ровно, как уложенные в пачке сигареты, и упирается в дверь со стеклянным окошком, находящуюся в углу казармы. В этом окошке он видит две пары глаз. По прищуре и блеску этих глаз заметно, что хозяева их сейчас улыбаются. Это взгляд волков на пасущееся рядом стадо овец.

«Ну вот и деды, – говорит про себя Кир, – а то было бы совсем скучно без них».

Он не заметил, что к офицерам присоединился, откуда-то взявшийся тип в зеленой форме с красными погонами.

– Твою мать, мы еще и краснопогонники, – чуть слышно не открывая рта произносит Кир. Паренек, стоявший рядом задавливает в себе смешок.

«Сержант», – определяет Кир звание типа. Он хорошо ориентируется в званиях от сержанта, до капитана, благодаря многочисленным приводам в милицию. В случаях, когда тебя «принимают», считается высшим пилотажем обращаться к ментам по званию. Когда ты говоришь не просто «Начальник», а к примеру: «Лейтенант, а за что меня задержали», начинаешь выглядеть более зрелым и матерым среди пацанов в «обезьяннике».

Сержант худой, длинноносый и с какой-то нескладной фигурой. Короткое туловище, обратно пропорционально длинным конечностям. Больше всего внимание Кира привлекают его пальцы, тонкие и длинные, в которых он держит красную папку. Есть в нем что-то крыси-

ное, только хвоста не хватает. Может быть он спрятан под этими зелёными несуразными штанами, заправленными в сапоги.

– Ну вот, Медведев, принимай пополнение, – обращается Покупатель к сержанту. – Как тебе эти мулы?

Сержант-крыса, смерив всех презрительным высокомерным взглядом, ухмыляясь, гундосит в нос: – Стоило таких за пятьсот километров тащить. У нас тут своих торчков полно.

– А вы из них сделаете универсальных солдат. Правда, начальник? – обращается Покупатель к Емеле и отвешивает ему звонкий подзатыльник. – Встать всем в строй!

Претерпев гражданскую казнь униженные и оскорблённые новобранцы, понуриив головы, встают на свои места.

– Объясняю еще раз торчкам, алкоголикам, умственно отсталым и прочим мулам! – эти слова Покупателя почему то напомнили Киру учительницу математики, и в нем одновременно просыпаются нотки ностальгии, и странного де жа вю.

– Вы находитесь в стенах Е...го Высшего военного училища. Наше подразделение призвано обеспечивать учебный процесс. Собственно так и называется «Рота обеспечения учебного процесса». Мы здесь для того чтобы кормить, поить курсантов, обеспечивать провизией, и прочими удобствами, если надо и портки менять.

«Ну вот и сбываются мечты, – Кир, чувствует, как им овладевает тоска. – Всю жизнь мечтал говно за молодыми шакалями убирать».

– Служба здесь больше работа, – продолжает Покупатель, – каждый будет трудиться на своем фронте. Среди вас есть повара, водители, плотники и прочие мулы. Мы старались набрать бандерлогов хоть с какими-то специальностями.

«Интересно, а меня-то как подобрали? – с интересом думает Кир. – Моя специализация здесь никому не известна, и вряд ли пригодится».

– А тех кто ничего не умеет, или у кого руки из жопы растут, ждет участь полировщиков писсуаров. – Покупатель жестом указывает на раскрытую дверь, за которой по-видимому находятся те самые писсуары.

«Все веселее и веселее, – морщится Кир. – Говорил же мне папа, иди на завод, хоть что-нибудь делать научишься».

Дальше шли еще какие-то пространные объяснения, из которых Кир уже отчетливо понял, что они попали в роту придворных пажей. «Ну а на что я еще рассчитывал со своими закосами и здоровьем сушеного геракла. Явно же не в «Морские котики» попасть», – мысленно пытался он себя успокоить.

Следующим берёт слово красномордый:

– Меня зовут старсый прапорсик Базин. – Из всего приветствия, выплюнутого сквозь тонкие губы прапора, Киру удалось расслышать только, «Старый парщик Базин».

– Старый кто? – тихо гундосит он себе под нос. – Это он погоняло щас свое назвал? – Паренек рядом снова прыскает от смеха.

Красномордый замолкает и его поросычьи глазки впиваются Кира.

– А ты це рзёшь обезьяна? Тебе смешно? Ты, «Коцубей» хуев, ты у меня в нарядах сгниешь понял? – Кир догадывается, что обращение адресовано его смешливому соседу. Лицо красномордого повёрнуто к Киру, но взгляд, как он заметил напрувлен чуть правее.

«Да он косою!» – произносит Кир уже про себя.

Дальше шла несвязная речь перемежавшаяся его любимыми животными, в конце которой он объявил, что сейчас все должны подойти к каптёрке и получить форму.

Каптёркой называется просторная комната, уставленная стеллажами. В неё по очереди заходят новобранцы, где им торжественно вручается их новая одежда. Торжественность вручения заключается в том, что красномордый, на глазок оценивает габариты очередного подо-

шедшего, и поочередно швыряет ему два комплекта: один нательный, а второй обмундирование.

Дальше, все должны были уложить свою одежду, в которой приехали, в баулы и одеть вновь выданную. Кир переодевается рядом с Афоней, который уже успел натянуть на себя то, что красномордый почему то называет «ПэШа».

– А что означает ПэШа? – интересуется Афоня, оглядывая себя.

– Судя по твоему виду, «Полная шняга», – смеётся Кир, оценивая внешний вид новоиспечённого товарища.

Бесформенные брюки и приталенная, без единого кармана гимнастерка с большими блестящими пуговицами, придают Афоне вид героя гражданской войны, которого беляки ведут на расстрел.

– Я такое в цирке на жонглерах видел. – Улыбаясь, говорит Афоня, оглядывая свой новый прикид.

– А ты и есть в цирке, братан, – отвечает Кир, натягивая на себя гимнастерку.

– Неужели, в девяностые года двадцатого века, так выглядят воины? – спрашивает коротышка Емеля, который в форме похож на сына полка.

– Воины может и не выглядят, но мы то здесь не воевать будем. А для того чтобы копать и унитаза мыть и такая сойдет, – печально констатирует Кир.

А дальше произошел еще один неприятный казус. Все, кто успел одеться, начали распахивать по карманам личные вещи: в основном это были сигареты и зажигалки. Но, к их изумлению и веселью «Покупателя» все это тут же оказывалось на полу. Кир тоже после неудачной попытки положить в карман сигареты, понял, что это просто сквозные отверстия в брюках.

– Ну что, клоуны, теперь вы поняли, что у солдата не может быть ничего личного, кроме его орудия конечно. А Ваше орудие в ближайшее время, это швабра и лопата, – с хохотом комментирует нелепую ситуацию «Покупатель».

С Афоней Кир подружился ещё в призывном пункте. Эта была симпатия с первого взгляда. Пацаны начинают искать единомышленников сразу, чтобы мгновенно адаптироваться в новой ситуации. Вот так и Кир, зайдя в серую переполненную казарму, сразу стал обводить взглядом шконки. Нужно было найти того самого.

– Пацаны! А кто тут из 53-й команды? – спросил он негромко, но так чтобы было слышно, и, тут же, справа от себя, увидел поднятую руку. Он оценил хозяина руки. Губошлеп в лохматой кроличьей шапке и каком-то довоенном тулупе улыбался открыто и добродушно.

– Двинь жопой то, че растележился! – Губошлеп резким движением бедра оттолкнул пухлого парня, сидящего рядом; тот в свою очередь пихнул худощеого ботана, который предпочел немедленно ретироваться.

Кир, улыбаясь, пожал руку губошлёпу и сел на освободившееся место.

– Как звать то? – губошлеп, сощутив глаза, внимательно изучал нового соседа.

– Игорёк, – ответил Кир. – А тебя?

– Меня Санек! Чем дышишь, Игорек? – с ходу перешел к делу губастый

– Пацан, бродяга по жизни – ответил дежурным ответом на дежурный вопрос Кир.

– Ну значит будем знаться! У меня есть дунуть с собой, ты как?

В общем, так и познакомились. Там же, на призывном пункте, к ним прибилося еще два парня. Один, маленький и коренастый с приятным улыбчивым лицом, представился Емелей, а второй назвался Эдиком.

В поезде они уже сбились в кучку порядка десяти человек. Оказалось, что в команде тридцать человек и десять из них из самой Тюмени. Все остальные были из соседних деревени и с севера.

Дорога была пьяной и веселой. Громила, назвавшийся Лёхой и угощавший всех водкой из резиновой грелки, брэнчал на гитаре, пел какие-то заунывные блатные песни, но при этом щерил огромный зубастый рот в добродушной улыбке. Хорошо накотивший и разомлевший Кир, раскачивался в обнимку с Афоней, в такт очередной песне и думал, почему люди, не имеющие слуха и голоса, совершенно не умеющие петь, всегда и везде пытаются это делать? Но здоровяк ему все же нравился. А вот Эдик, который без умолку рассказывал старые анекдоты про Чапаева, ему сразу не понравился. Этот парень был точно не с их поляны, хотя очень хотел показаться своим. Рассказывать старые анекдоты, по мнению Кира, было признаком человека, который отстал от жизни, нудного и неинтересного. Но смеяться над этими анекдотами признак либо тупости, либо подхалимства. Поэтому, круглолицый парень по имени Миша, так же попал в список «не наших». Опираясь на свой небольшой, но богатый жизненный опыт он пытался дать оценку всем, кого видел вокруг. Как показали последующие события его житейский опыт был ещё недостаточно велик, чтобы давать оценку людям.

В общем, картина, по его мнению, была удручающей, но он был рад уже тому обстоятельству, что встретил двух интересных личностей. Это были Афоня и Емеля. Они сами называли свои погоняла, которые были производными от фамилий Емелин и Афонасьев. Они, всем своим видом походили на тех одноимённых сказочных парней, которые, лежа на печи, мечтали о небесных кренделях.

Были еще две странные личности, дать определение которым Кир пока не мог. Они тоже не пили вместе с пацанами, и держались особнячком. Один был толстый здоровый хохол, а второй наоборот, худой и длинный с очень хитрой, но смазливой рожей. Они не понравились Киру еще с самого начала на призывном пункте. Тогда толстый подошел к шконкам, где они сидели и голосом сорокалетней пьяной бабы произнес: -«53-я команда строиться!»

Афоня, рассказывающий какую то историю, сидя на корточках перед шконкой, с недавно обретенными друзьями, развернулся на каблуках, не вставая с корточек. Он смерил толстяка презрительным взглядом.

– А ты кто блядь такой? Чё то не офицера ты не сильно походишь!

И действительно, толстый в своей рваной не по размеру маленькой балоньевой курточке, меньше всего походил на офицера.

– Я не офицер, но выполняю его поручение! – визгливо ответил толстый.

– Ну раз ты даже не офицер, а мы пока даже не солдаты, позволь послать тебя на хуй, – ласково и тихо сквозь пухлые губы прошелестел Афоня.

– Эй, ты бы за язычком своим последил! – обиженно промямлил толстяк, внезапно лишенный энтузиазма. Тут ему на подмогу подоспел длинный:

– Пацаны, че за дела! Вы же вроде служить сюда пришли. Вам по хорошему передали, что нужно строиться!

Но Афоня уже развернулся на корточках к собеседникам и спросил:

– На чем я остановился? Ну так вот... – и он продолжил свой рассказ как ни в чем не бывало. Кир тем временем смотрел как «Вертухай» (так для себя он обозначил тех двоих), потерпев фиаско пошли в направлении дверей.

Только позднее он осознает, что нельзя оценивать людей, основываясь на первом впечатлении при встрече. Сначала все другие. Все хотят понравиться. Все хотят показаться лучше, чем те, кем они являются на самом деле. Пройдёт время, сойдёт лоск, неприятности соьбют спесь, и вот тогда в каждом из них начнёт проклёвываться что то настоящее и это настоящее, чаще всего, является полной противоположностью тому первоначальному образу.

Глава5. ИГРЫ НА КРЫШЕ

Он бежал так быстро, как никогда ещё не бегал в своей жизни. Инстинкт самосохранения превратил его ноги в совершенные механизмы, работающие безотказно, а голову в компьютер, который со скоростью света перебирал все возможные решения и варианты. Внимание каждую долю секунды переключалось с траектории предполагаемого пути на преследователей и обратно. Туда– сюда, туда-сюда – казалось, что у него вторая пара глаз находится на затылке. Обострившийся звериный инстинкт, словно локатор, давал сигналы в мозг, где сейчас его преследователи, приближаются или отстают. Он чувствовал шкурой, как молча, неумолимо и уверенно несутся за ним эти два гончих пса, проводящие все свободное время в спортзале. Он знал, что для них догнать его вопрос только времени, но не думал сбавлять ход. Сейчас, как никогда нужно бороться до конца. Это не тот случай, когда ты просто убегаешь от бугая в школе, которого достал своими приколами. Тогда, чувствуя, что он тебя непременно нагонит, ты останавливаешься и закрываешь глаза. «Всё я в домике!» Всё равно большее пары оплеух ничего не будет.

Сейчас не тот случай. Псы будут избивать его до полусмерти на глазах у всего честного народа, сколько бы его не было вокруг. Пусть даже рядом будет взвод ментов, всё равно никто ничего не будет делать. Все будут стоять и смотреть. Потом его поволокут за ноги через всю улицу, кинут в багажник своего джипа и отвезут в лес. Там будут пытать, просто так, ради удовольствия, а потом закопают ещё полуживого в яму, которую он сам же и выроет.

Поэтому он не просто бежал, а летел, стараясь не терять скорости. Если на его пути встречалось препятствие в виде прохожего, он мгновенно оценивал, что будет эффективнее, оббегать его или оттолкнуть в сторону. Таким образом, врезаясь в оживленную толпу на тротуаре, он оставлял за собой волнующийся след, тянущийся за ним словно за катером в море. Прохожие, получавшие толчки, или вовсе сбитые с ног, посылали ему в след проклятия, и он рисковал, обзавестись ещё добрым десятком преследователей. Но, не успевала эта волна успокоиться, как в неё врезались ещё два бычка весом по центнеру. Как два параллельно пущенных шара в кегельбане, они валили кегли в страйк направо и налево.

Всё начиналось и шло ровно по плану, и ничего не предвещало беды. Они проделывали эту операцию уже пятый раз, с интервалом в две недели. Работали всегда, как по нотам. Туча отвлекал продавца просьбой показать ему что-то с витрины, в дальнем углу магазина. Кир, убедившись, что продавец не видит, запрыгивал животом на витрину и свешивался вниз. Шарапов держал Кира за ноги и в то же время следил за шухером. Под прилавком витрины, с обратной стороны была обыкновенная картонная коробка, куда продавцы клали выручку. Кир хватал пятерней столько бумажных купюр, сколько в неё вмещалось, и дёргал ногой, делая знак Шарарпову, чтобы тот мог стащить его с прилавка.

Всё получалось настолько легко и просто, что друзья повадились ходить туда, как на работу.

Они не задумывались о том, что кооператоры когда-нибудь озаботятся проблемой потери выручки. Скорее всего, так и произошло и в этот последний раз, в момент кульминации, откуда-то из подсобки вылетели эти два амбала. С криками «Стоять суки!», они побежали вокруг прилавка. Это на какое то время и спасло друзей. Пока тупые бычки оббегали прилавков вместо того, чтобы перемахнуть его, друзья выбежали из магазина и бросились врассыпную.

К несчастью Кира, бычки не стали распыляться, гоняясь за всеми, а сосредоточились именно на нём. Наверное, это было справедливо, так как часть выручки их магазина лежала сейчас у него за пазухой наглухо застёгнутой коричневой замшевой куртки. Теперь если даже Кир бросит эти деньги на дорогу, бычки всё равно не перестанут за ним гнаться.

Он бежал вдоль улицы, петляя как заяц, и перебегая то на одну, то на другую сторону. В какой-то момент его локаторы уловили, что преследователи разделились и бегут по обеим

сторонам улицы. «Что-то нужно делать!» – лихорадочно думал он. – Затеряться в толпе не получается, я всё время в поле их видимости. Если забежать в этот двор? Нет, это капкан. Двор тупиковый и, если не успею скрыться в подъезде, они меня возьмут в кольцо и рано или поздно поймают. Да если и забежишь в подъезд, это капкан ещё хуже. Из него уже никуда не денешься».

Перед ним возник ЗИЛок с белой будкой, который стоял, поперёк тротуара, и разгружал продукты в магазин. Кир поднырнул под ним, и тем самым выиграл немного времени, так как амбалу, в силу комплекции, придется его оббегать. Сейчас Кир бежал мимо своего дома. Мимолётная детская слабость чуть не толкнула его забежать в свой подъезд, взлететь по лестнице до квартиры, жать на звонок побелевшим пальцем, и, когда мать откроет дверь, крикнуть: «Мама, там за мной мальчики плохие гонятся!»

«Нет уж! Сейчас ты ввязался во взрослую игру, где мама тебе не поможет. Мало того ты оказался по другую сторону закона, а это значит, что тебе не поможет вообще никто. Два свирепых волка разорвут тебя, если догонят. Вот и весь закон джунглей» – эта контрмысль отрезвила Кира, и он пробежал свой дом мимо.

Вдруг он заметил, что бычок, который был на противоположной стороне улицы, уже обогнал его на несколько метров, и сейчас перебегает дорогу, чтобы встретить его спереди. Кир оказался в окружении, и теперь не было другого варианта, кроме того, как свернуть с улицы в парк, который был за его домом.

«Ну вот, и в лес везти не надо будет, если здесь поймают» – мелькнула в голове страшная мысль. Бычки бежали, где то совсем недалеко, шурша кустами. За всё время погони они ни разу не крикнули «Стой!» или ещё что-то в этом роде. Они гнались за ним, молча и сосредоточенно, как волки гонятся за оленем. Зачем кричать что-то дичи, зачем кричать что-то будущей жертве.

Погоня неумолимо приближалась к своему логическому концу. Кир уже спиной чувствовал, что преследователи где-то рядом и вот-вот его настигнут.

Женское девятиэтажное общежитие, как будто выросло перед ним из кустов. Они столько раз ходили сюда с друзьями в поисках романтических приключений, но сейчас вся траектория пути, привела его именно сюда, именно в эту точку. Словно неведомые силы подсказывали, что только здесь он может найти спасение. Он взлетел на крыльцо и в одну секунду преодолел двойные подпружиненные деревянные двери, разделённые тамбуром.

Опасность, которую Кир привлёк своим появлением, отразилась в испуганных глазах вахтерши, симпатичной молдаванки лет сорока.

– Теть Тань! Не сдавайте! – задыхаясь, выкрикнул Кир и нырнул к ней в ноги, под высокую деревянную стойку вахты.

– Ты чё совсем уже? – начала было вахтерша, но Кир прошипел ей:

– Тихо! – и в этот момент деревянная дверь, взвизгнув, хлопнула.

Кир пытался замереть, но сбившееся дыхание силилось вырваться из груди, и ему пришлось прикрыть рот двумя руками.

– Где он? – голос был возбуждённым, а тон не сулил ничего хорошего.

– Кто?

– Слышь ты! Дурку не включай! Где этот шкет, который только что сюда залетел?

– Так, а Вы кто такой, чтобы со мной так говорить? Я сейчас милицию вызову! – Грубость мгновенно вызвала в вахтерше ответную реакцию, и она включила строгого вахтёра. Кир умоляюще смотрел на её пухленькие ножки, одетые в белые мыльницы.

– Слышь ты, курица, у тебя три секунды, чтобы сказать, куда он пошёл. Раз!... – Кир услышал треск и скрип выдираемого из дерева гвоздя. Потом раздался удар деревом об дерево, такой, что вся конструкция стойки заходила ходуном. Видимо, бык оторвал облицовочную доску от стойки и ей же бил по укреплению, в котором находилась вахтерша.

– Ой, мама! Да туда он пробежал! Не знаю, кто он. – Кир смотрел на пляшущие ноги под столом и мысленно благодарил вахтёршу.

– Миша, будь здесь, а я прошмырнусь по блокам! – Раздались быстрые шаги удаляющегося бычка.

– А ментами ты нас не пугай, мы вашего участкового знаем. – Это говорил второй, каким-то противным писклявым голосом. – Ты хоть знаешь, чё этот фразер исполнил...

– Не курите здесь а? Чё уж совсем-то беспределить! У меня вообще-то астма! – завелась вахтёрша. Действительно, Кир уловил запах сигаретного дыма.

– Да ладно ты, не скули! – Раздался хлопок двери и на секунду всё затихло.

Рука вахтёрши опустилась под стойку и больно ущипнула Кира.

– Быстрее в левое крыло! – прошептала она.

Кир с низкого старта метнулся в сторону левого крыла. Значит, бычок побежал в правое.

Он пробежал через холл, преодолел коридор, и был уже возле лестницы в дальнем конце левого крыла, когда дверь снова хлопнула.

– Ах ты сука! Стоять! – этот звонкий крик подбросил его сразу на три лестничных пролёта.

Выше бежать было бесполезно. Осталась последняя надежда на спасение: спрятаться в одной из комнат блока на третьем этаже. Кир был знаком с доброй половиной обитателей женского общежития, но здесь на третьем этаже левого крыла он знал только жильца комнаты под номером три ноль два. Она находилась как раз в торце блока. Кир устремился прямо туда, лелея последнюю надежду. Он дробно, но не громко стукнул в фанерную дверь. Она открылась через несколько секунд, показавшихся Киру вечностью.

Растрёпанная темноволосая девчонка с красными заспанными глазами спросила:

– Чё надо?

Кир, отодвинув её, без спроса заскочил в комнату и закрыл дверь.

– Совсем уже что ли? Ко мне сейчас брат придёт! – возмущённо закричала девчонка, схватив Кира за руки, не давая пройти дальше.

– Лена тихо, пожалуйста! – Кир приложил указательный палец ко рту и сел спиной к двери. Лена была его бывшей подружкой, с которой он расстался не очень-то хорошо.

– Ты чё обкуренный? – закричала Ленка, не обращая внимания на предостережения Кира, и тогда он вскочил и приложил ладонь к её губам. – Тихо ты, дура!

Но было уже поздно. За дверью послышался звук уверенных тяжелых шагов. Затем в дверь громко постучали.

– Не открывай! – беззвучно произнёс Кир одними губами, и начал в растерянности метаться по крохотной комнате, в которой из мебели были только стол телевизор и кровать.

– Кто там? – спросила Ленка.

– Откройте дверь, милиция! Ищем опасного преступника! – послышался из-за двери противный звонкий голос.

Кир замотал головой из стороны в сторону и сложил руки крестом, пытаясь показать Ленке, что открывать дверь опасно и для неё в том числе.

– Удостоверение покажите! – скомандовала Ленка.

– Как же я покажу, если ты дверь не открываешь?

– Я раздета! – затупила Ленка.

– Если не откроешь сейчас, вынесу дверь! – Интонация изменилась на угрожающую.

Кир понял, что Ленка откроет. Он показал ей жеста, чтобы хоть немного потянула время и бросился к окну. Распахнув его, посмотрел вниз. Этаж хоть и третий, но всё же высоко, и асфальт внизу усыпан осколками от бутылок. Прыгнуть вниз означало, как минимум, сломать ноги.

Он посмотрел по сторонам, и вдруг, увидел своё спасение.

С торца общежития находились балконы, которые сообщались между собой железной пожарной лестницей. Нужно было только добраться до них. Окно комнаты находилось на углу здания, так что до ближайшего балкона было не больше метра. Как раз правее и немного ниже окна, из стены торчал толстый железный штырь. Думать было некогда. Кир встал на корточки на подоконнике и обеими руками уцепился за хлипкую деревянную раму. «Лишь бы выдержала!» – подумал он. Развернувшись спиной к улице, он выставил левую ногу, и опускал её всё ниже в поисках штыря. Но вот нога уверенно встала на штырь. Кир отпустил левую руку и перенёс равновесие на ногу, которая стояла на штыре. Теперь он находился между окном и балконом. Нужно было отпустить руку от рамы, оттолкнуться ногой от штыря и зацепиться руками за железные перила балкона, который был на полметра выше. Трюк был рискованным, учитывая то, что проходил на высоте. Кир на секунду замешкался, но всё-таки, преодолел себя, отпустил руку и оттолкнулся. Подпрыгнув, он зацепился за железные перила и, подтянувшись, в одну секунду перемахнул их.

На балконе, который вел в общую кухню, не было никого. Кир, путаясь в мокрых простынях, развешанных для сушки, стал пробираться к противоположной стороне балкона, где находилась лестница. Он поднимался с балкона на балкон всё выше и выше. Уже на седьмом этаже, Кир, посмотрев вниз через прутья арматуры, которые служили полом балкона, увидел бычка. Он был там, внизу, на балконе третьего этажа. «Когда же этот день закончится?» – подумал Кир и рванул ещё выше. Добравшись до восьмого этажа, Кир снова посмотрел вниз, но бычка там не обнаружил. «Значит он сейчас поднимется на лифте и выскочит как раз...». – Страшная догадка заставила Кира побежать вниз. Теперь он спускался по этажам со скоростью опытного пожарника. Он перемахивал за раз по несколько ступенек лестницы, перенося вес на перила и скользя по ним на локтях. Так он, буквально за минуту, оказался внизу на четвёртом этаже.

Предчувствие его не обмануло. Бычок выскочил на балкон как раз на восьмом этаже. Кир увидел красную разгневанную морду, которая что-то кричала, видимо не очень приличное, в его адрес. Они какое-то время стояли, глядя друг на друга и думая, что делать. Кир лихорадочно перебирал в голове варианты.

Нужно уходить с балконов, это точно. Не век же по ним прыгать туда – сюда? Но вот куда уходить? Зайти в комнату к каким-нибудь знакомым? Не факт, что они дома, сегодня суббота. Бегать наугад не вариант, в любой момент могут сцапать, тем более, что тот второй наверняка уже в этом крыле. Выйти на лестницу? Можно в любой момент оказаться в окружении, если второй уже в этом крыле. Лифт вообще не вариант, так как он может оказаться для него смертельной ловушкой, из которой уж точно не выберешься. Остается эта лестница.

Кир спустился на третий этаж. Здесь балконы заканчивались. Бычок всё ещё стоял наверху, наверное, так же прокручивая в голове все возможные варианты. Под балконом разбитый асфальт и метров пятнадцать высоты.

«Простыни!» – вдруг озарило Кира. Он сорвал с верёвки одну простынь, скрутил её в жгут и стал привязывать к железному уголку из которого был сварен каркас балкона. Простынь даст хотя бы полтора – два метра форы. Он проверил на прочность толстый узел, что есть сил, дернув простынь вверх; убедившись что узел достаточно прочный, перелез через перила и, ухватившись за простынь в основании возле узла, опустил вниз сначала одну ногу, затем другую. Повиснув на простыни, он тут же услышал, как она затрещала, и одной рукой снова ухватился за перила. Он понял, что сорвавшись, он даже не сможет сгруппироваться и сломанные ноги ему обеспечены. Этим он облегчит бычкам часть работы, но уж точно не упростит остаток своей жизни. Продолжая болтаться, уцепившись за уголок, он посмотрел вверх. Бычка не было. Значит он уверен, что Кир прыгнет, и должен сейчас спускаться вниз. Кир со скоростью опытного скалолаза забрался по перилам на балкон, и снова стал подниматься вверх по

лестнице. Поднявшись на три этажа выше, он ушел с балконов. Если бычки сейчас выйдут на улицу, они могут засечь его снизу.

Он добежал до лифта и нажал на кнопку вызова. Лифт с гулким завыванием тронулся, откуда-то сверху. Кир встал за углом лифтовой шахты, лицом к лестничной клетке и затаился, прислушиваясь. Лифт остановился, и его двери отворились с диким лязгом. Кир выждал несколько секунд. Убедившись, что из лифта никто не вышел, он выскочил из-за угла и юркнул в кабину. «Ну, с богом!» – он нажал выжженную кнопку девятого этажа. На девятом жила ещё одна шапошная знакомая, подружка Ленки. Лифт преодолевал три этажа целую вечность. Кир с ужасом представлял зловещие морды бычков, которые появляются в проёме открывающихся дверей, и его подмывало нажать на кнопку «Стоп» и поехать вниз, на другой этаж. Он вовремя остановился, осознавая, что на любом другом этаже может быть тоже самое. Теперь уже будь, что будет.

Двери лифта снова застонали, как в последний раз, и просвет, который они постепенно явили взору Кира, к его счастью оказался пустым.

Он вышел из лифта, озираясь и прислушиваясь. Было тихо, только где-то далеко, явно не с этого этажа, слышалось завывание солиста «Энигмы».

Кир постучал в дверь комнаты знакомой. Никто не открыл. «Да, в такую погоду все нормальные люди на природе загорают, а не по общагам от бандосов бегают» – в отчаянье подумал он. Он стоял на месте, растерянно оглядывая пустой коридор. Можно было оставаться здесь и выиграть какое-то время. Но бычки всё равно не отступятся и рано или поздно они будут здесь.

Он уже было снова хотел выйти на балкон, чтобы осмотреться, но внезапно ему на глаза попала лестница, ведущая на крышу. Кир поднялся по ступеням, сваренным из уголка, и толкнул металлический квадратный люк. Тот поддался. «Есть!» – торжествующе подумал он. – Вот оно, моё спасение!».

Он открыл люк и вылез на крышу. Плоская крыша общаги была покрыта рваным высохшим рубероидом. Со всех сторон, словно перископы из подводной лодки из неё торчали ржавые вентиляционные и сточные трубы. Первым делом Кир решил себя обезопасить. Осмотревшись, он увидел толстый кусок ржавой арматуры и вставил его в петли вместо замка. Дернув люк вверх, он убедился в надёжности запора. Чувство успокоения и временной безопасности подействовало на него, как горячая ванна. «Неужели ещё поживу?» – блаженно думал он, усевшись, облокотясь спиной на трубу и закуривая. Волна приятного расслабления прокатилась по его телу. Он подставлял улыбающееся лицо яркому летнему солнцу и смотрел на безоблачное голубое небо.

«Эй, ты чё здесь делаешь?» – Низкий женский голос мгновенно вернул его в действительность.

Открыв глаза, он увидел перед собой двух девушек. Это были не просто девушки, а две вполне созревшие дамы, которые могли олицетворять для Кира предел его мечтаний, в плане романтических приключений. Обе были высокие, стройные, длинноногие и с пышными формами бюста.

Одна рыженькая с волнистыми, подстриженными под каре волосами, вздёрнутым веснушчатым носиком, и красивой формой пухлых губ, похожих на перевёрнутое сердечко. Вторая, брюнетка с длинным шелковистым хвостом чёрных волос, высоким открытым лбом и с красивым восточным типом скуластого лица, с чуть раскосыми чёрными глазами.

Обе были одеты в цветастые летние сарафаны и в руках держали одинаковые пляжные сумки салатного цвета.

– Наташ, ты не закрылась что ли? – строго спросила подругу та, которая брюнетка.

– Свет, вроде закрыто, – рыженькая, недоумевающая, указывала рукой на арматуру, торчащую из петель люка.

– Рад приветствовать Вас, милые дамы! – Кир в поклоне снял свою клетчатую кепку. При виде прекрасного пола, он всегда терял голову, и в этот раз, забыв об опасности, пустился в привычный иронический флирт. Конечно, он не ожидал ничего серьёзного от этого знакомства, его всегда заводил и вдохновлял сам процесс шутивых заигрываний.

– Да это он закрыл... – сказала брюнетка, проигнорировав приветствие Кира.

– Имею честь представиться! Меня зовут Игорь, можно просто Гарик. – Кир приложил руку к груди и наклонил голову.

– Наверно, когда за кремом ходила, забыла закрыть. – Озадаченно сказала рыженькая.

– Видишь, что бывает, когда забываешь? – брюнетка с укорризированной посмотрела на подружку. – Они разговаривали так, как будто вместо Кира перед ними находился неодушевлённый предмет.

– Могу я узнать имена прекрасных незнакомок? – продолжал ёрничать Кир.

– Слушай, мальчик, давай договоримся! В следующий раз найди себе другое место для отдыха, – брюнетка перешла на строгий официальный тон.

– А! Так я попал в частные владения? – насторожился Кир. – Но я что-то нигде не видел таблички: «Вступая на эту территорию, вы пересекаете границы частных владений...».

– Может перестанешь поясничать? – Сказала брюнетка, оценивая Кира пренебрежительным высокомерным взглядом. – Частные не частные, пока мы тебя по-хорошему предупреждаем.

– Клянусь, что больше не пересеку пределов ваших владений но....

– Ну вот и отлично! – Брюнетка не стала дослушивать тираду Кира, и, отодвинув его в сторону, наклонилась к люку, чтобы вытащить арматуру.

– У меня к вам одна просьба! – Кир как уж протиснулся между брюнеткой и люком и молитвенно сложил ладони перед грудью. – Могу я хотя бы час провести в Вашем обществе?

Подружки переглянулись.

– Мне показалось или... – робко сказала рыженькая.

– Не показалось, он шизофреник, – уверенно ответила брюнетка.

– А Вы случайно не в мединституте учитесь? Просто ставите такие точные диагнозы. Нет! Дайте угадаю! Вы учитесь в пятнадцатой учёхе, точнее уже закончили, – тараторил Кир, чтобы хоть как-то привлечь внимание незнакомок. О том, что они закончили училище, было не трудно догадаться, так как общага была профильная. Кир, часто встречающийся в вестибюле училища подружек, не видел там этих дам, стало быть, они его уже закончили.

– Да ты у нас экстрасенс! – картинно удивилась брюнетка. – Может, ещё что-нибудь про нас расскажешь?

– Если расскажу, обещаете остаться? – спросил Кир, а сам подумал – «а не те ли это девахи, которые...».

– Если расскажешь правду! Давай только быстро, а то нам идти надо! – сказала брюнетка.

– Во-первых Вас зовут Светлана, а Вас... – Кир защёлкал пальцами в сторону рыженькой, как бы угадывая, – а Вас Наталья.

Обе захлопали: рыженькая длинными ресницами, а брюнетка в ладоши.

– Bravo! Учитывая то, что мы только что назвали друг друга по именам.

– Да? А я и не заметил, – разочарованно ответил Кир.

– Ну тогда... – брюнетка снова попыталась отодвинуть Кира в сторону, чтобы пройти.

– Подождите! Это ещё не всё, – загадочным тоном проговорил Кир.

«Да! Это те самые девахи...» – он пришёл к внутреннему убеждению, и в голове его родилась идея. Ему нельзя было давать девушкам покинуть крышу сейчас. Во-первых, их передвижения могли заметить, а во вторых они могли кому-нибудь рассказать о встрече на крыше. В случае, если бычки застигнут Кира здесь, полёта с крыши ему не избежать. Сейчас он кое

– что вспомнил, сопоставил некоторые факты и решил начать атаку с наиболее слабого, как ему казалось звена.

– Вот например ты, Наташа! Ничего, если я перейду на ты? Любишь зелёный цвет, такой же, как твои изумительные глаза. Поэтому на тебе сейчас зелёный купальник.

При этих словах обе девушки бросили взгляды на свои сарафаны, но убедились, что они не просвечивают и бретельки купальников не торчат. По суетливому взгляду рыженькой, Кир понял, что попал в точку. Пристально вглядываясь в неё и как бы изучая, он продолжал. – Любишь читать. Но читаешь больше всякую хрень, написанную по мотивам сериалов. Что-то вроде..... – Кир потер подбородок, словно подыскивая нужный вариант. – Что-то вроде «Богатые тоже плачут». На этих словах, рыженькая вскинула брови и посмотрела на брюнетку. Та водила своими чёрными глазами из стороны в сторону, соображая, где подвох.

Кир по-собачьи морща нос, рывками втягивал воздух, словно принимаясь. – От загара мажешься индийским кремом. «Пёрл» или что-то вроде того.

Рыженькая украдкой бросила взгляд на свою сумку, но убедилась, что та закрыта на молнию. А Кир, подперев правой рукой подбородок, продолжал:

– Любишь зелёные яблоки, кефир, всё что не повредит фигуре, – рыженькая начала глупо улыбаться, а брюнетка, тем временем, напрягалась всё больше и больше.

– А твоя подружка не заморачивается и лузгает семечки, запивая их фантой...

– Я поняла! – брюнетка щёлкнула пальцами. – Ты чё, козлина, подглядывал за нами?

– И где я был, по-твоему, всё это время? В этой трубе? – Кир махнул рукой в сторону ржавой вентиляционной трубы. Тут же вся крыша как на ладони. Тем более, чтобы разглядеть родимое пятно над сосочком твоей левой груди, я должен был подойти совсем близко. – Брюнетка тоже оказалась в ступоре.

– Не знаю, как ты это делал, но ты за нами точно подглядывал, извращенец – она, улыбалась и качала головой, с прищуром глядя на Кира. Сейчас он заметил, что в её глазах появился блеск.

– Девчонки, клянусь Вам, что это чистое провидение. Когда мне было три года, я дома ножницами перерезал толстый кабель. Ножницы сплавилась на хрен, во всём доме свет погас, а мне хоть бы хны. Только волосы вот кудрявыми стали, а были прямыми. С тех пор вот и вижу то, что другие не видят, и даже предсказываю немножко.

– Ну и что нас ждёт в будущем, Нострадамус? – с насмешкой спросила брюнетка, прикуривая от зажигалки длинную тонкую сигарету.

– Кстати, ты угадала мою кличку. На районе меня так и зовут Нострадамусом. А будущее всегда имеет несколько вариантов... – тут Кир перестал улыбаться и перешёл на серьёзный тон. – В одном варианте Вы остаетесь здесь, и мы мило беседуем за жизнь, пока...

– Этот вариант так себе, валяй другой, – перебила его брюнетка, но теперь её тон не был таким однозначным.

– А второй вариант не очень весёлый. Вы идёте домой и, уже где то через полчаса, сидя в своей комнате, слышите крики. Вы открываете окно и смотрите вниз. А там, под окнами лежит размазанный по асфальту маленький пацанчик в замшевой куртке.

– А вот это уже не смешно! Хорош гнать, придурок... – разозлилась брюнетка, а более робкая рыженькая, почему то, стала смотреть на Кира с состраданием.

– Девчонки, у меня серьёзный попадос. Думаете, я просто так здесь оказался? Я вроде не похож на любителя позагорать. Я Вас прошу, не уходите отсюда, хотя бы часик, тем более, вы обещали.

– Ладно, если только на часик. – Сдалась брюнетка, которая была видимо главной в этом дуэте. – Пойдем, сядем в тенёк, а то мы уже назагорались сегодня. И ещё, – расстелила одеяло в тени кирпичной будки, она подняла строгие глаза на Кира. – Теперь ты расскажешь настоящую правду. Какой у тебя попадос и как ты это всё узнал про нас.

– Шас, – обрадовался Кир, – только куртку сниму. Он отошел в сторону, засунул руку за пазуху, переложил ворох мятых бумажных купюр во внутренний карман куртки, и только после этого снял её, оставшись в зелёной полосатой футболке с вышитым на левом кармашке маленьким крокодилчиком и надписью « La coste».

Девчонки сели рядом, опёршись спинами на кирпичную будку, и подобрав под себя ноги. Кир сел напротив, скрестив по турецк свои ноги, одетые в треники. Он смотрел на них и восхищался. Ему не приходилось ещё бывать в обществе настолько радующем глаз. Девчонки были очень разные, но дополняли друг друга и составляли вместе прекрасную картинку. Теперь, когда их внимание было полностью обращено на Кира, он стал немного волноваться и закурил.

– Ну, рассказывай, не томи, – сказала брюнетка, подперев подбородок кулаком.

«Правдивая история, про налёт на магазин навряд ли удержит их здесь, поэтому нужно придумать что-то попроще», – подумал Кир и начал, решив импровизировать на ходу.

– В общем, зарулил я сегодня к одной девахе. Имени называть не буду, чтобы разговоров не было. Притаранил трёхлитровую банку пивка, рыбки, в общем всё как полагается. Посидели мы с ней хорошо, потом лежали тоже неплохо. Ну.. сами понимаете.. В общем уснул я. Просыпаюсь один в комнате. Она видимо к подружкам ушла. А я проснулся от того, что ссать дико хочу. Ну, после пива. Я мечусь, значит по комнате, не знаю чё делать. Дверь закрыта на ключ, а туалеты с той стороны. Ну вы же знаете... Чувствую, что сейчас просто лопну, – Кир рассказывал так эмоционально, что девчонки начали прыскать от смеха. – В общем, делать нечего, открыл я окно. Смотрю, нет никого внизу. Только в стороне джип какой то черный стоит, но до него вроде далеко. Был там кто-то или нет, я не видел, окна в хлам затонированы. В общем залез я на подоконник и дал такую струю, как из пожарного крана. После двух литров пива то... И в этот момент вдруг ветер как дунет. И вся эта струя начинает бить в лобовуху этому джипу. Оттуда выскакивает какой то громила в черных очках и в кожане, и ему прилетает прямо в лицо, прикиньте! – девчонки уже хохотали вовсю. – Не успел я с окна слезть, а он меня спалил и ломанулся в общагу. А с ним ещё один из машины выскочил. Чё делать? Оставаться в комнате, значит ждать конца. Прыгать из окна высоко. Тогда я вылез из окна и по карнизу перелез в соседнее. Оно открыто было. Смотрю, а там подружка моя бывшая в одной ночной сорочке. Я с подоконника соскакиваю, а она рот открыла от удивления. Так я, чтобы она не заорала, повалил её на кровать и рот заткнул поцелуем. Вдруг дверь открывается и входит айзер в одной руке бутылка, а в другой ваза с фруктами. Она уже полгода, как замужем за этим айзером. Пока он врубался, пока кричал «шайтан-майтан», пока бутылку ставил и ножик искал, я опять выскочил из окна, и на балкон запрыгнул, ну который сбоку. – Конец выдуманной истории полностью совпадал с тем, что произошло на самом деле.

К концу истории девчонки смеялись так, что повалились на покрывало.

– Смешно Вам! – улыбался Кир, чувствуя, что их диалог понемногу завязывается. Молоть можно что угодно, лишь бы выиграть побольше времени.

– Ладно, будем считать, что поверили, – отсмеявшись сказала брюнетка. – А теперь расскажи, как ты нас пас.

– Да не пас я Вас, зуб даю! – Кир щёлкнул ногтём большого пальца по плотным белым зубам.

– А как ты всё это узнал? Про купальник, крем, книгу? Только давай эти байки про экстрасенса ты оставишь для каких-нибудь лохушек. – Брюнетка буравила Кира своими чёрными глазами.

– Сигареты кончились... – Кир растеряно мямл в руках пустую пачку Winston. – Не угостите? Пока брюнетка доставала длинную сигарету из узкой пачки и прикуривала ему от зажигалки, он думал, что говорить. Он глубоко затянулся и выдохнул дым тонкой струйкой вверх, при этом недовольно выпятив нижнюю губу. – Что за хрень вы курите? Как будто жевачку жуёшь...

– Не нравится, не кури! Ну ты давай, не отвлекайся – брюнетка продолжала испытывающее смотреть в глаза Кира.

– Всё элементарно, как говорил мой кумир Шерлок Холмс. – Кир теперь держал сигарету тремя пальцами, словно это была трубка. – Наташа, поразительно красивая девушка с ярко зелёным цветом глаз. Хотя я и не знаток всех этих модных штук, но мог предположить, что она предпочитает зелёный цвет во всём, именно благодаря цвету своих глаз. Об этом говорит и сарафан, который с зелёным оттенком и этот зелёный браслет на руке. В магазинах сейчас море купальников разных цветов, но на пляже, я замечаю, преобладают в основном красные, синие и зелёные. Поэтому с большой долей вероятности смел предположить, что на тебе Наташа именно зелёный купальник. Как кстати и то, что на тебе Света, ярко красный.

Рыженькая вспыхнула, а огонёк в глазах брюнетки разгорался всё сильнее.

– А с чего ты вообще взял, что мы должны быть в купальниках? – спросила она.

– Ну это же элементарно! Лето ещё только началось и вы ещё достаточно бледненькие, чтобы демонстрировать свою красоту на пляже. Но есть прекрасное место, эта крыша. Всегда доступно, под рукой и можно получить первоначальный загар, чтобы не стыдно было показаться на пляже. Девчонки вы яркие, модные, и формы Ваши еще набирают сок – Кир чертил сигаретой мысленный овал, обведя им грудь рыженькой, – поэтому к лету вы, конечно же, купили новые купальники. Ну а где ещё можно их лучше всего обкатать, как не на крыше. Допускаю, что здесь вы их снимаете, но собираетесь и приходите сюда, как на пляж. Об этом говорят ваши пляжные сумки. Соответственно купальник это непременно атрибут для похода загорать.

– Складно чешешь, Шерлок Холмс, только что-то тут нечисто... – взгляд брюнетки ни на секунду не отпускал глаза Кира. – Ну ладно, продолжай. Про книгу расскажи.

– С книгой вообще всё просто. Я увидел её контуры, она выпирает из сумочки. Судя по всему, книга толстая. Не думаю, что Наталья для развлечения будет читать «войну и мир», а «Богатые тоже плачут» я вижу сейчас везде: в магазинах, дома у друзей, даже моя мать читает.

Рыженькая восторженно улыбалась Киру и было видно, что он интересуется её всё больше, в то время, как недоверчивая брюнетка продолжала допрос:

– А про крем ты как узнал?

– Та же история, что и с книгой. Вон она, большая круглая банка в сумке. А этот крем сейчас на каждом углу продают. Да и запах, его ни с чем не перепутаешь.

– А яблоки? Или ты их тоже в сумке увидел?

– Нет, яблоки это просто предположение. Не факт, что она вообще сегодня их ела, так же как и то, что ты лузгала семечки. Я говорю только о постоянных привычках. Вот ты, Света, за время нашего разговора выкурила уже четыре сигареты, а Наташа ни одной. Обычно, по наблюдениям, если одна подружка закуривает, то тут же закуривает и вторая. Такая женская солидарность. Но Наташа с тобой не курила, значит она не курит вообще. – По выражению лица рыженькой Кир понимал, что лупит прямо в цель. – Курящие девушки не заморачиваются на счёт фигуры. Некатин делает своё дело лучше любой диеты. Поэтому, курящая девушка может позволять себе всё. А чтобы не курить совсем уж часто, они щёлкают семечки. – А теперь прямое попадание было в сторону брюнетки. – Ну а девчонкам, которые не курят приходится по полной программе следить за фигурой. Отсюда яблочки, кефирчики, творожок и так далее.

– А что ты скажешь по поводу родинок? – решила задать вопрос на засыпку брюнетка.

– А это чистая догадка. И если я попал в точку, то это только счастливая случайность. – Кир сделал вид, что засмутился. – Я просто очень люблю наблюдать эти женские прелести. И очень часто в глаза бросаются именно красивые родинки.

– Судя по твоему рассказу, у тебя большой опыт в изучении этих женских прелестей. – Взгляд брюнетки стал хищным, плотоядным и не отпускал взгляда Кира.

– Не такой уж большой, – скромно ответил он.

– С таким талантом тебе в ментовке работать надо. – хмыкнула брюнетка.

– Ну вот, а ты говоришь это я экстрасенс. Я ведь как раз на первый курс, в школу милиции поступаю.

– Чё то ты не похож на будущего мента. – заулыбалась брюнетка. – И как человек с такой интуицией, логикой мышления, расчетливый мог обоссать чужую машину?

– Мочевой пузырь имеет свойство давить на мозг. В эти минуты отключается всё и логика и мысли и расчеты. Да ладно девчонки, давайте лучше в карты сыграем, он у вас наверняка есть.

– И это ты знаешь, – рыженькая улыбалась, открыв белые мелкие зубки .

– Ой, я Вас умоляю! Для этого не нужно никакой логики и интуиции. Я даже могу угадать, что у Вас с собой магнитола. Предлагаю и музыку дать, чтобы не так скучно было.

Играть на раздевания девчонки наотрез отказались. Сыграли несколько партий в дурака. Кир оставался дураком каждый раз. Потом Кир учил девонок играть в покер. Но, из всей игры им нравились только замысловатые названия мастей. В какое-то время, Киру стало казаться, что он знает девонок всю свою жизнь. Настолько с ними было легко и весело, что он стал забывать, как его сюда занесло и опасность, которая должно быть ещё не миновала. Девушкам, судя по всему, тоже нравилось с ним и стало заметно, что каждая хочет ему понравиться. Прошло уже больше двух часов, когда наступил момент, который говорил, что всё это не может продолжаться бесконечно. Солнце уже садилось и вся крыша была залита золотисто-красным цветом.

– Ну чё то засиделись мы тут, – с сожалением в голосе сказала Света. Пойдем, наверное, а то сигареты кончились, да и есть уже охота. – При этом по обоим было видно, что уходить они не очень то и хотят.

– А может, здесь поужинаем? Устроим этакий пикник на крыше. Тем более музыка у нас есть. – предложил Кир.

– Да, нет только еды, а так к пиру всё готово. – пошутила Света.

– Это не проблема! Сходите и купите. – Кир, наклонившись к куртке, достал из внутреннего кармана смятые купюры и протянул Свте несколько блекло-зелёных бумажек. – Нате, думаю должно хватить на еду и винишко.

У девонок загорелись глаза. – А ты что, наследство получил, Гарик? – спросила Света.

– Я целый месяц вагоны на сортировке разгружал, и только вчера зарплату получил. Так ,что могу себе позволить.

– А что покупать то? – Света, уверенно взяла купюры из рук Кира , тем самым соглашаясь на пикник.

– Да всё что хотите. Берите на всё. Вина и шампанского не забудьте взять. Да, и мне Винстона две пачки.

Девчонки засобирались. – Только тише, пожалуйста. И узнайте, как там обстановка, – ощущая прилив забытой тревоги, сказал Кир.

Когда девчонки спустились вниз, он закрыл за ними люк и вставил запор в петли.

Теперь он остался один, и тревожные мысли стали давить на него всей силой. Только бы они не притащили сюда бычков. Он в ярких красках стал представлять расправу на крыше, в конце которой, бычки раскачивая Кира за руки и за ноги на счёт три, бросают его вниз. Чтобы прогнать мрачные мысли он стал вспоминать историю, которая имела косвенное отношение к сегодняшней встрече.

Три дня назад Кир, Кот и Женя Болт купили круг пиццы, кое-что покурить и решили навестить своего друга Безумного. Он жил на девятом этаже соседнего с Киrom дома, в трёх-

комнатной квартире с родителями. Безумный, как всегда, оказался невыспанным и встретил друзей не очень радушно, но тем не менее, домой пустил. Друзья расположились в маленькой комнате, в которой дым стоял коромыслом, оттого что Безумный курил одну за одной сигареты прямо не вставая с постели, которую никогда не заправлял.

– Макс, ты хотя бы окно открыл, дышать нечем! – сказал Кот и сам пошёл к окну. – А это чё за хрень у тебя? – спросил он, ощупывая серую металлическую трубу, которая была установлена на выдвижной штатив.

– Не трогай! – Безумный подбежал к окну и отодвинул Кота в сторону.

– Это чё у тебя, подзорная труба? Ты за кем наблюдаешь? – весело спросил Кот.

– Это телескоп. Он не мой, а Ботаника. Давно уже здесь лежит. Ботаник хочет продать и просил проверить. – Ботаник был старшим братом Безумного, который жил отдельно.

– О, так можно через него и на луну посмотреть? – заинтересовавшись подошёл к подоконнику Женя Болт.

– Ночью можно. Да и вообще, он плохо работает, – как то рассеянно говорил Безумный, пытаясь убрать друзей от окна.

– Дай глянуть то хоть, – не унимался Кот. – Он у тебя как то не в небо направлен. – И сопротивляясь отталкивающему его Безумному он прильнул к окуляру трубы.

– О, да тут как в телике. Вверх ногами только. Чё то я понять не могу... Это... Бля! – Кот напрягся, и стало заметно, что он видит что-то очень интересное. – Там тёлки! – воскликнул он с таким возбуждением, что Кир и Женя враз оказались у подоконника.

– Так вот, куда ты смотришь, звездочёт хренов! – язвительно сказал Кир. Прямо напротив дома Безумного находилась девятиэтажная женская общага.

Последующие два часа сопровождалось криками, руганью, борьбой за место у окуляра. Сначала договорились смотреть по пять минут, но выяснилось, что никто не может соблюдать регламент и всё опять заканчивалось возней. Так всё и продолжалось. Счастливчик, который смотрел в трубу громко комментировал, то, что происходит на крыше.

«Черненькая стоит лицом сюда. Руки за голову закинула. У неё такие дойки пацаны. Я даже родинку могу разглядеть...»

«Рыжая тоже лифчик снимает. Просит чёрненькую, чтобы расстегнула. м-м-м...»

«Они рядышком лежат кверху попками. Пацаны я не могу... Почему всё перевернуто?»

Просмотр затрудняло то, что изображения в телескопе виделись перевернутыми. Друзья пытались решить эту задачу, но она оказалась им не по силам.

«А что если перевернуть его?»

«А может на голову встать и вверх ногами смотреть?»

«Тихо! Я название книги читаю. Б О Г А... «Богатые тоже плачут» читает. Вот дура то!»

«Пацаны! Они кремом друг друга мажут! Я сейчас умру!».

Так продолжалось до тех пор, пока солнце не начало заходить, и ничего не подозревающие эротические звёзды не ушли с крыши. Парни ещё долго не могли оправиться и приступить к пище, которая на тот момент давно уже остыла.

Девчонки не возвращались долго. Начало смеркаться и на душе Кира стало совсем тоскливо. «А если они не придут?», – думал он. – Нужно подождать ещё немного и уходить отсюда». – Остаться одному ночью на крыше ему вовсе не хотелось.

Люк пару раз дёрнулся в попытке открыться, но самодельный запор из арматуры оказался надёжным.

– Это вы? – громким шепотом спросил Кир, наклоня голову в плотную к люку.

– Мы! Открывай! – услышал он знакомые голоса, которые его обрадовали.

Он помог поднять наверх два полных пластиковых пакета. Девчонки стали выкладывать содержимое пакетов на импровизированную скатерть, и Кир поразился, как много всего можно купить на шесть кусков. Скатерть с большой скоростью уставлялась консервными банками со шпротами и паштетом, пакетиками с нарезанной колбасой разных видов, чипсами, фисташками, арахисом в шоколаде, шоколадными плитками, пакетиками с мармеладом, конфетами и ещё какой то хренью, подписанной иностранным. Вид этого множества разноцветных пакетиков со снедью напоминал Киру времена, когда отец возвращался из заграничной командировки. Тогда он обычно открывал чемодан, и там, кроме всяких диковинных электронных штук были ещё и такие вот пакетики, предназначенные в основном для них с сестрой. В довершение всего, на скатерти оказались три бутылки десертного Хереса и бутылка Советского шампанского.

– А стаканы взяли? – спросил Кир, сразу же начав сковыривать золотистую фольгу с бутылки шампанского.

– Да, свои захватили, – Света, поставила на край скатерти три гранёных стакана. – Кстати, мы уже думали, возвращаться или нет.

– Чё так? – удивился Кир.

– Во-первых, пасут тебя, ищут по всей общаге. Даже участкового подключили. Но это не главное. Ещё сказали, что ищут воришку, который обокрал каких-то серьёзных людей.

– А ты думала, они скажут, что ищут того, кто нассал им на голову? Кстати, среди них это вообще серьёзный косяк. Получается, что я их опустил. Ну это по их понятиям. Да ещё машину осквернил. Поэтому, для них сейчас важнее, чтобы этот прогон никуда не ушёл. Понимаете? В этом и вся опасность. А раз Вы сейчас со мной, то и вы уже не в безопасности. – глядя на напряжённые лица девчонок, Кир понял, что немного перегнул палку.

– Да ладно, расслабьтесь вы! Не думаю, что всё так серьёзно. Давайте лучше выпьем за знакомство. – Он по-гусарски с хлопком открыл бутылку, и начал разливать шампанское по стаканам.

Первые несколько глотков газированной креплёной бурды моментально сняли напряжение. Наступила та лёгкая эйфория, которая бывает после выпитого на голодный желудок, и спонтанная вечеринка стала набирать обороты. Громче становились разговоры, громче и чаще раздавался дружный смех, громче и живее было шуршание пакетиков и бряканье стаканов, и всё это под музыку из магнитолы, которая тоже становилась всё громче и громче.

Это была одна из тех душевных пьянок с полным отрывом, которому сопутствовало то, что собеседники видели друг друга впервые, но в то же время были очень симпатичны друг другу, и все они знали, что возможно видятся первый и последний раз в жизни. Разговоры были неглубоки и легкомысленны, всё сводилось к плоскому юмору. Не было ничего такого в разговорах, что возвращало бы их в действительность. Кир рассказывал анекдот за анекдотом и не мог остановиться. Смех девчонок побуждал его продолжать доставлять им удовольствие, а анекдоты цепляли друг друга один за другой, выплывая из раскрепощенной памяти.

Наступила ночь, но она была совсем не тёмная. Огромная жёлтая луна была словно фонарь, который бросает блик на крышу. В голубоватом полумраке всё виделось чётко, просто было меньше цветов. Все как будто попали в черно-белый фильм. От этого лица случайных собутыльников казались еще красивее, а улыбки ослепляли белизной зубов. Радиостанция «Европа плюс» гнала задушевные песни одну за другой, и в этом полумраке и в особом возбужденном состоянии все находили в этих песнях красоту и особый смысл.

В какой-то момент Кир придумал играть в бутылочку. Девчонки с радостью поддержали эту идею. Первая крутила Света, потом Наташа. И так получилось, что горлышко бутылки каждый раз указывало на подружку. Они целовались, смущаясь, а Кир веселился и кричал

– В засос давайте! Языками работайте!

Когда очередь дошла до Кира, то первую выпало целовать Наташу. Поцелуй был настолько нежным и эротичным, что они долго не могли оторваться друг от друга, пока Света не сказала: – Эй! Я вам не мешаю?

Но следующей была она, и поцелуй показался Киру теперь ещё более страстным. Она прижимала его к себе и играла сильным язычком у него во рту, смотря в упор влажными глазами, в которых были игривые искорки. Потом была опять Света и ещё раз Света, потом два раза Наташа, потом Наташа со Светой, потом еще Света...

Так могло продолжаться бесконечно, но это нужно было остановить, потому что всё вело к тому, чего не должно было быть этой волшебной ночью. Всё было настолько прекрасно и романтично, что ни кому не хотелось нарушить этого тонкого мимолетного счастья и перейти грань.

Потом настал час какой то приятной грусти перед самым рассветом. Они лежали звездой, голова к голове, курили, слушали музыку и молча смотрели в белое звёздное небо. Нежная тёплая ночь, симпатичные люди, которые вдруг оказались рядом, приятное путешествие алко-голя по крови, красивые мелодии, летящие из магнитолы, что ещё может быть нужно человеку.

Короткая ночь пролетела мгновенно. Вставало солнце, пробуждая пение тысячи птиц и заливая всё вокруг золотым светом. Утро наполнило всех новой энергией, и веселье продолжилось с новой силой. Тем более, что осталась ещё одна бутылка Хереса.

– Девчонки! Я хочу выпить за нас с вами и за эту прекрасную вечеринку на крыше! – Кир, держал на ладони гранёный стакан, в котором плескалась кровавая жидкость. – Я хочу, чтобы мы запомнили это мгновение до конца своей жизни. – Он поднял улыбающееся лицо к восходящему солнцу. – Вот она жизнь! Вот так надо жить! Только здесь и сейчас! Мне так хорошо с Вами здесь! – Он говорил улыбаясь и зажмурив глаза, словно молился, кому-то там, в высоком безоблачном небе.

– Так может останемся здесь жить? – улыбалась Наташа, но в её голосе Кир уловил какую то слабую надежду, несбыточную мечту.

– Нельзя, невозможно! – Он тяжело вздохнул. – Вся прелесть именно в этом моменте. Когда восходит солнышко, когда поют птички, когда здесь есть вино; – он взболтал жидкость на дне стакана; – когда мы с Вами узнали друг друга настолько, чтобы понравиться, но не узнали дальше, чтобы разочароваться или стать неприятными друг другу. Ещё немного, и вино кончится, солнце зайдёт за тучу и начнётся дождь. Нам придётся спускаться туда, – Кир махнул рукой вниз. – Здесь мы с вами большие. Мы как боги на Олимпе. А там мы станем мелкими как песчинки, во-он как тот мужик, – он показал на одинокого прохожего, который шел внизу по дороге. – Там нас сразу же замотает реальность. Вы пойдете к своим пацанам, я, если повезёт, пойду к своим друзьям. А всё, что было здесь, на этой крыше, так на ней и останется.

– А что нам мешает встретиться здесь снова? Ну на следующей неделе например. И всё можно повторить, – сказала Света.

– Так же повторить точно не получится. Да и мне, дай Бог отсюда выбраться сегодня. А потом уже неизвестно, когда я сюда попаду.

– Да, а нам сегодня к Сержу на дачу ехать, – вдруг спохватилась Наташа. – Они кстати в десять часов заедут уже.

– Ну значит сам Бог велел мотать отсюда в десять, – сказал Кир, и выпил остатки вина в стакане.

– Но мы еще увидимся! Мне не нравится этот прощальный тон, – уверенно сказала Света и зачем-то подошла к краю крыши. – Знаете? Мне недавно приснилось, как будто я птица. И я летаю, то внизу, то вверху, под облаками и это так классно. Это не тот детский сон, когда ты куда то падаешь, а потом тебе говорят, что ты растешь. Здесь всё по другому, намного

круче. Там ты падаешь, а здесь ты наоборот всё время поднимаешься. – Она стояла на краю крыши и ветер трепал её роскошные чёрные волосы. – Я мечтаю, чтобы этот сон повторился, но он, почему то не приходит. – В какой-то момент Киру показалось, что она пошатнулась, и он подбежал к ней, обхватив обеими руками её стройное тело.

– Ты чего, думал, я прыгнуть хочу? – хохотала она, глядя на него жадными влюблёнными глазами.

А потом снова веселились, танцевали до упаду под «Комбинацию» и «Ласковый май», обнимались, и хором подпевали певице Анке:

«А ты не лё-ётчик, а ябыла так ра-ада,

Любить героя, из лётного отря-яда...»

Вновь вспыхнувшее веселье оборвали автомобильные гудки, раздающиеся снизу.

– Приехали! – с досадой сказала Света, глядя вниз на натертую до блеска, вишнёвую девятку. – Может не поедem а? Я не хочу. Да и не спали всю ночь.

– Надо ехать, обещали. У Сержа денюха сегодня. – Обреченно вздохнула Наташа.

– Езжайте. Тем более, мне тоже выныривать надо. Меня уже и родители наверное потеряли. – печально улыбнулся Кир. – Девчонки, Вы только посмотрите там... нет ли кого подозрительного, а потом махнёте мне снизу. Так, что прощаться будем здесь.

Сначала подошла Наташа и с глубоким вздохом сожаления о чём то упущенном нежно поцеловала его. – До встречи! – сказала она и, не оглядываясь, пошла в сторону люка. Света, пристально и жадно глядя ему в глаза, сказала – Ну ты понял? Мы не прощаемся. В среду встретимся возле «Руси», – потом поцеловала, крепко прильнув к нему всем своим стройным телом.

Снизу Света махнула ему, что всё нормально, и очень долго не садилась в машину, глядя на поднятую вверх руку Кира. А он тем временем думал: « Всего несколько минут прошло, а они уже такие маленькие и далёкие».

Они встретились, но встретились уже вдвоём со Светой. Наташу увёз на юг её ухажор. И было в этой встрече уже всё не то, потому что была она там, внизу. Оказалось, что внизу у них общих тем почти и нет. Блеск и огонь в глазах обоих сменяла усталость и суета. Внешне конечно всё было нормально, но к концу встречи оба понимали, что больше встречаться нет необходимости.

И вся эта история забылась, оставив после себя приятное послевкусие. Наташу он больше так и не видел ни разу. Говорили что она вышла замуж и уехала куда-то. А со Светой пересеклись мельком, где то через полгода. Это было на дискотеке, и она была в компании каких-то парней. Увидев его, она побежала к нему крича через весь зал, на каких то невероятно высоких каблуках; вдруг запнулась и упала на колени. Но парень, который был с ней, подхватил её под руки, и оттащил к столику. Тогда Киру показалось, что она была пьяна или под кайфом.

А ещё через год в местной газете, которая пестрила криминальными разборками, он вдруг наткнулся на её фотографию. Под фотографией была надпись жирным шрифтом: «С девятого этажа женского общежития выбросилась девушка». Кир долго, как загипнотизированный сидел, держа в руках эту газету. Он думал о том, что Светка, всё таки исполнила свою мечту.

Но была ещё одна мысль, которая засела у него в голове и не давала ему покоя.

Говорят, что в последние мгновенья перед смертью, у человека перед глазами проносятся все самые яркие моменты его жизни.

Была ли та ночь на крыше одним из таких моментов, пролетевшими в голове у Светки перед шагом в пустоту?

Наверное, была. Во всяком случае, он очень на это надеялся!

Глава 6. ПЛАН

Идея – искра, которую задуло в голову благодаря чьей-то фразе, связавшимся внезапно в уме фактам, увиденным образам. Она стремительно разгорается внутри жарким всепоглощающим пламенем, подчиняя себе всё сознание. Она питает жаром, придаёт энергии, словно, появившийся в организме дополнительный генератор. Она мечется внутри, пытаясь найти выход в решении.

Идее нужно дать выход. Нельзя допустить, чтобы она выжгла своё топливо и потухла там внутри, заполняя всё едким дымом бессилия. Нереализованные идеи умирают, образуя собой болото, топь пустого мыслелблудия и неуверенности. Это болото будет постоянно дымить, но уже никогда не будет охвачено огнем.

11 марта 1994 г.

С момента выписки из лазарета, Кир словно пархает на крыльях. Теперь он спокойно переносит все тяжести службы, и она не кажется ему такой уж страшной. Пропало внутреннее сопротивление, он перестал уставать и даже спать не хочется так как раньше. Ему есть ради чего мыть полы, убирать сортиры, отбивать ноги на плаце и периодически получать «люлей» по ночам. Теперь его мозг занят одной мыслью, а всё остальное является лишь фоном, пусть серым, но фоном.

Теперь он не пытается отмазаться от нарядов, как раньше. В наряде можно остаться наедине со своей идеей. Он стал гораздо тише и спокойнее, не лезет без нужды в конфликты и дружелюбнее относится даже к тем, кого не уважает. Наверное, наблюдательный человек заметил бы ту метаморфозу, которая произошла с Киром по его горящим глазам и румянцу на лице, но в роте из семидесяти человек, где одни пытаются всячески унижить других, а эти другие просто выжить, никому нет до него дела. Замечает это только один человек – Медный. Он нарочито держит с Киром дистанцию и при удобном случае пытается его прелюдно унижить.

Кир решил посвятить в свой план Афонию и Емелю только через неделю после его зарождения, когда появились некоторые решения. Друзья собрались в хлебрезке, где теперь работает Афоня. Кир подменился в наряде по роте, и у него есть не более двадцати минут, чтобы дать расклад. Когда он заканчивает говорить вступительную речь, содержащую зерно идеи, друзья молча переглядываются. По их настороженным лицам видно, что они не разделяют его восторга.

– Сейф с бабками это конечно круто, но как ты его собираешься бомбить. Среди нас, по моему, ни одного медвежатника, – говорит Афоня, выдавливая приспособой, похожей на печать, жёлтые кругляши масла из большого прямоугольного пласта.

– Ну, Емеля то у нас слесарь и с замками наверное дело имел. – Кир с улыбкой переводит взгляд на коротышку, увлечённого уплетением масла.

– Ну не с сейфами же. Ты хоть представляешь какие там замки? Индивидуальные, простым подбором не откроешь. Это только специалисту под силу, – бубнит Емеля набитым ртом, проглатывая уже второй кругляш масла, посыпанный сахаром.

– А если взломать, распилить «болгаркой», автогенном наконец, – не унимается Кир.

– Это можно... – Емеля, больше увлечённый процессом еды, чем обсуждением непонятного плана, посыпает сахаром очередной кусок масла.

– На вот, ешь с хлебом, обосрёшься же. – Афоня отламывает горбушку от белого батона и протягивает другу. – Пацаны, Вы чё совсем ёбнулись? Распилить, взломать! Его кабинет через стенку от нашего корпуса. Вы представляете, какой будет шум?

– Я просто спросил, можно ли его открыть, имея «болгарку» и автоген, – спокойно отвечает Кир, и вдруг морщится на Емелю. – Ну как ты можешь столько жрать?

– Теоретически всё можно, не проблема, – вытирает масляные губы, наконец то насытившийся коротышка. – У нас на заводе начальник ключи потерял от сейфа с документами, мы его вскрыли.

– Ну и как, быстро это? – спрашивает Кир.

– Минут двадцать, не меньше. Там несколько слоев металла, а между ними еще песок какой то.

– Всё это бред собачий. Нас повяжут уже через пять минут, – отмахивается Афоня. – Не забывайте, что вам придется ещё решётку от склада спиливать и дверь в кабинет ломать. Не слишком ли много?

Тогда Кир решает воспользоваться тем же приёмом, что и в разговоре с Медным.

– Пацаны, мне нужен от вас только один ответ. Если бы это было реально выполнимо и максимально безопасно, вы бы подписались?

– Я да, – Емеля уверенно кивает головой.

– А кто бы отказался от лавы, – ухмыляется Афоня.

– Ну и отлично, – улыбается Кир. – Мы не будем ломать сейф в кабинете у Носа. Мы его унесём.

– Унесём? – смеётся Афоня. – Да ты знаешь сколько он весит? Это что тебе чемодан?

– Было бы что тащить и откуда, а вытащить это не проблема, – говорит Кир.

Друзья всё ещё сомневаются, но что-то им подсказывает, что чутьё Кира его не обманывает и ведёт в нужном направлении.

– Главное то, что я получил Ваше согласие. Кстати, с нами в теме ещё один человек.

– Кто? – насторожились пацаны.

– Медный. А как Вы думаете я вышел на эту тему? – говорит Кир, упреждая возражения друзей. – Не волнуйтесь, он нормальный пацан. Будет нам прикрытием. Он кстати прикреплен к складу и завтра поставит меня туда на работы. На месте я уже лучше определюсь. Ну всё, мне бежать надо. – Он окунает в сахар кругляш масла, закидывает его в рот и выскакивает за дверь.

12 марта 1994 г.

– Вот вам тело, товарищ старший прапорщик. Используйте его как хотите. Он правда тупой и дохлый, но других нет уж извините. – Медный подводит Кира к начальнику склада.

Нос – высокий красномордый мужик среднего возраста. Кличку он получил именно благодаря своему носу, имеющему цвет перезрелой сливы и невероятные размеры. Кир слышал гипотезу, что нос является единственной частью тела, которая растет всю жизнь. Глядя на прапорщика, он с ужасом думает, как же он должен выглядеть к старости. Кроме своей колоритной внешности, Нос отличается высокомерием, заносчивостью и показным презрением к солдатам.

– Хули мне с этим доходягой делать? Я на него мешок с мукой уроню, он пополам переломится. – Нос презрительно оглядывает Кира, как рабовладелец, приценивающийся, сколько можно скостить за раба.

– Ладно, возьми эти ящики с крупой и аккуратно составишь в тот угол. – Он водит указательным пальцем, показывая на гору серых деревянных ящиков, а потом на то место, куда их нужно составить.

– Ну, че стоим? Выполнять! – внезапно орёт он на слегка замешкавшегося Кира.

Тот хватается первый попавшийся ящик, который оказывается невероятно тяжелым и кряхтя, раскорячивая ноги, на пузе, тащит его в угол. Склад довольно большой, и Кир чувствует, что выдохся уже после первой ходки.

Нос скрестив руки на груди, ухмыляясь смотрит, как Кир берёт второй ящик и, шатаясь, волочет его в угол. Когда взмокнувший Кир возвращается за третьим ящиком, наблюдающий за

ним Нос злобно орёт: – Ты чё, долбонос, собираешься тут целый день с ящиками корячиться? Тебе ещё муку разгружать надо. Кир стоит и с недоумением смотрит на огромного прапора.

– Хули встал! Бери рохлю, составляй на неё и вози, уёбок! – Нос указывает на железную тележку – рохлю. Это, по крайней мере, лучше, чем таскать каждый ящик. Теперь можно нагружать несколько ящиков на телегу и возить, но всё равно это очень тяжело и Кир уже начинает жалеть о том, что напросился сюда работать.

– Так, солдат, я в кабинете. У тебя на всё про всё два часа. – Нос глядит на массивные позолоченные часы, которые смотрятся странно в сочетании с военной формой, потом неспеша направляется к железной лестнице, ведущей на антресоли, на которых располагается его кабинет.

Задача довольно непростая. За ограниченное время Кир должен выполнить заданную работу и сделать то, ради чего он здесь оказался. Он должен осмотреть все нюансы в помещении: входы, выходы, двери, конструкции замков, наличие сигнализации. Нужно смотреть и запоминать так, чтобы потом нарисовать план. В техникуме Кир научился рисовать планы помещений, и это облегчает задачу даже на стадии запоминания.

«Так, склад квадратный, площадью раз, два, три, четыре... – Кир считает колонны – площадь где то триста квадратов. Закрыт наглухо, выходов на улицу нет...». – он, стараясь не сбавлять темп, грузит ящики и продолжает изучение помещения.

Неизвестно, кто планировал этот склад. Скорее всего, этот человек был больше военным чем инженером. В помещении, куда постоянно привозятся горы продуктов, нет даже ворот для разгрузки с транспорта. Склад соединяется длинным узким коридором с помещением столовой. От коридора он отгорожен решетчатой калиткой, которая закрывается на огромный амбарный замок. Между коридором и складом есть тамбур, с лестницей, которая ведёт вверх на улицу, так как помещение находится на цокольном этаже. Это служебный вход, который частично используется для разгрузки и выходит он во двор учебного корпуса, который построен буквой «П». Но существует и другой вход с противоположной стороны тамбура, через который в основном и заносят продукты на склад. Этот вход смотрит прямо на ворота хоздвора.

Есть и ещё один путь, который ведёт мимо тамбура, вдоль обшарпанного длинного коридора. В этом коридоре за железными дверями находятся служебные помещения: посудомойка, картофелечистка и варочные цеха. В конце коридора есть ещё один тамбур и ещё одна лестница на улицу. По этой лестнице курсанты и служащие спускаются в столовую.

«С выходами всё понятно, по крайней мере, их три, – анализирует Кир, умирая над очередным ящиком. – Амбарный замок, это вообще не проблема. Сложнее всего с кабинетом. Хуже всего, что он находится на антресолях, с которых тяжёлый сейф будет спустить проблематично».

Перевозя ящики, Кир придумывает, на чем они могут перетаскивать сейф. Конечно же, на этой рохле. Но вот как спустить его вниз. Нужно осмотреться там, наверху и желательно заглянуть в кабинет, чтобы увидеть сейф. Напряженно думая, Кир приподнимает ящик, дно которого с треском вываливается, и к его ногам высыпается гора перловки.

«Вот он шанс!» – говорит себе Кир и направляется к лестнице. Осторожно, крадучись на цыпочках, он поднимается на антресоль.

«Раз, два, три, четыре, пять, шесть... восемь ступенек. Внизу железный рифленый настил. Перила, которые могут выниматься, как душки из кроватей. Дверь деревянная, обитая дерматином. Замок один, для плоского ключа». – Кир отмечает всё что считает нужным.

Он робко стучит по рыжему дерматину. Услышав «Войдите!» – открывает дверь.

– Т-товарищ с-старший прапорщик там. ... «Вот он родной! Стоит за письменным столом напротив двери. Не такой уж и большой...»

– Ну чё, уёбок. Чё натворил? – развалившийся за столом прапор, как будто только и ждал этого момента. Он просто жаждет выплеснуть свой гнев.

– Т-там крупа рассыпалась. Что с ней делать? – «Метра три до двери. В проем должен войти. Что ещё? Проводов нигде нет, значит, сигнализации быть не должно»

– И ты чё, за такой хуйнёй меня беспокоишь? – опухшая рука ставит на стол стакан с чаем или с чем-то ещё. Огромная фигура Носа угрожающе вырастает над столом, так что Кир задом пятится к двери.

– Солдат, вон веник, вон совок, вон пустой ящик. Вопросы?

Кир слышал про школу прапорщиков, но теперь он пришёл к убеждению, что главный предмет, который там преподают, наряду с воровством, это общение с солдатами.

Он берёт веник и сметает перловку вместе с пылью в совок. Когда ящик наполнился перемешанной с грязью крупой, Кир спрашивает, наблюдающего за ним Носа, куда его ставить.

– А ты чё не видишь, где у нас перловка стоит? – зло спрашивает прапорщик.

– Так тут же...

– Хватай ящик и ставь его к другим, уёбок!

– Сейф с антресолей мы сбросим... – Кир глубоко затягивается и выпускает дым через нос.

– Как? Там, же вроде перила, да и грохот всех подымет, – задаёт уместный вопрос Афоня.

– Перила мы вытащим, они разборные. А сейф сбросим на мешки с мукой, они смягчат удар. – От одного воспоминания про мешки у Кира начинает болеть спина. – Ты по инструментам узнал? – спрашивает он у Емели.

– Резак и «болгарка» у сантехников есть. Баллоны полные. Остального инструмента тоже завались. Все вплоть до перфоратора. – радостно рапортует коротышка. Он часто работает с местными сантехниками, так как по профессии является слесарем.

– Это всё у них в коморке? – спрашивает Кир

– Да там в подвале.

– Это на дальней стороне учебного корпуса и под замком наверняка, – продолжает сомневаться Афоня.

– Замок не проблема, я дубликат ключа сделаю. Вот как туда сейф переть? Слишком далеко, хоть и ночью, но есть большие шансы спалиться, – говорит Емеля.

– Подвал под учебным корпусом, вы прикиньте, сколько будет дыма, когда начнем резать. Да и шум наверняка будет слышен. – Афоня кривит пухлые губы.

– А мы его не потащим в подвал, – удивляет Кир друзей. – Будем работать на улице. Вытащим его с выхода, который ведёт на хоздвор и затащим туда.

– На хоздворе? – хором удивляются друзья.

– Во первых, хоздвор огорожен забором, это частично скроет нас. – Кир нагло вытаскивает у Афони из-за уха сигарету и прикуривает. – Во вторых, там большая гора снега, которую свозили со всего училища. Мы будем работать между этой горой и забором, так, что огня от горелки не будет видно из окон.

– А где ж ты электричество на улице возьмешь? – задаёт Афоня вопрос на засыпку.

– Да, электричества не будет. Придётся работать одним резаком. Для него не нужно электричества.

– Ну ладно, распилим мы этот сейф, возьмем бабки, если они там есть конечно. А дальше что? Куда мы его денем? И вообще, ты не думал, что будет после того когда обнаружится пропажа. Менты, деды, шакалы все будут носом землю рыть, пока не найдут виновников. – Афоня выхватывает изо рта Кира, наполовину выкуренную сигарету.

– Отвечаю по порядку, – кажется, что Кир готов ко всем вопросам. – Сейф мы разрежем на куски, закинем в кузов к Билли и сверху закидаем снегом. Машину грузят мусором с вечера,

а утром Билли вывозит его за город. Я не думаю, что он заметит среди груды мусора несколько кусков металла. А если даже и заметит, то не придаст значения. Вы же знаете Билли?

Билли, гражданский водитель ЗИЛка самосвала, который возит мусор с хоздвора. Он чем то похож на Юрия Никулина, а кличка образована от фамилии Блинов. Простой деревенский мужик, вечно источающий стойкий запах перегара.

Любимым выражением Билли является фраза «А мне по хую». Он вставляет её в свою речь к месту и не к месту. Поэтому, маловероятно, что «похуист» Билли заметит что-то в своём кузове, даже если ему туда закинут слона.

– Снег имеет свойство таять, тем более, как ты сказал, Билли возит его каждый день, поэтому... – Кир перебивает скептически настроенного Афоню.

– Поэтому времени у нас максимум три-пять дней.

Друзья заметно напряглись. Хорошо строить отдаленные планы, но когда план вот-вот должен обернуться действием, тут и наступает момент ступора. Кир знает об этом. Он знает, что это состояние посетит и его, поэтому торопится, быстрее его перескочить.

Они втроем уже больше сорока минут стоят на задней стороне овощехранилища, и есть опасность, что отсутствие кого-то из них будет замечено.

– А теперь я отвечу на твой второй вопрос, – продолжает Кир, суетливо оглядываясь по сторонам. – Никаких ментов не будет это точно. Бабки то у него левые. Шум он поднимать не будет, но свое расследование проведет. А как он это будет делать и кто ему поможет – второй вопрос. Я думаю, что у этого упыря мало сочувствующих.

– Но они есть, и мы не знаем, кто это...

– По крайней мере, мы сделаем всё, чтобы не быть под подозрением. Да Нос возможно тут и не главный и вообще, всё похоже на какой-то воровской общак. Тем более, все люди, которые в теме в первую очередь будут подозревать друг друга...

– Ладно, чё там загадывать. Не известно во что это выльется и есть ли там что-то, ради чего стоит рисковать. Всё ж на воде вилами писано. – Афоня философски смотрит в одну точку, куда-то поверх голов друзей. – В любом случае мы подписались, и обратного пути нет. Вот только мы не решили, что будем делать со складской дверью и дверью в кабинет Носа.

– На решётке простейший замок. Нос оставляет ключи в замке, когда открывает. Я вытащил ключ и сделал слепок, когда был там.

– Ты чё, пластилин с собой носишь постоянно? Предусмотрительный! – Афоня растягивает в улыбке пухлые губы.

– А это вообще целая история. Пластилина понятно не было, а ключ нужно было срочно срисовать. Я стал искать, что есть такого под руками, но ничего, в чём можно было сделать слепок не увидел. Ну, думаю, такой шанс, а я не могу его использовать. А сам в это время смотрю на коробку с яичным порошком. И тут меня осенило. В умывальнике, который в углу, стирал крышку от мыльницы, насыпал туда порошка и налил немного воды. Помял пальцами и вуаля. Масса получилась ни чем не хуже пластилина.

– А замок от двери кабинета? – не устаёт задавать трудные вопросы Афоня.

– А я выждал, когда он выйдет в туалет и к нему в кабинет с этим пластилином слетал.

– Чё ж ты от сейфа то ключ так же не срисовал? – раздосадовано спрашивает Афоня.

– Не было там, видимо с собой носит. Да и не факт, что они простые для изготовления.

– А кто ключи будет делать?

– Я Емеле слепки передам, они у меня в снегу спрятаны...

– А я на Тихий смотаюсь – перехватывает инициативу Емеля. – Там мужик за час любой ключ изготовит.

– Как то сложно всё, – снова морщит лоб скептик Афоня. – Кустарные ключи могут не подойти. А чё, нельзя просто взломать замок и дверь? Всё равно факт кражи на лицо.

– Если мы сломаем замки, у него будет повод вызвать ментов или особистов. Мол, так и так, замок в склад взломан, товар пропал, ищите вора. Поэтому, всё будет чисто. Только сейф возьмёт и испарится.

– Он так же может вызвать ментов из-за пропажи сейфа.

– А что было в сейфе? Спросят у него. Как ты думаешь, что он ответит?

Афоня наконец то замолкает, понимая, что бессилиен против аргументов Кира.

– Ну всё, ребята, разбегаемся. Нам сейчас нельзя палиться. В ближайшее время я поговорю с Медным и назначим точное время, – бросает Кир и первым бежит в сторону казармы.

Глава 7. ВЗЛОМ

Захочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

Любой план, каким бы он не был идеальным и как бы тщательно не был продуман, не может учесть всех нюансов, которые возникнут при его реализации. План должен иметь несколько вариантов развития событий. Без этого он становится зависимым от любой неожиданности.

Продумывая тысячу деталей, которые могут повлиять на план, ты даже не предполагаешь, что будет та тысяча первая, которая поставит под угрозу его выполнение.

Но как бы не разнился план с реальным его воплощением, главным является достижение цели, которую он преследует. И главное, чтобы эта цель оправдала ожидания и не оказалась ложной.

17 марта 1994 г.

– Суббота, идеальный вариант. Дольше ждать нельзя, снега почти не осталось. В субботу дедов в роте мало, они все в увольнении, а те, что останутся, будут бухать и себя не помнить. Это нам на руку. Плохо только одно, что Билли не вывозит мусор в выходные и машина стоит пустой. Нужно сделать так, чтобы машину загрузили мусором в воскресенье. Желательно, чтобы это был кто-то из нас. Отправишь, за какую-нибудь провинность. Всё сходится: ты дежурный, мы с Емелей в наряде по учебному корпусу, Афоня работает в хлеборезке допоздна и никто не заметит, когда он придёт. – Кир говорит быстро, то и дело, оглядываясь, не зашёл ли кто в роту. Сейчас они одни. Кир моет полы в казарме, а Медный слоняется, якобы мучаясь бездельем. Со стороны они смотрятся натурально: старослужащий в очередной раз строит духа, который плохо моет пол.

– В субботу, значит в субботу. Если всё продумал, действуйте. Кир, только запомни, если что пойдёт не так, ты уж не обессудь.

– Всё будет тип-топ! Андрей, ты достал кепку и «Мальборо»? – спрашивает Кир.

– Да, кепка в каптерке спрятана, я тебе отдам завтра. Зачем это?

– Так надо, потом узнаешь – Кир хитро улыбается.

18 марта 1994 г.

В наряд по учебному корпусу обычно ходят втроем. С двумя духами, отправляется старший наряда. Чаще всего это череп или дед. Духи, как правило, слоняются по огромным корпусам в обходах, а старший сидит на главном посту, находящемся в торце четвёртого этажа главного корпуса. Пост оборудован старым письменным столом и допотопным телефоном.

Иногда в субботу, когда большинство старослужащих уходит в увольнение, допускается послабление и в наряд могут отправить только духов. В этом случае один дух должен быть на обходе, а второй всегда на телефоне. Дежурный по роте путем регулярных звонков, контролирует, что духи находятся на посту.

Благодаря усилиям Медного, в эту субботу Кир и Емеля оказались в наряде вдвоём, а сам Медный дежурит по роте.

Емеля уже сбегал в каморку сантехников и испытал один из комплектов ключей.

– Открылся шикарно, ключ как родной – обрадовал он Кира по возвращении.

Уже час ночи, и они ждут звонка Медного, который должен дать знать, что в роте всё спокойно и можно выдвигаться. Так, как суббота славится поздними гулянками дедов, нужно ждать, пока они уснут, или хотя бы успокоятся и будут смотреть телик в Ленинской комнате. Когда Деды пьют, наряд по столовой часто задерживается там, готовя им закуску. Поэтому, Медный должен убедиться, что наряд вернулся в роту и только после этого дать сигнал Киру.

Звонок рвёт напряжённую тишину только в четверть второго.

– Ты чё трубку долго не берёшь душара! Спите там что ли? Я щас приду и пиздюлей Вам отвешаю, – слышится злое шипение Медного на другом конце провода.

Это сигнал к тому, что нужно выдвигаться.

– Пошли! – командует Кир.

Они продвигаются по бесконечным коридорам учебного корпуса настолько быстро и бесшумно, насколько позволяют тяжелые кирзовые сапоги.

Широкий километровый коридор главного корпуса, устланный гладким скрипучим паркетом, центральная лестница с красным ковром, который крепится к ней никелированными штангами, дальше вниз и вправо по длинному и узкому коридору, вправо вниз по лестнице к выходу. Кир выглядывает на улицу, приоткрыв дверь. Тишина звенит в ушах, только фонари возле подъездов периодически высвечивают серые силуэты, передвигающихся под покровом ночи злоумышленников. Они пробегают несколько десятков метров вдоль стены здания, и оказываются у лестницы, которая ведёт вниз в столовую. Спустившись, они поворачивают направо и быстро идут по узкому коридору в сторону тамбура. Здесь их встречает Афоня.

– Поваренок только в час свалил, – возбуждённо шепчет он.

– Афоня, иди на фишку – командует Кир, и Афоня взлетает вверх по лестнице и приоткрывает дверь на улицу, выглядывая в щёлку.

Емеля и Кир быстро идут к решётке склада, на ходу одевая тряпичные перчатки. Емеля с трудом засовывает круглый ключ в замок и пытается повернуть его по часовой стрелке. Замок не поддаётся. Емеля крутит ключ в обратную сторону, но безуспешно.

– Чё ты там возишься? – шепчет Кир.

– Не идёт, застрял – обреченно говорит Емеля.

Действительно, ключ не поворачивается не в ту не в другую сторону, и теперь Емеля не может его даже вытащить. Он начинает нервно дёргать ключ.

– Зашибись! Ничего не сделали, а уже спалились. Чё теперь делать? Надо когти рвать.

– Дай сюда! – оттесняет его Кир и дёргает ключ туда-сюда, пытаясь его выдернуть. – Руки надо твоему Кулибину оборвать!

– А ты чё думал, он по слепку в твоей яичнице лучше сделает? Ты бы еще в сметане слепок сделал! – раздосадовано шепчет Емеля.

Кир отчаянным рывком выдирает ключ из замка. Посмотрев на коронку ключа, он замечает на ней глубокие борозды и заусенцы, оставленные личинкой.

– Нужен напильник! Емеля, у сантехников по любому есть. Смотайся!

– Да не получится ничего! Давай в следующий раз, – говорит Емеля, которому не по душе такое начало.

– Или сейчас, или никогда! У тебя две минуты! – безапелляционно распоряжается Кир.

Емеля оборачивается быстро, правда, вместо напильника приносит кусок наждачки.

Кир нервными движениями пытается отшлифовать ключ, сглаживая борозды и заусенцы. Затем он вставляет ключ в замок и снова пытается повернуть. Замок не поддаётся. Кир в отчаянье делает последний рывок. И да! Замок с щелчком открывается.

– Есть! – Оба с облегчением улыбаются.

Они с заходом в склад, а Афоня по прежнему остаётся на фишке. Он должен внимательно смотреть за окном каптерки. Если что-то пойдёт не так: приедет проверка, проснутся деды и так далее, Медный должен включить там свет.

В складе непроглядно темно, и Кир зажигает фонарик. Когда они поднимаются на антресоли, Кир передаёт фонарик другу:

– Посвети мне!

Луч фонаря высвечивает рельефы коронки плоского ключа. Кир, наученный горьким опытом, решает перестраховаться. Он полирует шкуркой ключ со всех сторон, убирая неровности, оставленные кустарным инструментом. Затем он медленно вставляет ключ в круглый маленький замочек, который прячется в вырезе дерматина. Медленно с замиранием сердца он поворачивает ключ. Тот на удивление легко без сопротивления проворачивается в замке, и Кир открывает дверь.

– Теперь зови Афоню, он нам нужен! – толкает он кулаком в плечо повеселевшего разом Емелю.

Когда дрожащий лучик фонаря снова появляется под антресолями, Кир громко шепчет:

– Теперь нужно уложить мешки с мукой вот сюда – он показывает место прямо под антресолями. – Давайте бегом!

Афоня и Емеля кряхтя стаскивают мешки и укладывают их в ряд, а Кир подсвечивает им фонариком.

– Хватит! – говорит он, когда десять мешков оказываются уложенными в два ряда. – Теперь берём рохлю и тащим её наверх.

Тележка оказалась очень тяжелая, и они втроем кое-как взгромоздили её на антресоли. Кир выдергивает разборные перила с одной стороны пролёта и показывает Емеле, чтобы он делал то же самое с другой. Они выдергивают тяжёлые перила и отставляют их в сторону.

Кир светит фонариком в правый угол кабинета. В пятне света появляется с виду небольшой, окрашенный в грязно-серый цвет, предмет ради которого они затеяли всю операцию.

– Сюда! – Кир машет рукой, и друзья подкатывают тележку вплотную к сейфу. Кир и Афоня раскачивают сейф и роняют его на тележку. Раздаётся страшный грохот и крик Емели. – Ой бя!

Тележка откатившись, по инерции наехала Емеле на ногу. Кир и Афоня, поняв, в чём дело быстро оттаскивают рохлю назад, но Емеля, жалобно скуля, сидит на корточках, обхватив руками мысок левого сапога.

– Что там, палец? Братан, потерпи немного! Наверное ничего серьезного нет. Нам нельзя сейчас застревать здесь. Понимаешь? – Кир, сидя на корточках рядом с Емелей пытается привести его в чувства. Наконец, побледневший Емеля оправляется от шока и ковыляет на одной ноге в сторону, освобождая дорогу тележке с сейфом.

– Раз, два, взяли – кричит Кир, и они с Афоней толкают тележку в сторону двери. Как только тележка преодолевает дверной проём, они отпускают руки. Тележка, проехав по инерции полметра, летит вниз, увлекая с собой сейф.

Раздаётся глухой стук, от которого на миг содрогаются стены, и клубы мучной пыли начинают подниматься вверх, словно после ядерного взрыва.

– Емеля, мы тут всё пока уберем, а ты иди на фишку, – обращается Кир к коротышке, и тот, молча, ковыляет к выходу.

Кир и Афоня быстро перетаскивают мешки с мукой на место. Когда они вставляют перила на антресолях, внизу появляется Емеля.

– Пацаны, шухер! В каптерке свет горит, – говорит он громким срывающимся шепотом.

– Тсс! – Кир прикладывает указательный палец к губам. Он делает знак Емеле, чтобы тот оставался на месте, а сам вместе с Афоней тихо спускается вниз.

– Закрой решетку, – чуть слышно шепчет он Афоне. – Только тихо!

Они выключают фонарик и стоят в полной темноте под железной лестницей.

– Что там может быть? – тревожно шепчет Афоня.

– Хер знает! – отвечает Кир. – Может дежурный по учёхе с проверкой приехал, а может тебя хватились.

– А вдруг проверяющий в корпусе, а нас нет на посту? – добавляет тревоги Емеля.

– Ладно, хорош накручивать! Что случилось, то случилось. Посидим тихо, может проне-сёт, – пытается успокоить друзей Кир.

Афоня закуривает и Емеля просит у него сигарету.

– Стойте, сегодня я угощаю, – оживляется Кир, как будто что-то вспомнив. Он достаёт из кармана пачку «Mallbogo», и под восхищенные вздохи друзей раздаёт им по две сигареты. – До фильтра не докуривайте, чтобы марку было видно, а бычки разбросаем по складу.

– Зачем это? – спрашивает Афоня.

– Немножко запутаем следы. Мальборо может курить кто угодно, только не духи. – И еще один штрих. – Он достаёт из за пазухи чёрную кожаную кепку и бросает её в угол. – Это укажет на гражданского, или на кого-то в гражданке.

– Да, хорошая тема, если нас сейчас здесь не сцапают – говорит Афоня, с наслаждением выдыхая густой белый дым.

– Ты не каркай, а сходи лучше глянь чё там. – говорит Кир, указывая на дверь.

Афоня возвращается с хорошей вестью:

– Он вырубил свет! Всё нормально.

– Тогда поехали! – командует Кир.

Они снова взгромоздили сейф на тележку и покатали её в коридор. Лестницы оборудованы пандусами для разгрузки товара. Это делает задачу выполнимой, но не упрощает её. Нужно закатить тележку, которая весит не меньше семидесяти килограммов на крутой подъем. При этом, исходя из имеющихся сил, толкать тележку снизу могут только два человека. Третий должен спереди управлять железным рычагом, который служит тележке рулём.

– Емеля, иди вперёд, рулить будешь – говорит Кир, когда тележка с сейфом оказывается у пандуса.

– Ра-аз! Два-а! Взяли... – Кир и Афоня пытаются вытолкнуть тележку вперед, но она с трудом поддавшись на полметра, откатывается назад, чуть не придавив друзей, вовремя успевших разбежаться в стороны.

– Нет, так не пойдет! Нужен разгон, – говорит Кир, и друзья откатывают тележку назад к стене, которая находится на расстоянии трех метров от пандуса. – Пацаны, только давайте напряжёмся. Если не закатим с одного раза, наши с Афоней кишки окажутся на этой стене.

– Ра-аз! Два-а! Поехали! – тележка грохоча железными колесами начинает взбираться на пандус. Когда до ровной площадки остаётся буквально полметра, тележка останавливается, и её инерция меняет вектор в противоположную сторону. Одна секунда, и она сметёт с пандуса Кира с Афоней. Друзья уже на грани того, чтобы бросить её и отпрыгнуть в сторону, повинувшись инстинкту самосохранения, но тут на помощь приходит Емеля. Он со звериным ревом упирается в сейф двумя руками.

– Давайте пацаны! И ра-аз! – тележка наконец то достигает ровной площадки перед дверью.

Взмокший Кир приоткрывает дверь на улицу и оглядывается. Затем он снимает щеколды со второй двери и распахивает обе настежь. Они прокатывают тележку буквально десять метров и оказываются в воротах хоздвора.

– Сюда! – показывает рукой Кир на гору грязного снега. Они огибают снежную кучу и останавливают тележку между ней и железным забором.

– Пацаны, дуйте за резаком! Я буду здесь, не хер втроем по периметру шастать, – говорит Кир друзьям, и те семяют в сторону ворот.

Кир остаётся один в зловещей тишине. На улице ещё по зимнему холодно и его разгоряченное тело одетое только в ПэШа быстро остывает. Его начинает бить мелкая дрожь. Секунды текут нескончаемо долго. Он ходит туда-сюда вдоль сейфа и бьёт в ладоши, так, чтобы хлопков не было слышно, но чтобы хоть немного отогреть замерзшие руки. Внезапно из-за кучи снега на него вылетает огромная черная псина, одна из тех дворняг, которых прикармливают на КПП. Псина щерится и громко и заливисто лает. Заядлый собачник, Кир не боится собак, но неожиданность и неуместность появления псины вгоняют его в шок. Он отпрыгивает назад и заваливается на снежную кучу. Нашупав рукой большую ледышку, он со всей силы швыряет её в собаку, и та, взвизгнув, исчезает. Мгновенно наступает тишина, как будто этой собаки и не было вовсе. Через несколько мгновений Кир слышит скрип открывающейся двери. Из КПП кто-то вышел. КПП находится как раз с противоположной стороны хоздвора. Кир замирает. «Сейчас как раз должны возвращаться пацаны» – с ужасом думает он. Дверь, скрипнув, захлопывается и всё снова затихает.

«Чего же они так долго» – думает Кир, и в голову его лезут дурные мысли.

Но пацаны появляются, и Кира сразу же обдаёт приятным теплом.

Афоня катит два баллона, которые примотаны к подставке из под фляги с резиновыми колесами, а Емеля, ковыляет следом, держа в охапке моток шлангов от резака и мешок с инструментами.

– Вы чё застряли?

– Я вспомнил, что нужен ключ от газовых баллонов и не мог его найти. – говорит Емеля, разматывая шланги, со скоростью профессионала.

Кир смотрит на электронные часы, взятые у Медного напрокат.

– Уже полчетвертого! У нас полтора часа на всё про всё. Афоне за час до подъема нужно быть в роте и нас в шесть придут менять.

Они переворачивают сейф задней стенкой кверху, и Емеля зажигает горелку. В руках с ней он походит на укротителя змей, который держит за горло кобру.

– Вырезай всю стенку по периметру, а потом мы его просто разрежем пополам, – командует Кир.

Синее пламя горелки со свистом врзается в металл, расплавляя его и превращая в кипящую красную жижу. Всё происходит не так быстро, как представлял себе Кир.

Прошло уже пятнадцать минут, а Емеля только прорезал одну кривую вертикальную полосу. Из всех троих наверное не чувствует холода он один, так как работает, Кир же и Афоня порядком заколели.

– Ну чё стоите, берите фомки и отгибайте! – бурчит Емеля, после того как прорезано три четверти периметра. Друзья хватают принесенные небольшие ломы и отгибают отрезанную стенку, словно открывают гигантскую консервную банку. Под первым слоем металла, обнаруживается что-то вроде черного песка. Друзья выгребают его из образовавшейся полости и пригоршнями бросают в снег. Когда второй слой металла обнажён из под песка, Емеля начинает резать его пламенем горелки.

– Здесь кажется потоньше металл, – комментирует он.

Приближается момент истины. Через какие-то десять – пятнадцать минут друзья узнают, ради чего они рисковали и поставили под удар не только свою будущую службу, но возможно и всю жизнь.

Ну вот и всё! Слой металла, отделяющий их от победы, или фиаско почти прорезан. Друзья отгибают прямоугольный кусок железа ломками и...

– Есть! – выдыхают все хором.

В черной прямоугольной дыре с рваными неровными краями они видят, что-то похожее на пачки денег. Афоня суёт руку в отверстие, пытаясь вытащить одну пачку, но с криком отдёргивает её.

– Ой бля-я! – Край раскаленного металла отпечатывается бардовой полосой на его запястье. Афоня крутится волчком и успокаивается только после того, как засовывает руку в снег.

– Ты чё дурило! Это ж раскаленное железо, – хмыкает Емеля. Они с Киром загребают снег и пригоршнями бросают его на металл по периметру разреза. Снег шипит и тает, стекая вниз грязными ручьями.

В сейфе обнаруживается два отделения, разделённые горизонтальной полкой. Верхнее отделение на три четверти заполнено бумажными пачками, а нижнее почти пустое, но всё таки в нём что-то есть. Кир вытаскивает две пачки. В сумрачном свете он видит на купюрах портреты патлатого мужика. – Бля! Да это доллары – шепчет он, и в его памяти почему-то всплывает Ботаник. Он достаёт припасенную балоневую сумочку и приговаривая: – Я знал, что ты пригодишься – начинает скидывать в неё пачки. Оказывается, что часть денег в долларах, а часть в рублях. Какие это части и сколько всего денег пока не понятно, да и считать их некогда. Достаточно одного факта: денег настолько много, что это превосходит все ожидания Кира. С одной стороны это радует, а с другой настораживает, ведь чем крупнее куш, тем опаснее становится всё предприятие и те события, которые могут последовать за ним. Когда Кир достаёт из сейфа последнюю пачку, оказывается, что большая продуктовая сумка почти полностью набита деньгами.

Остаётся исследовать нижнюю часть сейфа, которая практически пуста. Запустив туда руку, Кир извлекает осколки какой-то бутылки. – Видимо коньяк, или какое-то импортное бухло было – говорит он, нюхая руку в перчатке, которая намокла и теперь издаёт приятный аромат. На самом дне Кир нащупывает какой-то сверток. Когда он достаёт этот увесистый сверток, его посещает тревожное предчувствие. Он быстро разматывает тряпку, пропитанную коньяком. Под тряпкой оказывается промасленная желтая бумага, развернув которую Кир понимает, что его предчувствие оправдано.

– Пушка! – тревожным шепотом говорит он.

– Дай глянуть! – Афоня выхватывает пистолет из руки Кира. – Это ТэТэха, по любому левая! – восторженно говорит он.

– Чему ты радуешься? Вот этого бы как раз и не надо... – Кир отбирает у Афони пистолет, и заматывает его назад в бумагу и тряпку. Затем он засовывает свёрток в боковой карман сумки.

– Ну ладно, времени нет. Емеля, режь сейф поперёк.

Проходит не менее получаса, прежде чем сейф превращается в два массивных искалеченных куса железа.

– Всё равно большие. Заметно будет. – размышляет Кир вслух. – Ладно, забрасываем их в кузов.

Они забрасывают все ещё тяжелые части сейфа в кузов стоящего неподалёку грузовика и накрывают его рваным брезентом.

–Всё, тащите резак назад, а я пока отвезу рохлю и закрою склад – говорит Кир, спрыгивая с борта ЗИЛка. – Дима, только поставьте всё аккуратно, как было, а потом сразу же чеши на пост. Афоня, ты тоже возвращайся в роту. Сегодня Медный не выставит фишки, поэтому никто не увидит.

Кир быстро проделывает обратный путь, спускает тележку по пандусу, затем ставит её на место в углу склада. Увидев на полу мучную пыль, он быстро разматывает её веником в разные стороны, затем закрывает на замок решётку склада. От усталости он уже еле двигается и при-

саживается в тамбуре на корточки, чтобы отдышаться. Сумка, с сокровищами стоит рядом с ним. Вдруг, он слышит шум женских голосов, раздающийся снаружи.

«Это поварихи! Неужели уже шесть?» – Кир вскакивает, хватая сумку и бежит по коридору пищеблока к центральному выходу. Завернув за угол тамбура, встаёт прислонившись спиной к стене, с трудом сдерживая, вырывающееся из груди сбившееся дыхание. Поварихи с весёлым гомоном спускаются по лестнице и растекаются по своим рабочим местам.

Кир выбегает на улицу.

«Сумка, что делать с сумкой?» – напряженно думает он. Как раз этот нюанс и не был предусмотрен в его плане. До этого места операции он не доходил даже в самых смелых мечтах. А надо бы. На часах без пяти шесть. Ему надо срочно бежать на пост, потому что в шесть часов смена. Но не побежит же он туда с сумкой полной денег. Вот-вот объявят подъем, придет дежурный офицер, а он стоит, прижавшись к стене, и не знает, что ему делать.

Интуитивно Кир идёт в противоположную сторону от казармы вдоль корпуса. «В роту нести нельзя, это точно, – думает он на ходу. – занести в корпус и спрятать где-то там, это всё равно, что спрятать знамя в тылу врага. Тогда где? Зарыть в снег? А будет ли возможность откопать, перед тем как снег растает, или его расчистят? Может перелезть через лаз за овощехранилищем, там, где они обычно уходят в самоволку, и оставить сумку где-то там, на гражданке? Но это большая вероятность озолотить и вооружить первого попавшегося бомжа».

Овощехранилище! – вдруг осенило его. Единственное изолированное помещение, куда он имеет доступ. Кир бежит туда, на ходу соображая, куда спрятать сумку. Вход в овощехранилище не закрывается. Оно находится на глубине трёх – четырёх метров под землёй и к нему ведёт железная лестница. Кир спускается вниз и оглядывается. Помещение, где непосредственно хранятся овощи, отгорожено железной решёткой, калитка которой закрыта на замок.

Остаётся небольшое пространство под лестницей и рядом с ней в три-четыре квадратных метра. В одном углу стопкой сложены железные контейнеры, остальное пространство просматривается достаточно хорошо.

В стене под лестницей Кир замечает вмурованный железный лист с ручкой. Лист выбелен вместе с кирпичной стеной и с первого взгляда не заметен. Кир тянет за ручку и лист отходит, увлекая с собой куски штукатурки. Это вентиляционная шахта. Лучше и не придумаешь! Кир закидывает сумку в квадратное отверстие. Убедившись что она сидит плотно в отверстии и никуда не провалится вставляет назад железную крышку и втыкает по бокам куски отвалившейся штукатурки.

Теперь ему нужно пробежать около ста метров от овощехранилища, через футбольное поле к черному входу в корпус. Добравшись до корпуса и залетев в дверь, Кир хрипя от отдышки, осматривает себя. Он достаёт из кармана старую подшиву и оттирает от сапог неизвестно откуда взявшиеся следы известки. Потом снимает китель, осматривает и встряхивает его. Рубашка под кителем вся грязная и насквозь мокрая от пота.

Поднимаясь по лестнице, ведущей к посту, он слышит шум голосов. Значит смена уже пришла. Кир рукой взъерошивает и без того растрёпанные мокрые от пота волосы, и пытается изобразить заспанный вид, выходит к столу, за которым как ни в чём не бывало сидит Емеля, а рядом стоят Аликин и Мармонов, пришедшие на смену.

– Ну чё, замочил рыло? – спрашивает коротышка, бросая недовольный взгляд на Кира. – Кто-то спит, а кто-то службу должен нести? Слушай Кир, дружба дружбой, но ты уже совсем рамсы попутал!

– Братан прости, чё-то так сладко разоспался! – Кир как может пытается отыграть свою роль.

Когда друзья возвращаются в роту, Медный, словно прослышавший о косяке Кира в наряде говорит:

– Емельянов отдыхать, а ты, тело, лопату в зубы и на хоздвор.

- А чё я сделал то? – недовольно спрашивает Кир.
- Спать надо меньше на посту. Чтобы через час весь мусор был в машине.

На следующее утро машина Билли вывезла останки сейфа из периметра училища. Емеля ходил, прихрамывая, с трудом скрывая боль в ноге. Это выглядело естественно, так как портянки периодически натирали ноги так, что невозможно было ходить. Афоня объяснял наличие бинта на своей руке тем, что поранился в хлеборезке. Медный оставшись в курилке вдвоем с Киром, рассказал ему, что тревога была вызвана внезапным появлением дежурного, который заехал всего на пять минут. Кир в свою очередь рассказал Медному о том, что операция прошла успешно. Умолчал он только об одном. О стволе. Так или иначе, все четверо ждали, что будет дальше.

Как и предполагал Кир, не случилось никакой тревоги. Всё наоборот было через чур уж тихо. Офицерам какое-то время было не до солдат. Они собирались кучками тут и там и перешёптывались. Иногда тихое шушуканье в каптёрке, на плацу, в столовой взрывалось злорадным хохотом.

Но всё-таки в лицах большинства шакалов виделось напряжение, которое не предвещало ничего хорошего. Носа уже несколько дней не было видно, и поговаривали, что он ушёл в запой.

Кир, внимательно наблюдая за настроениями людей, ждал, когда информация о случившемся просочится изнутри. Особенно ему было интересно, от кого она будет исходить. Он наблюдал за дедами, которые смотрелись не так беспечно, как обычно. Настроение, конечно же, задавал Шакамал, который был чернее тучи. Он то, наверняка знал о случившемся от своей подружки, но Кир сомневался, что он кому-то проболтается. Так же заметно нервничали черепа Монтана и Жулик. Их нервозность могла выливаться только в одно, в увеличившуюся жестокость к духам. Они строили всех без причины и раздавали тумачков направо и налево.

Информация пришла только на четвёртый день. И пришла она от Прохи. Проха был в одном призыве с Киром, то есть духом. Но он был скользким духом. С самого начала службы он пытался показать свою исключительность, как перед своим призывом, которого он сторонился, так и перед черепами, которым он пытался лизать зад. Больше всего он пользовался расположением Монтаны, судя по тому, как тот к нему относился. Монтана наверное видел в Прохе юного себя, такого же беспринципного жополиза, который готов сделать всё что угодно и сдать всех и вся, лишь бы оказаться на верхушке.

Это было перед отбоем, когда в курилке под лестницей собиралось наибольшее количество народу. Это был самый спокойный и мирный час, когда расслабленные перед долгожданным отдыхом пацаны делились своими впечатлениями от минувшего дня. Кир сидел на лавочке через два человека от Прохи, который наклоняясь к Мокрому негромко, но в то же время так чтобы слышали все, говорил ему конфиденциальную информацию, которую знал только он.

- Между шакалами сейчас грызня идёт, поэтому и неразбериха такая...
- Из за чего грызня? – спрашивал Мокрый, преданно глядя безумными глазами на Проху.
- Власть делят. Среди шакалов же тоже есть иерархия. Свои деды, свои духи. Свои мужики, свои лохи, – изрекал Проха философскую мудрость, томно затягиваясь. – Склад вынесли недавно. У кладовщика кучу бабок отработали. А бабки эти не только ему принадлежали.
- Как общак что ли? – спросил Мокрый.
- Типа того. Многие люди кусок хлеба потеряли. – говорил Проха задумчиво, выпуская столб дыма в потолок.

– Да это курсанты по любому! – вдруг включился в разговор Емеля. – Ты видел их кадетов. Там сплошная уголовщина. Один только Куба чего стоит.

– Да причём тут курсанты, – отмахнулся Проха от Емели, как от назойливой мухи. – Это кто-то из шакалов. Они гражданских наняли. Говорят, целая бригада работала. Опытные домушники. Всё сделали чисто, не подкопаешься.

– А как они попали то сюда? – спросил Мокрый.

– Как, как. То же мне сложность. Ты как в самоволку ходишь? Вот так же и они, через дыру в заборе.

– Ну а чё ж тогда ментов не вызвали, особистов. – решил включиться в разговор Кир. – По-моему, ты нам какую-то сказочку лепишь.

– Какие менты, бабки-то левые, – ответил Проха, раздраженно сверкая глазами. Сейчас они среди своих крысу ищут.

Команда «Отбой» прервала этот разговор, но Киру было достаточно и того, что он услышал.

«Проха узнал информацию от Монтаны, а это значит, что кто-то из наших шакалов в этой системе – думал Кир лёжа на кровати и глядя в потолок. – Бажин? – может быть. Томилов? – наверняка. Остальные сильно уж одноклеточны. Нужно внимательней понаблюдать за этими двумя».

26 марта 1994 г.

Прошла уже неделя, но всё по прежнему тихо. Это напряженное спокойствие напоминает Киру мёртвый штиль на море перед бурей. В детстве он часто ездил с отцом на черноморский курорт. Много раз он наблюдал эту обманчивую картину, когда на море воцаряется полный штиль, и гладь воды становится словно зеркало. Всё будто бы замирает, ни шороха, ни дуновения ветра. Только смутное предчувствие чего-то нехорошего впереди сидит глубоко внутри. И вот, сначала появляются первые порывы, неведь откуда-то взявшегося ветра, потом появляется чернящая туча на горизонте, которая несётся с бешеной скоростью, словно злой рок. Но быстрее тучи приходит огромная волна, которая первым же ударом готова размазать по гальке часть беспечных отдыхающих, а вторую часть унести в море.

В этот раз буря прилетела в лице Носа. Сегодня первый день, как он появился на работе, но тут же громко даёт о себе знать.

«Нос на складе отпиздил Мармона ни за что ни про что...»

«Нос на кухне бегал с черпаком за поварами....»

«Нос наорал на полковника Манюрова...»

«Нос подрался с лейтёхой....»

«Щас только Нос с Бажиным у склада закусывались...»

«У Носа крышу оборвало напрочь...»

Эти слухи в течении дня с получасовым интервалом прилетают с разных концов училища, передаваемые духами, дедами, курсантами и даже офицерами.

Кир, который моет полы в казарме, вдруг слышит разговор, который заставляет его напрячься.

– Васильев с собакой по периметру бегает и травит её на каждого встречного – говорит лейтенант Габриэль Бажину.

«Васильев – это фамилия Носа» – только сейчас понимает Кир. Вдруг к нему приходит ужасная мысль: – «А ведь собака может...»

Мысль материализуется мгновенно в виде выросшего на пороге казармы Носа. Правой рукой за строгий железный ошейник он держит здоровую немецкую овчарку. Пёс видимо сам

до конца не понимает, что происходит и тяжело дышит, свесив язык на бок и то и дело поглядывает на выжившего из ума хозяина.

– Дежурный по роте на выход! – слабым растерянным голосом пищит стоящий на тумбочке Аликин.

– Де-журный! Хуй а-ажурный! – мямлит Нос, который оказывается мертвецки пьяным. – Мне нужны мои вещи, собачка говорит они где то здесь. – В левой руке он держит кепку, ту, которую Кир выбросил на складе. – Туман, ищи! – он суёт собаке кепку и та, понюхав, тащит его к каптёрке. Навстречу ему выскакивают Бажин и Габриэль.

– Толя, ты чё творишь! – визжит Бажин и заскакивает назад в каптёрку. По его испуганному лицу видно, что он панически боится собак.

– Толя, ну ты совсем что ли... – успевает сказать Габриэль, прежде чем Нос отталкивает его в сторону.

– Пшёл на хуй! Мне нужны мои вещи! Я знаю, что они здесь! Собаку не обманешь! – орёт он бегая по коптёрке и переворачивая всё что попадает под руку. – Толя, убери собаку! – причитает навзрыд Бажин стоя на подоконнике.

Кир, замерев со шваброй в руках, наблюдает всю эту картину из дальнего угла казармы.

Внезапно в казарму влетают пятеро здоровых парней в форме с чёрными погонами. Они быстро крутят пытающегося вырваться Носа и волоком тащат его к выходу. Собака, названная Туманом, поджав хвост покорно шествует за процессией.

Это был последний день службы Носа в училище. Это было начало новой жизни.

Глава 8. ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ

15 декабря 1992 г.

Но хаш хаш но фитамин...» – снова тараторит про какие-то витамины чернокожий доктор. Не понятно, за что его любят и заводят эту песню раз за разом на всех дискотеках, но здесь и сейчас, её первые аккорды приносят кратковременное облегчение. Сейчас можно немножко выдохнуть и расслабиться.

Под Албана все танцуют одинаково. Нужно просто стоять на месте и тихо приседать в такт музыке. Согнутые в локтях руки нужно держать на уровне груди. Танцующий при этом походит на боксёра, который вышел на ринг под марафетом.

Немного сложнее движения, когда танцуешь под «Ласковый май», «Мираж» или «Эйс оф Бэйс». Здесь нужно перебирать ногами, попеременно приставляя одну к другой. Руки у заурядного танцора при этом остаются так же неподвижными.

Ещё сложнее танцевать под «Депеш Мод» и «Технологию». Сложная пульсирующая музыка не позволяет тебе просто покачиваться как дебилу, а заставляет постоянно менять движения и их темп.

«Энигма» и "Скорпионз" – это кошмар и ужас, потому что это медляки, а чтобы танцевать медляк, нужна девушка. Если у тебя нет девушки и не кого пригласить на танец, нужно немедленно покинуть танцпол при первых аккордах «Энигмы». ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ПОКИНУТЬ ТАНЦПОЛ.

Мишане проще, у него нет слуха, и под любую песню он танцует одинаково, не заморачиваясь лишними движениями. Кир, наделённый слухом, не может игнорировать ритмичных звуков, не откликаясь на них соответствующими па. В этом плане ему гораздо сложнее.

Уже более двух часов они не сходят с небольшого круглого танцпола, сделанного в виде подиума. Меняются композиции, меняются соседи по танцу, меняется скорость вращения стеклянного шара над головой и цвет огней светомузыки.

Бессменны только два молодых танцора и их искушённый зритель, сидящий в зале.

Сегодня утром они приехали из Тюмени в Бахметку, где у Мишани жила бабка. Мишаня должен был передать ей деньги от родителей, а назад увезти мёд и какие-то соленья. В качестве телохранителя и носильщика Мишаня и позвал с собой Кира. Вообще-то, Кир больше подходил для весёлой компании, чем для этих ролей, тем более что вечером они запланировали скататься в Ё-бург.

Наевшись до отвала блинов со сметаной у добродушной бабки Мишани, друзья поспешили на электричку. Уже через час они были на вокзале Ё-бурга, откуда пешком направились в центр города.

– Тут прямо как в Москве, – восхищался Мишаня, очарованно глядя на большой проспект, украшенный новогодней иллюминацией.

– В натуре, – улыбался Кир, провожая взглядом звенящий трамвай.

Мороз начинал крепчать, и друзья опустили уши своих андатровых шапок. На пять минут они зашли в подъезд, чтобы погреться и выкурить папироску, заранее заготовленную Мишаней, а потом двинулись дальше. Стало веселее, и холод ощущался гораздо меньше. Они бродили по незнакомым улицам и заглядывали почти в каждый магазин.

Быстро проголодавшись, зашли в небольшое кафе, где заказали по горшочку жаркого и по стакану компота.

Когда трапеза подходила к концу, Мишаня достал из кармана спичечный коробок, откуда извлёк сушёного таракана. Он бросил его в горшочек с недоеденным блюдом и подозвал официанта.

– Позовите Вашего директора и принесите жалобную книгу, – недовольно бубнил Мишаня, указывая пальцем в горшочек.

Официант долго рассматривал содержимое горшочка, поднеся его к самому носу.

– Странно, – как бы удивился он, – мы тараканов регулярно травим.

– Игорёк, он ещё и отравленный, – жалобно обратился Мишаня к Киру.

– Меня шас вырвет, – Кир изображал спазмы подступившие к горлу.

Официант думал не долго.

– Ладно ребята, давайте так, – сказал он перейдя на вкрадчивый тон. – Весь этот ужин за наш счёт. Согласны?

– А компенсация за моральный ущерб? – возмутился Мишаня.

«Какая ещё компенсация, шкет?» – читалось в глазах официанта, но вслух он произнёс:

– И по пятьдесят грамм коньяка.

– По сто «Наполеона» – поставил точку Мишаня.

Из кафе они вышли в приподнятом настроении и двинулись дальше в поисках приключений, даже не предполагая, насколько они будут страшными.

– Ре-лакс, ночной клуб – Мишаня слогом прочитал светящуюся синим неонов вывеску, над очередным заведением, с маленьким крылечком. – А чё это такое ночной клуб?

– Это типа нашей дискотеки, только народу меньше и все крутые обычно. В американских фильмах часто показывают. Там ещё бабы голые танцуют и наркоту продают.

– Пошли зайдем, – предложил Мишаня.

– Говорю же, это для крутых – слабо сопротивлялся Кир.

– А мы чё не крутые что ли? – нахохлился Мишаня. – И капуста есть, если чё. Мне батя премию дал за поездку, и на кафе сэкономиили.

Они преодолели тяжеленную железную дверь и очутились в небольшом холле с приглушенным светом.

Дорогу перегородивал, стоящий поперёк стол, за которым сидел внушительных размеров тип, одетый в костюм.

– Вам чего? – спросил тип, пренебрежительно ухмыляясь.

– Нам туда, – сказал Мишаня, указывая рукой за спину типа, на соседнее помещение, откуда раздавались пульсирующие звуки.

– Вам туда нельзя, – тип опустил глаза на газету, как будто после его слов друзья должны были мгновенно раствориться в воздухе.

– Почему? – не отступал неугомонный Мишаня.

– По качану, – лениво ответил амбал, не поднимая глаз от газеты. – Одеты не так.

– А это чё, театр? Сюда в костюмах приходят? – не унимался Мишаня.

Амбал поднял глаза, и его щеки стали наливаться нездоровым румянцем.

– Слышь ты пидор, хуй моржовый, гандон штопанный, говна кусок...– перечислениям эпитетов, которыми амбал наделял Мишаню, не было конца, и друзья, решив не дослушивать окончания тирады, вышли за дверь.

Мишаня ещё возмущался произволу этого хмыря, стоя на крыльце, когда внимание друзей привлекла машина, припарковавшаяся рядом на стоянке. Небольшая иномарка обладала изящными округлыми формами и переливалась перламутром.

– Фольцваген Гольф – с видом знатока сказал Мишаня. Классная тачка.

Выходящие из классной тачки две девчушки заставили друзей раскрыть рты и позабыть обо всём на свете. Та, что за рулём, была одета в белоснежную шубу, чуть выше колен. И каких колен! Её одетые в ботфорты ножки, были словно филигранно выточены искусным мастером на токарном станке. Длинные белые волосы ниспадали на плечи из-под песчовой шапки. Лицо по своей красоте не уступало кукле Барби. Те же пухлые губки и вздернутый носик. Её подруга была не менее эффектна, и обладала точно такими же ножками и длинными бесцветными волосами. Они походили на двух одинаковых куколок, сошедших с одного конвейера.

Блондинка-водитель изящным жестом направила руку в сторону машины, и та жалобно взвизгнула, словно прощаясь на время.

– Сигнализация, – завистливо промычал Мишаня.

На крыльце они столкнулись нос к носу.

– Вы туда? – зачем-то спросил Мишаня.

– Мы туда! – звонко ответила первая блондинка, а вторая засмеялась. – А Вы, видимо, оттуда?

– А как насчёт позажигать вместе? –неожиданно вышедший на первый план Кир, говорил вальяжно и развязно. Он знал, что им здесь ничего не светит, и играл этот спектакль для одного зрителя, Мишани. Он не подозревал, что это представление заинтересовало ещё нескольких зрителей.

– Мальчики, мы сегодня заняты, да и Вы не в нашем вкусе, – снисходительно ответила первая блондинка.

Вдруг, друзья ощутили на себе очень широкие объятия, которые крепко сжимали плечи обоих сзади.

– Юля, а это чё за фраера? – прокуренный голос за спиной звучал, как рёв заведённой бензопилы.

Повернув голову, Кир увидел, что их с Мишаней обхватил за плечи человек, очень похожий на орангутанга. Он был приземистый, но неимоверно широкоплечий и длиннорукий. Одет он был не по морозу, в кожаную куртку и кепку. Страшное, исполосованное шрамами огромное квадратное лицо заросло чёрной щетиной. Сзади него стояли ещё двое таких же, в спортивных штанах, торчащих из пуховиков, и кожаных кепках.

– Вась отпусти их, они просто попутали, – непринуждённо сказала блондинка.

Но стальные объятия даже и не думали разжиматься.

– Да я уже вижу, что попутали. Вы откуда, фраера? – рёв бензопилы раздавался возле самого уха Кира. Ему казалось, что ещё немного и вжик... окровавленное ухо упадёт на бетонное крыльцо.

– Да мы не местные, из Бахметки приехали, вот потанцевать хотели, а нас не пустили. – Кир говорил первое, что пришло в голову.

Орангутанг мощным движением развернул друзей на сто восемьдесят градусов. Теперь они стояли к нему лицом.

– С Бахметки говорите? А Шурика Бека знаете? Я с ним восемь лет чалился.

– Не знаем! Не блатные мы, студенты. – жалобно отвечал Кир.

– Слышь Гера? Студенты, – хмыкнул орангутанг, обращаясь к товарищу сзади. – Ну ладно, студенты, пойдём.

– Куда? – спросили хором Кир и Мишаня.

– Танцевать. Вы же танцевать сюда пришли? – орангутанг открыл дверь и втолкнул друзей в помещение.

– Гриша, эти кенты со мной, – сказал он амбалу на входе. Амбал, вскочив с места, побратался с орангутангом и его вассалами и ухмыляясь проводил взглядом Мишаню и Кира.

Друзья сдали верхнюю одежду в небольшой гардероб который находился за постом амбала и вошли в соседнее помещение. Клуб представлял собой небольшой квадратный зал, в центре которого находился круглый подиум для танцев. Вокруг подиума располагалось несколько столиков, а вдоль одной стены стояли три кожаных дивана, так же оборудованные столами. Народу было не то чтобы много, но достаточно для такого небольшого помещения.

Друзья какое-то время стояли у входа и смотрели по сторонам. Их словно погрузили в большой кипящий котёл, заполненный табачным дымом, чрез который пробивался мерцающий свет стробоскопов. Громкая музыка долбила по ушам и заставляла вибрировать не только тело, но и внутренности. Эта пульсация звуков и света, заставила друзей мгновенно забыться и предаться эйфории. Они невольно заулыбались, и на какое-то время забыли, как здесь очутились. Вокруг кипела тесная суeta. Вспышки света высвечивали руки со стаканами, ноги, вышагивающие в такт музыке, головы со взбитыми прическами и лысые. Всё варилось в этом адском котле насквозь пропитанном табаком и алкоголем.

Играла композиция "Эйс оф Бэйс". Две девчонки на танцполе извивались и соблазнительно виляли ягодицами, плотно обтянутыми кожаными миниюбками.

– Там у стены столик свободный, пойдём сядем! – заорал Мишаня в ухо Киру, словно тот был глухой; он молча кивнул и друзья стали пробиваются, сквозь снующие туда-сюда тела, в дальний угол помещения.

– Чё делать то будем? Не нравятся мне эти бычки. – Сказал Кир, когда они уселись за столик.

– Да не очкуй ты. Они уже забыли про нас. Пойду выпить возьму, – Мишаня мгновенно растворился в синем дыму.

Кир курил, смотрел на танцующих и отдавался громкой пульсации. Укутанный уютным дымом, он полностью забыл о своих тревогах.

Внезапно из дыма выросла щетинистая морда орангутанга.

– Ты чё, сука, сидеть сюда пришёл? Пиздуй танцевать! – цедил он сквозь зубы. Глядя в эти волчьи, дышащие ненавистью и садизмом глаза, Кир с ужасом осознал, что они попали в западню, в берлогу к диким зверям.

– Да мы только зашли, сейчас пойдём... – попытлся невнятно промолвить он, но орангутанг ударом ноги по столу, приколотил его к стене. Ребро стола больно ударило в грудную клетку и сбило дыхание. У Кира потемнело в глазах. Орангутанг, не давая ему опомниться длинной мощной рукой схватил его за ворот свитера и выдернул из-за стола.

– Метнулся танцевать! Не дай бог я тебя не буду видеть на танцполе, порешу, сука! – Сказав эти напутственные слова он толкал Кира в направлении подиума. Движимый инерцией и страхом, Кир взлетел на приступок. Луноликая девица азиатской внешности, широко улыбаясь во весь рот, как бы приглашала его разделить с ней танец, и он, вымученно улыбаясь в ответ, попытлся снять напряжение и поймать ритм, чтобы изобразить подобие танца. Играло что-то ритмичное и заводное, но Кир не слышал музыки. Он смотрел на, плавающее в дыму, круглое лицо азиатки, и попытлся сгибать ноги в коленях, в такт её движениям. Панические мысли словно испуганные мыши метались в его голове.

"А где же Мишаня?" – думал он, – неужели успел смыться?» Нет ничего страшнее чем погибать в одиночку в трёхстах километрах от дома.

Но Мишаня никуда не смылся. Орангутанг тащил его через весь зал за шиворот к танцполу. Кир видел бледное лицо Мишани, который задыхался от того, что олимпийка, собранная на спине в огромный кулак сдавливала горло. Он попытлся что-то бормотать, воздевая открытую ладонь к силе, которая неумолимо влекла его к подиуму. Со стороны Мишаня походил на худую курицу, что то объясняющую мяснику, который тащит её к колоде чтобы отрубить голову.

Ну вот и Мишаня оказался выброшенным на танцпол. Какое то время он стоял потерянный, не понимая, что должен делать. Кир, пританцевав к нему поближе, ткнул его в бок.

– Танцуй, иначе нам кранты! –процедил он сквозь зубы.

Мишаня наконец то понял, что от него хотят и начал производить странные движения, которые больше походили на предсмертные судороги, или походку человека больного церебральным параличом.

Зазвучала новая песня. "Гудбай мой мальчик, гудбай мой миленький..." – пищала неизвестная певичка, и танцпол начал стремительно заполняться народом. Кир заметил блондинок, из за которых они сюда попали. Они выводили ягодицами восьмёрки, вокруг небольшой кожаной сумочки, стоящей на полу. Та, которая приехала за рулём периодически поглядывала на Кира с Мишаней, потом что то шептала подружке, и они прыскали от смеха. Кир уже собрался в кучу и мог оценивать ситуацию, и осознавать то, что происходит вокруг.

Он увидел орангутанга и его друзей, сидящих на диване у стены. Их столик был заставлен бутылками и закуской, и за ним царило оживление, сопровождающееся громкими возлияниями.

"А что будет, когда они хорошенько подопьют," – думал Кир, и кровь леденела в его жилах. Он чувствовал направленные на них садистские прожигающие взгляды.

Песня закончилась, и танцующие замерли в ожидании следующей композиции. Послышались плавные, до боли знакомые аккорды. Это был медляк "Энигмы". Народ стал массово покидать танцпол. Остались только две танцующие пары и Кир с Мишаней. Они стояли в замешательстве и не знали, что делать.

"Вот это конец, – думал Кир. – Орангутанг насторожился. Сейчас он заставит нас танцевать в паре с Мишаней, тогда пиши пропало".

Спасение неожиданно пришло со спины. Кир почувствовал болезненный толчок. Он обернулся и увидел азиатку.

– Пойдём танцевать, – в низком прокуренном голосе слышалась не просьба и даже не вопрос. Это был приказ!

Сейчас Кир был рад и такой паре, поэтому с удовольствием согласился с настойчивым предложением.

Азиатка была крупнее и выше его на полголовы, так что он чувствовал себя танцующим в объятиях медведя. Но ему сейчас было гораздо легче, чем Мишане, который одиноко покачивался в центре подиума. Его спасало одно обстоятельство. Во время медляков, откуда-то сбоку начинал валить густой белый дым, который скрывал всё происходящее на подиуме, поэтому Мишаня скоро потерялся в этом дыму, как ёжик в тумане.

Азиатка бубнила Киру на ухо, что она сама из Уфы, а в Ё-бурге учится, что пришла сюда с подружкой, но та не танцует, что неплохо бы вместе посидеть. Кир что-то отвечал и многое невпопад. Его сознание заполняла одна единственная мысль: "Как выбраться из этой ямы целыми".

Под белые розы "Ласкового мая" танцпол взорвался. Народу стало столько, что негде былопротиснуться. Кир и Мишаня кривлялись рядом и теперь могли спокойно поговорить.

– Вот это попадос! Надо линять отсюда. – Серьёзный тон Мишани не вязался с теми нелепыми движениями, которые он производил.

– Ясно, что надо, только как? – Кир активно перебирал ногами под музыку. – Они сидят у самого выхода, по любому кто-нибудь спалит. Да и верзила этот на входе...

– Я был в туалете, там окно есть, можно через него. Туалет как раз сзади подиума...

– Без одежды? На улице тридцатка. В своей олимпийке ты уже через пять минут превратишься в сосульку. – Кир обречённо вздохнул.

Брутальный голос солиста "Депеш Мод" перенял эстафету. Кир пытался совместить тяжёлые раздумья с движениями в такт музыке. Внезапно он ощутил толчок в спину. Перед ним стоял долговязый мерзкий тип в кепке, один из тех, что пришли с орангутангом.

– Как танцуется, петушки? – осведомился он, осерев фиксатый рот. – Танцуйте, пока танцуется. – Он больно поддел Кира в бок локтём и направился к блондинкам, которые снова танцевали вокруг сумки.

– Слушай Кир, давай забьём и не будем танцевать. Пошли они на хуй! Уж лучше смерть чем такой позор. – Мишаня стал двигаться гораздо пластичнее.

– А если это будет смерть через "Куки-Руки"? – Кир задумчиво повторял фразу из известного анекдота, в котором дикари поймали двух туристов и предложили им выбирать смерть, или "Куки-руки". Один из туристов выбрал экзотический обряд. Тогда всё племя, включая вождя, отымело его в задницу. "Лучше смерть" – сказал второй. И тогда вождь постановил "Ты приговариваешься к смерти через "Куки-руки".

Сейчас этот анекдот, вместо того чтобы вызвать смех, породил у друзей ряд печальных ассоциаций. Кир был больше склонен к третьему варианту: смерти от холода.

– Нужно валить через окно в туалете, когда в следующий раз пустят дым – решительно сказал он Мишане.

– Дым пускают во время медляков, ждём следующего и валим. – Оживился Мишаня.

Песня закончилась, и друзья напряженно ожидали начала следующей композиции. Услышав первые аккорды песни Уитни Хьюстон из фильма "Телохранитель", Кир дал знак другу, чтобы тот приготовился. Вдруг перед ним горой выросла азиатка.

– Пойдём? – она протянула к нему свою здоровую лапу.

Кир попытался сказать, что лучше в следующий раз, но вопрос азиатки снова оказался риторическим, и она сходу сжала тиски своих крепких объятий. Кир подал мимический сигнал Мишане, который начинал волноваться "Мол ничего страшного, всё в силе". Они немного потанцуют, а потом он скажет ей, что срочно захотел в туалет. Так их исчезновение станет ещё более внезапным и незаметным.

Перед тем, как облако дыма поглотило всё вокруг, Кир заметил, что блондинка срывается с подиума, оставив свою сумку на полу. "Забыла что ли?" – подумал он, но потом понял, в чём дело. Блондинка подошла к дивану, где сидел орангутанг, схватила его за руку и потащила на танцпол.

"Этого ещё не хватало", – подумал Кир, натянуто улыбаясь азиатке.

Их пары танцевали недалеко друг от друга, и Кир, не смотря на плотный дым, всё время находился в поле видимости орангутанга, который время от времени бросал на него хищный взгляд из за плеча партнёрши. Сейчас о побеге не могло быть и речи.

Под мягкий, переливающийся голос Уитни, и непрерывный бубнёж азиатки Кир вынашивал новую идею, которая внезапно пришла ему в голову. У него появилась мысль, благодаря которой они могут избежать смерти от братков и от холода. Вдохновлённый этой мыслью он ожил и даже что-то отвечал азиатке.

В конце танца, орангутанг подошёл к Киру, и дыша ему в ухо перегаром негромко сказал, – хорошо пляшете, пацанчики. Я Вас потом ещё в одно место свожу, там от души потанцуем.

"Нажми на кнопку, получишь результат..." заливались солисты группы "Технология". Кир всё ещё не мог прийти в себя от очередной встречи с орангутангом и дрыгал ногами на автомате.

– Чё он тебе сказал? – спросил Мишаня.

– Если я тебе скажу, ты сильно расстроишься – угрюмо ответил Кир.

– Когда будет следующий медляк, избавься от своей подруги, а то я один на лыжи встану. – по нервным движениям, походящим на приступ эпилепсии, Кир заметил, что у друга начали сдавать нервы.

– Лучший вариант уходить, когда блондинка снова будет танцевать с этим васей, – сказал он, игнорируя замечание Мишани.

– Чё же ты сейчас не ушёл? – нервно хмыкнул Мишаня.

– Ты же видел, как это чудовище в меня вцепилось. Обидно, что момент упустили, он почти не смотрел на нас, пялился на свою блондинку. Слушай, Мишаня, тут другое. Они когда вместе танцуют, она сумку оставляет на полу без присмотра.

– Так ты чё, хочешь сумку? – в глазах Мишани отражались зеркальные шарики. – Если поймают, нам кранты.

– А нам и так кранты. С сумкой нас поймают, или без сумки, смерть через "Куки руки" обеспечена. А в сумке ключи должны быть от тачки. Ты же водить умеешь?

– Умею, – как-то неуверенно ответил Мишаня.

– Ну вот, видишь, есть шанс уйти подальше и не замёрзнуть.

– Тогда надо ждать следующего медляка, под который они будут танцевать вместе. Как ты видишь, они танцуют не под каждый. Может это вообще было в первый и последний раз, а мы чем больше ждём тем сильнее рискуем. Видишь как они накачиваются там? – Мишаня с опаской озирался по сторонам, двигаясь при этом, как пьяный брейкер.

– Давай немного подождём, в случае чего уйдём так – согласился Кир. – Я, честно говоря, уже заебался танцевать, а у тебя смотрю всё лучше и лучше получается.

– Прикалываешься? – психонул Мишаня, но при этом стал двигаться ещё отчаяннее.

Мелодичный свист и гитарный проигрыш возвестили о начале композиции "Ветер перемен" от "Скарпов". Кир наблюдал за блондинкой, которая, вопреки ожиданиям, даже не шевельнулась на диване, где сидела в обнимку с орангутангом.

"Ей. видимо, только Уитни Хьюстон подавай" – подумал Кир, падая духом.

Тут как тут материализовалась недремлющая азиатка, и Кир с глубоким вздохом снова нырнул в её объятия.

– Вы такие неуёмные со своим другом. Всё танцуете и танцуете, – удивлялась липучая партнёрша. – Пойдём к нам за столик, пива выпьем. Я твоего друга с подружкой познакомлю.

– Чуть позже. – Кир пытался побороть спазм, возникший в горле, благодаря резкому аромату дешовых духов, которыми от души облилась азиатка.

Внезапно ему пришла на ум новая идея.

– Слушай, Гульнара, мы тут с другом поспорили, кто кого перетанцует, – вдруг жарко зашептал он на ухо азиатке. – Сдаваться никто, не хочет, тем более деньги на кону. У меня к тебе просьба. Мы договорились, что оба сойдём с танцпола только в том случае, если две песни сыграют подряд, одна за другой. Сначала эта, "Гудбай мой мальчик" не знаю кто поёт.

– Анжелика Варум, – блеснула азиатка знанием современной эстрады.

– Да Барун, а потом медляк Уитни Хьюстон. Ну этот из "Телохранителя" знаешь? – азиатка утвердительно кивнула. – Сможешь договориться, чтобы эти песни включили одну за другой? Я честно говоря устал уже. Только надо сделать так, чтобы Миша (так зовут моего друга) ничего не заподозрил. – Кир достал из кармана скомканную «пятихатку» и вручил её азиатке. – Этого должно хватить. Только, когда будут играть эти песни, не выходи на танцпол. Ждите нас с подругой за столиком. Так надо. Сделаешь?

Азиатка охотно согласилась, и по окончании танца, направилась в сторону операторской, где находился диджей.

А неизвестный певец с высоким голосом уже сокрушался о том, как он скучает по городу Грозный и судя по тексту песни, надеется, что очень скоро туда вернётся. Песня почему-то вызвала большое оживление, не смотря на отсутствие в ней всякой мелодичности. Какие-то весёлые парни в трениках выскочили на танцпол и сопровождали залихватские танцы свистом и криками, тем самым побуждая других танцевать под этот зажигательный мотив.

"Где же это такой город? Куда все они мечтают вернуться" – думал Кир, пытаясь поймать ритм танца.

– Мишаня готовься, – сказал он, приближаясь к другу в танце. – Сейчас будет две песни: во время одной блондинка должна поставить свою сумку на пол, а во время второй, они будут танцевать с гориллой. – По лицу Мишани было видно, что он ничего не понял, но очень надеется, что так оно и будет.

Азиатка хорошо справилась с поручением Кира.

Зазвучали первые аккорды песни про мальчика и народ обильно высыпал на танцпол.

Блондинки заняли своё место вокруг сумочки и снова начали рисовать восьмёрки. Их ноги не отрывались от паркета, будто намертво к нему приклеенные. Это походило на какой-то шаманский обряд, где в центр круга ставится объект поклонения, а вокруг извиваются в танце идолопоклонники.

– Всё идёт по плану, – шепнул Кир Мишане, косясь в сторону блондинок. Нервное напряжение достигло своего пика и друзьям приходилось снимать его в танце, таким образом они двигались всё активнее, словно разминаясь перед марш-броском.

"Только бы ничего не сорвалось, – думал Кир. – Лишь бы блондинке не вздумалось попудрить носик, а горилла соизволил оторвать свою жопу от дивана".

Песню проводили громкими аплодисментами, видимо окончательно убедившись, что мальчик с девочкой таки не повстречаются на тропинке никогда. Повисла пауза между песнями, которая показалась Киру вечностью.

Есть! Вот они знакомые аккорды! Уитни начинает распеваться. Сердце Кира бешенно заколотилось. Блондинка двумя руками стала махать ухажёру, развалившемся на пол-дивана. Он встал, и, наклонив голову вперёд, как бешенный носорог быстрыми шагами направился к танцполу.

– Иди первый, – быстро шептал Кир Мишане, после того как пары начали танцевать, а дым стал застилать танц-пол. – Проверишь всё ли чисто, откроешь окно и будешь ждать меня. Я сорвусь через пару минут, если ты не вернёшься. Давай!

Мишаня растворился в тумане, а Кир незаметно подбирался к тому месту, где находилась брошенная сумочка. Горилла с блондинкой были где-то рядом, но пелена дыма скрыла их из поля зрения. Напряжение взяло своё, и Кир, не выжидая времени, схватил сумочку, сунул её под свитер и начал быстро пробираться к противоположной стороне танцпола. Спрыгнув с подиума, и оглядевшись по сторонам, он быстро пошёл в сторону узкого коридора, туда, где по словам Мишани, находился туалет.

Мишаня возился со старым деревянным окном, которое никак не хотело открываться.

– Его по ходу не открывали никогда, смотри как шпингалет покрашен! – он чуть ли не плакал, безнадёжно ковыряя шпингалет.

– Мишаня, времени нет, давай вместе возьмёмся. И р-раз! – Кир потянул за ручку, а Мишаня уцепился за раму. Окно изогнувшись дугой, но при этом умудрившись не сломаться отворилось с громким хлопком. В лицо друзьям ударил ледяной воздух вперемешку со снежной пылью. Мишаня вскочил на подоконник, и не мешкая ни секунды, прыгнул в чёрную бездну. Кир нырнул следом за ним. Под окном как на заказ, оказался огромный сугроб, в котором Мишаня увяз по пояс, но очень быстро выкарабкался, с ног до головы обдавшись душем из ледяного наста. Кир угодил в яму, образованную Мишаней.

– Нога! – заорал он от нестерпимой боли. Левую ногу, как будто кто-то выкручивал по часовой стрелке.

Мишаня снова нырнул в сугроб и помог выбраться оттуда раненному товарищу.

В два слоя побеленные снегом, но ещё не чувствуя холода, они побежали в сторону стоянки.

– Мишаня, держи ключи! – отстающий ковыляющий Кир швырнул другу ключи, из сумки, которую он потрошил на ходу. – Открывай машину!

Мишаня, отыскав среди машин заветный "Гольф", пытался попасть ключом зажигания в личинку замка.

– Куда! – заорал подоспевший Кир, – там же сигнализация, на пульте кнопку ищи!

Мишаня беспорядочно тыкал кнопки на маленьком брелке. Через секунду машина взвизгнула и приветливо мигнула фарами.

– Есть! – радостно заорал Мишаня, открывая дверь.

– Заводи! – крикнул Кир, падая на пассажирское сидение. – Чё ты там ковыряешься – он занервничал, глядя, как Мишаня рассеянно шарит по панели.

– А где у неё подсос?

– Какой на хуй подсос, заводи! – истошно заорал Кир прямо в ухо Мишане.

Тот повернул ключ, и машина, вяло крутанув стартером, и вздрогнув всем кузовом, завелась.

–Есть! – радостным хором завопили друзья.

– Быстрее поехали! – торопил Кир Мишаню, чувствуя, как его начинает пробирать озноб.

Мишаня включил заднюю передачу и попытался тронуться с места, но машина, сделала рывок и заглохла.

– Сними с ручника и газуй посильнее, не видишь, она не прогрета, – давал наставления Кир. Сам он никогда не водил, но эти элементарные вещи в отличие от "опытного" Мишани знал.

Мишаня снова повернул ключ. Машина завелась. Кир услышал, как жалобно и надрывно заревел движок, от того что Мишаня со всей мочи надавил на газ.

Машина подпрыгнула и полетела назад. Через секунду раздался страшный удар и друзья воткнулись носами в панель.

– Бля-я – стонал Кир, глядя в зеркало заднего вида. Машина протаранила девятку, стоявшую напротив единственного фонарного столба, который освещал стоянку. Девятка, в свою очередь, ткнулась бампером в столб, который покачнувшись, начал крениться вправо, а потом со всего размаху рухнул на лобовое стекло джипа, стоящего рядом с девяткой. Досталось и новенькой Ниве, которая стояла по другую сторону джипа; верхушка столба помяла ей стойку. Машины запищали неслаженным разношёрстным хором, словно соревнуясь у кого громче получится.

Мишаня нервно дёргал коробку и зачем-то выкручивал руль.

– Гони! – истошно орал Кир, из носа которого ручьями бежала кровь.

Наконец Мишане удалось тронуться. Он выехал со стоянки и на перекрёстке повернул налево.

Гони, гони, гони! – орал Кир. Непрогретая машина разгонялась тяжело, то и дело дёргалась, спотыкалась и тряслась в унисон с зачоченевшими друзьями. Была уже ночь, и на дороге не наблюдалось ни одной машины. Когда машина наконец-то разогналась до восьмидесяти километров, друзья начали улыбаться.

– Как мы их а? – восторженно кричал Мишаня, вцепившись в руль .

Однако, по мере того, как первое напряжение миновало, Киру начало казаться, что что-то не так. Может быть, виной этому был незнакомый город, а может, дорожная полоса, которая тянулась справа от них, вдоль железного заграждения. Кир понял, что его так смущало, когда было почти поздно.

– Встречка! – заорал он, когда мимо них пронеслась «Волга», истошно сигналив и моргая фарами. – Мы по встрече едем, вон та полоса в другую сторону, – Кир показывал рукой на отбойник.

Мишаня продолжал ехать вперёд. Он пытался найти окно в заграждении, чтобы выскочить на свою сторону, но проезда нигде не было видно.

– Разворачивайся! – скомандовал Кир. Мишаня выкрутил руль, и машина развернувшись на пустой дороге, помчалась в обратную сторону.

– Заебись, Мишаня! Теперь мы летим как раз к ним в лапы. Они сто пудов уже выехали. – Кир досадливо хлопнул себя по ляжкам.

– Чё делать то? – совсем растерялся Мишаня.

– Сворачивай вправо, водила хуев! – снова заорал Кир, заметив впереди поворот.

Машина свернула на узенькую, не расчищенную от снега улочку, и поползла по ней тяжело, то и дело пробуксовывая.

– Давай, давай, давай! – подбадривал Кир товарища. Они оба взмокли, не смотря на холод в неуспевшей прогреться машине.

– Далеко нам так не уйти, – печально вздохнул Кир. – Нужно бросать машину и ловить тачку.

– Да нормальная тачка, чего ты... – недоумевал Мишаня.

– Тачка то нормальная, меня водитель больше напрягает. Ты десять минут за рулём а уже так накуролесил. Причём мы сейчас, не дальше, чем в километре от места, с которого сорвались. Смотри, как ты едешь, все ямы и сугробы собрал. Представляешь, что будет, если нас сцапают. Тогда молись, чтобы лучше это были менты.

– Ладно, валим – Мишаня резко надавил на тормоз, так что разбитый нос Кира оказался в сантиметре от панели.

– Ты чё дибил? Хочешь её на дороге бросить? Нас тут же сцапают. Давай заедем во двор хотя бы.

Они заехали в маленький дворик, где Мишаня с трудом припарковал машину между бетонным столбом и железным гаражом. Покидать машину не хотелось, тем более, что в ней только стало тепло. Кир вынул из глянцевого красного бумажника несколько купюр и положил его обратно в сумочку.

– Семь кусков, – не так уж и плохо, улыбнулся он.

– Можно в купе до дома доехать, – потирал руки Мишаня.

– Кто тебя в купе без паспорта посадит? Нам только электричка светит.

– А как же мы поедем в таком виде? – Мишаня оттянул рукав своей синтетической олимпийки.

– Надо решать проблемы поэтапно, – повторял Кир любимое изречение отца. – Сначала нужно выбраться отсюда. Чтобы выбраться, нужно поймать тачку. На ней доехать до вокзала, а уж потом думать, что делать дальше.

– Где же ты сейчас тачку поймаешь, на дорогах пусто. Мы быстрее околеем, или попадём к этим волкам. Они наверняка где то здесь рыщут. – Мишаня пытался найти любые причины, чтобы не покидать тёплой машины.

– Если будем сидеть здесь, мы тачку точно не словим. А братки, скорее всего, ищут нас где-нибудь подальше. Им и в голову не приходит, что мы у них под самым носом, благодаря ассу-водителю.

– Хорош угарать – недовольно пробурчал Мишаня.

Как бы не хотелось друзьям остаться в тёпленькой машине, настала пора её покидать.

– Вернёмся, если совсем замерзнем – со вздохом сожаления сказал Кир и открыл дверь, через которую, как через шлюзы в тонущем корабле, хлынул ледяной воздух.

– Здорово ты её припечатал, – Кир на прощание посмотрел на смятый фартук их обаятельной спасительницы.

В ожидании, хоть какой-нибудь машины, друзья вспомнили все танцевальные «па» и даже разучили несколько новых. Холод быстро сковывал их движения, словно обливал с ног до головы вязким клеем. Подмерзающие ноги начинали неметь, и друзья уже подумывали о том, чтобы вернуться в машину.

– Едет кто-то – вдруг заорал Мишаня, тыча пальцем в жёлтый мерцающий свет фар.

Они выбежали на дорогу, забыв о всякой осторожности. Огромный военный Урал, свистя тормозами, остановился в пяти метрах от них,.

– Эй, Вам чё жить надоело – заорал из форточки человек в синей шапке. Друзья устремились к нему.

– Братишка, довези до вокзала. Бомбанули нас. Но деньги остались, вот... – Еле двигающий синими губами, Кир помахал пятитысячной купюрой. Его разбитый нос не оставлял сомнений в том, что он говорит правду.

– Прыгайте! Как же Вас угораздило? – спасительная дверь справа распахнулась, и друзья, по очереди запрыгнув на подножку, оказались в тёплой кабине.

За рулём сидел паренёк в зелёном военном бушлате, чуть постарше их самих. Лицо паренька было плотно усыпано угрями. Кир на ходу выдумал историю, что они с другом приехали покупать мотоцикл по объявлению в газете, но наткнулись на банду мошенников, которые избили и оставили их без денег, и даже одежду отобрали. – Вот всё что успел занюхать – плакался он, в очередной раз показывая купюру.

– Земляки! – оживился водитель, узнав, что друзья из Тюмени. – А где живёте то?

– На КПД...

– А я с Обороны. Вот так встреча! Как вы домой то в таком виде собираетесь?

– Нам бы до вокзала добраться, а там решим как-нибудь.

– На вокзале Вас и примут менты. Будете сидеть в обезьяннике, до выяснения личностей. Ладно, земели, считайте, что Вам дико повезло. – Водитель уверенно дал газу. – Сейчас заскочим к нам в пожарное училище, здесь недалеко. У нас на КПП куча всякой гражданки. От духов остаётся. Мы её держим там на случай, если в самоход надо сходить. Она конечно стрёмная вся, в нормальном человек в армию не поедет. Но тут уж выбирать Вам не из чего.

– Спасибо тебе братан! – от проявления такого участия в их адрес у друзей навернулись на глаза слёзы.

– Ладно Вам, мы земляков в беде не оставляем!

– Слушай, ну ты прямо как лыжник из семидесятых. – От заливистого хохота у Кира из глаз текли слёзы. – Я последний раз такие петушки в первом классе носил.

Синий петушок с надписью "Динамо" плотно обтягивал голову Мишани и заканчивался высоким акульным плавником.

– Кисточки к нему не хватает. Ладно, дома пришьёшь.

– Зато ты в этой кроличьей шапке и фуфайке похож на партизана, который плутает по лесам и не знает, что война давно уже кончилась. – Мишаня дождался своей очереди, чтобы поиздеваться над другом. – Давай сойдём в Бахметке и пойдём в сельский клуб. В этом прикиде нам там самое место. Тем более танцевать мы с тобой умеем.

Они сидели друг напротив друга, на деревянных лавках, в пустом холодном вагоне утренней электрички.

– Кстати, Мишаня, приедем в Тюмень, пойдём в ночной клуб?

– Ни за что на свете. Я за эту ночь на всю жизнь натанцевался. До сих пор ноги гудят. И песни эти все ненавижу. Особенно "Энигму".

– А я наоборот полюбил двух певиц: Уитни Хьюстон и эту, которая про мальчика поёт.

– Варум что ли?

– Во во, Барун!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УРОКИ БОТАНИКА.

Глава 1. ЗАКРЫТЫЙ КЛУБ

Заочно Кир слышал о нём много раз, но впервые увидел его в школе, на линейке, посвященной началу учебного года.

– Это чё за жирный боров с географичкой рядом? – шептал Мишаня, кивком головы указывая на высокого очкастого толстяка, который переминаясь с ноги на ногу глядел куда-то поверх голов учащихся, в то время, как директриса произносила вступительную речь.

– Новый учитель истории, брат Макса Безумного, – ответил Кир, с ухмылкой оценивая нескладную фигуру в мешковатом сером костюме. Ему не верилось, что перед ним герой бесчисленных рассказов Безумного, этот пресловутый Ботаник. Оценивая тучную грушевидную фигуру и интеллигентную очкастую физиономию, Кир понимал, что все подвиги любовные и авантурные приписанные Безумным брату были не более чем трёпом. Этот растерянный чело-

век в больших очках с толстыми стеклами и розовым почти детским личиком, больше походил на пупсика переростка.

– Ботаник, он и есть Ботаник – хмыкнул Кир.

– Кто кто? – переспросил Мишаня, но его вопрос утонул в звуках школьного вальса, обрушившемся на расхлябанную толпу из репродуктора.

«Посмотрим, что теперь будет лепить Безумный про своего братца» – думал Кир.

Появление нового учителя сразу наделало много шума. Шли разговоры, сплетни пересуды. Всем хотелось понять, что заставило молодого мужика избрать себе профессию, которая, по мнению большинства, подходила только истеричным бабам.

Он не походил на истеричную бабу с низким прокуренным голосом и вечно кислой, словно после глотка уксуса, физиономией, которая могла уверенно чувствовать себя в этом бурлящем адском котле.

Он не мог издавать визг, похожий на рёв бензопилы, от которого леденела кровь в жилах даже у видавших виды остолопов.

Он не мог, идя по коридору, так громко стучать каблуками, чтобы задолго до своего появления навести панику среди галдящих школьников и тем самым заставить их затихнуть и замереть.

Он не мог ворваться в мужской туалет с криком «Вы почему не на уроке? Опять курите?».

Ботаник был антиподом этому устоявшемуся образу и всем, как ученикам, так и учителям было интересно, сколько дней, недель, а может даже месяцев сможет продержаться этот случайно оказавшийся здесь человек.

Руководимая благими намерениями директриса, чтобы не затягивать это случайное пребывание, определила Ботанику самый отморозенный седьмой класс «В», куда поставила его классным руководителем. Этот класс, а так же вся параллель находились под тлетворным влиянием пацана с кличкой Дерьмо. Погоняло было производной от фамилии Дермов, и полностью отражало суть его хозяина.

Дерьмо был тщедушный и маленький, но абсолютно безбашенный. Он был кошмаром всех учителей и его много раз пытались под любым предлогом убрать из школы. Именно убрать, потому что выгнать человека из школы означало лишить его образования, которое гарантировала советская система. Перевод ученика в другую школу требовал веских оснований. По Дерьму вообще-то плакала школа для умственно отсталых, но его мамашка, занимала какой-то важный пост в администрации и даже слышать ничего не хотела о переводе.

Таким образом, класс Дерьма, сменив многих руководителей, уже давно оставался безхозным и забытым.

Вся неприятность заключалась в том, что Дерьмо заразил своим поведением большую часть своего класса и всей параллели, поэтому участь Ботаника была предрешена, и все ждали скорой развязки.

Первый слух пришёл на пятый день и произвёл эффект разорвавшейся бомбы.

– Ты знаешь, чё этот очкастый историк исполнил?

– Рассказывай, не томи, – говорил Кир маленькому толстому Туче, который сидел на подоконнике в туалете и жадно досасывал крошечный, едва помещающийся в маленьких пальчиках, окурочек «Примы».

– Вчера на истории диктует нам какую то лажу про Петра и его реформы. Мы с Зелёным на задней парте в морской бой зарубаемся, а Дерьмо на соседнем ряду, тычет ручкой в зад Ефграфовой. Та орёт, как потерпевшая, а этот ходит вдоль рядов, спокойный как удав, как будто не замечает ничего. Половина класса хуйнёй страдает, а он знай себе ходит и диктует. Смотрю, прошёл в конец нашего ряда. Ну, мы с Зелёным не останавливаемся и продолжаем играть, как ни в чём не бывало. Он разворачивается, идёт назад к доске и продолжает дикто-

вать, что-то вроде «Реформы Петра имели колоссальное значение...». Сам, как бы невзначай берёт с парты Климовой толстый учебник истории (ну ты же знаешь эти кирпичи), и вдруг, с разворота как заедет им Дерьму по роже так, что сопли в разные стороны полетели. Дерьмо аж со стула упал, губы в кровь, все в панике, а он кладёт учебник и продолжает диктовать, как ни в чём не бывало. Тут все принялись старательно записывать, даже мы с Зелёным. Смотрю краем глаза, Дерьмо сидит, дышит так часто, короче «слёзки на колёсках». Потом вдруг хватается портфель, орёт ему «Козёл!» и выбегает из класса. Но далеко видимо не убежал. Возвращаются уже с Кислотой на пару. Та говорит, мол «Андрей Васильевич, можно Вас на минуточку?», и ушли вместе. Минут двадцать не было, а потом вернулись оба. И всё по-прежнему, как будто и не было ничего, Дерьмо беспредельничает, а очкастый ходит и диктует.

После рассказа Тучи, Кир стал уважать Ботаника, но ему было жалко, что тот так и не смог победить Дерьмо.

Безумный порывался отомстить за брата и разобраться с обнаглевшим дрищём, но Кир убедил его, что делать этого не надо.

– Он же учитель, и грош ему цена, если сам не разрулит. Тогда пусть уходит из школы и занимается чем-нибудь другим.

Киру не понадобилось много времени, чтобы понять, насколько он недооценивает Ботаника. Уже через месяц Ботаник стал душой всей школы. Его можно было увидеть тут и там, нежно щебечущим с географичкой, рассказывающим пошлый анекдот военруку, обсуждающим последнюю игру ЦСК и «Динамо» с физруком, нащёптывающим что-то в углу рекреации щуплой молоденькой химичке, объясняющим англичанке хитрость изготовления бисквитного пирога.

Но это было не всё. В бывшем кабинете химии, который отдали Ботанику под классный кабинет, была небольшая лаборантская. Там с некоторых пор стали собираться школьники, не имеющие никакого отношения к лабораторным опытам. Они не отличались страстным рвением к предмету, который преподавал Ботаник. Все эти люди имели выдающиеся способности, не имеющие отношения к школьной программе.

Первыми там стали появляться два десятиклассника Савёл и Дима Строев. Они были здоровыми спортивными парнями, занимались боксом и держали в руках всю параллель. Потом маленький кружок начал расширяться, благодаря друзьям Савёла и Димы. Со стороны это было похоже на кружок любителей истории, которые с удовольствием занимались факультативом с любимым учителем не только по утрам, но и оставаясь после уроков.

Первый раз Киру довелось посетить такой кружок благодаря Безумному, который тоже набрал популярность за счёт знаменитого брата. Так Кир познакомился с Ботаником ближе. Они с Безумным зашли в лаборантскую в первый раз, когда Ботаник рассказывал какую-то интересную историю Савёлу и ещё двум крепким паренькам, имён которых Кир ещё не знал.

– А я ей говорю: «Я премного восхищён Вашими формами, а теперь, сударыня, соблаговолите оценить мой размер» – говорил он негромко, картаво произнося «р».

Парни захохотали, а Ботаник насторожился, увидев вошедших. Узнав знакомое лицо, он сразу же обмяк и растянул губы в обаятельной улыбке, от которой на его пухлых щеках образовались ямочки.

– А это вот брат мой, прошу любить и жаловать.

Старшеклассники поприветствовали новых знакомых крепкими рукопожатиями, а Ботаник тем временем продолжил говорить.

– Кстати, психологами доподлинно установлен факт, что если девушка во время первой встречи бросит на парня повторный взгляд, значит, у него есть все шансы затащить её в постель.

– Так я весь класс перетрахать могу? Они все на меня не по одному разу пялились, – развеселился коренастый губошлёп Савёл.

– Ваня, слушай внимательно то, что я говорю! При пе-рвой встре-че! – Ботаник продолжал обаятельно улыбаться. – На улице, в подъезде, в магазине ты сталкиваешься с девушкой. После первой случайной встречи взглядами незнакомые люди сразу отводят глаза. Так вот, нужно обратить внимание на то, стрельнула ли девушка взглядом в тебя во второй раз. Если нет, то можешь не терять на неё времени.

– Короче, если тёлка посмотрела на меня второй раз, значит, хочет чтобы я её трахнул? – Савёл решил убедиться, правильно ли он всё понял, но Ботаник тяжело вздохнул, продолжая при этом улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.